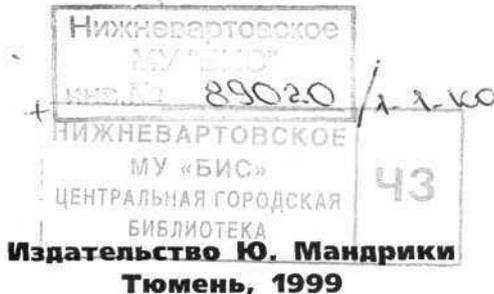

Петр Андреевич
СЛОВЦОВ

Письма из Сибири

Письма из Сибири 1826 года

Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году

Здесь был погребен с тобой братъ и ограда
Рядом въ деревушкахъ или в Чащуринъ
Копилка въ саду. Москва. Вечер
20 янв 1828 года.

Письма из Сибири 1826 года

Казанскому обществу
любителей словесности

От почтительнейшего
сочлена

Господа любители словесности, милостивые государи!

Посвящая *письма из Сибири* знаменитому обществу словесности¹, я приношу под сим титулом вам, милостивые государи, давнюю дань справедливого почтения и живейшей признательности за внимание ко мне. Удостоенный в 1815 году лестной чести быть сопричисленным к обществу, я тогда же возложил на себя обязанность поднести имени его первую тетрадь, какая только будет издана от имени моего, и сей обет ныне исполняю.

Не смея хвалиться ни красотой слога, ни тонкой разборчивостью в употреблении языка, я, по крайней мере, прошу у вас, милостивейшие государи, позволения оправдать принятое мною правописание в двух случаях, донныне, кажется, не определенных, а именно:

а. Имя прилагательное на «**ый**» в мужском роде в именительном и винительном падежах употребляют различно; иные на «**ый**» в обоих падежах, иные на «**ой**», или как напишется. Но я нашел больше правильности писать в именительном падеже на «**ый**», а в винительном на «**ой**»; так, например, всякому, имеющему ум образованной, приятен слог красивый. Разность в письме окончаний, не говоря о требованиях глаза, предписывается различным произношением последнего слога, потому что в винительном падеже решительно падает ударение на «**ой**».

б. Заглавные большие буквы соглашенность у нас писать в начале известных существительных имен, например, Россия, Казань, Волга и пр.; но всегда ли следует писать большие буквы в начале прилагательных имен, происходящих от существительных, имеющих право сего присвоения? Например, в словах российская пенька, казанский сафьян,

¹ Сноски, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены в конце книги на С. 203–254. К словам, обозначенным астериском (*), имеются примечания автора, которые помещены внизу страницы. — *Прим. издателя.*

ПИСЬМА ИЗ СИБИРИ 1826 года

осетрина волжская нет никакого приличия употреблять большие заглавные буквы. Отсюда рождается вопрос: в каких точно случаях прилагательные имена сего рода следует начинать буквами большими? Очевидно, что в подобных словах, как Российская держава, Казанский университет, Волжские колонии требуются уже не строчные буквы. После сего нетрудно орфографии произнести правило.

Оканчивая сим отчет по части моего правописания, впрочем, честь имею быть с совершеннейшим почтением ваш,

милостивые государи,
покорнейший слуга
Петр Словцов.

В Тобольске, 1 ноября 1827.

Вот и на пути к Якутску². Вчера оставя Иркутскую гимназию³, которую в 1820 году удостоил обозреть один* из незабвенных посетителей⁴, каких не бывало, я часа чрез два очутился на верху Хомутова спуска. Знакомые селения Хо-

* Бывший сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский. Какой речью 23 июня приветствовала сего мужа гимназия, помещается она здесь для памяти:

«Милостивый государь!

Гимназия, которой правительство поставило в обязанность записывать посещения отличных мужей, с скромным внутренним торжеством видит посреди своих детей главного начальника Сибири, столь примерного пр добродетели и просвещению.

Гимназия, дабы по возможности почтить вожделенный час настоящего посещения, за достойное считает вспомануть в присутствии вашего высокопревосходительства незабвенные имена тех, которые насаждали и посещали сей виноград.

Основателем первого гражданского в Иркутске училища был начальник губернии, достопочтенный Кличка. Он же в 1789 году положил и начало библиотеке.

Императрица Екатерина II прежде нежели явилась образовательницей народного просвещения, уже послала Иркутскому училищу в дар библиотеку.

Достопамятный праводушием Нагель, при управлении обширною губернией, посещал народное училище с любовью.

Император Александр в 1804 году благоволил обогатить естественный кабинет редким собранием раковин.

Граф Потоцкий, быв украшением известного в Китае посольства, делал гимназии ту честь, что часто уединялся в ее библиотеке.

Преосвященный Михаил, епископ Иркутский, ежегодно присутствуя при публичных испытаниях, в 1817 году почтил сие заведение необыкновенной честью, отдав ему похвалу даже в архипастырском поучении, в кафедральном соборе произнесенном.

В 1819 году император Александр при всех титулах и правах на бессмертие осчастливил гимназию новым драгоценным приращением книг.

Благодарная гимназия, выставя в одной летописной раме имена, царственные с именами достопамятными, вменила себе в особенное счастье пред вами, м. г., исчислить, чем она одолжена престолу и властям. Благодарная гимназия повторением своих исторических воспоминаний безмолвно произносит ту истину, что училища в единообразном,

I. Воспоминание

мутово и Аёк так красивы своим местоположением, своей живописной долиною, представлялись мне со своими окрестностями и со своими воспоминаниями. Откосы гор, на которых летом красуются богатые жатвы; мельницы и плотины, из-под которых темная Куда с шумом, бывало, пенилась; беззаботные стада, которые роскошествовали по паствам долины; луга, с которых иногда доносились до меня вечерние песни сенокосцев, мелькнули в глазах зимним нарядом и со сменой мест подернулись другими впечатлениями.

Кстати, решите вопрос психологический: почему наше воображение всегда в прошедшем, в котором смешивается, по крайней мере, по равному количеству огорчений и удовольствий, освещает одни приятные выдержки, а все черное или бросает в неприметной дали, или в тени погружает! Самые горести, самые слезы после того, как они обсохли, не представляются ли нам в радужных цветах? Вообще воспоминания, несколько крат преломившись, так сказать, в кристалле воображения, при разных разложениях чувствительности не подлежат ли метафизической игре цветных отливов, как и в атмосфере радужные дожди?

Но вот и Кудинская равнина открылась! Вот там, ~~на~~ погневайтесь на воспоминание⁵, оканчивается она прелестными увалами, а тут и здесь, по загорьям, продолжается параллельными долинами. Лъзя ли не вспоминать, как это раздолье весною представлялось мне бесконечным морем нежной, аквамариновой изголуба зелени, зелени, которая разливалась в различных вышинах: от подошвы до вершины увалов, от вершины опять до верхушек хвойного леса.

Не без размышления смотрит туда и сюда едущий путешественник, когда видит и слышит, как буряты разноименные⁶ посменно являются и исчезают при его пути; это дребезги колоссальной статуи, некогда изумлявшей. Рассыпанные и запачканные сии обломки составляют со своими деревянными юртами древнюю прадедовскую мебель здешнего

отяготительном упражнении освежаются просвещенным воззрением правителей.

Тот благосклонный взгляд, каким ваше высокопреосвященство удостоили забайкальские учебные заведения, тот благодетельный акт, которым вы подписали прочность приходских училищ, сие лестное посещение, при котором гимназия ласкалась оправдать свою ревность и свои успехи, опять на долгое время оживили и учащихся, и учащихся.

края, простирающегося верст на 200 по длине дороги. Было время, когда у сих прозаических пастухов, к которым нельзя приложить ни одного полустушия из эклог Виргилия⁷, я кочевал целые недели. Ни воззрение на красоты усмехающейся природы, ни летнее благорастворение воздуха, ни влияние русского соседства, ничто не может донныне тронуть, пробудить их к перемене отвратительного житья. Скорее можно надеяться поднять из-под лав Геркулана целый листок Тацита⁸, нежели успеть провести новый штрих в цепенеющей голове бурята, оседлого по сю сторону Байкала.

В прежнее время, должно присовокупить, я отведывал изъясняться с бурятами и вызывать их к историческим воспоминаниям, но скоро удостоверился, что память их, так сказать, скорчившаяся в себе самих, не достигает даже начал личного своего существования. Отнимите, уничтожьте все способы помнить позади себя о делах человеческих, и обитатель лучшей страны делается бурятом кудинским или верхоленским. Одни воспоминания изящного, благородного, высокого расширяют жизнь нашу; настоящее мелькает в чаду, и если оно освещается размышлением, так больше по сравнению. Нет жизни совершенной без воспоминаний, чувствования не подарят свыше бытия животного.

Верхоленское,

1 февраля 1826 года.

II

Non ebur,
Non trabes,
Horat⁹

Ни о слоновой кости, ни о кедрах или кедровых шишках, ни о черной белке, ни о соболях с реки Олекмы, Витима или Тунгуски, ни даже о вилюитах и мареканитах вы не услышите ничего¹⁰.

Тогда только дорожат статистическими сведениями дальнего края, когда знакомятся с ним впервые, как и я поступал некогда; но испытав, сколько хлопотливы успехи по сей учености, и притом не *домышляясь*, чего бы любопытство просвещенное не нашло у всеведущего нашего Зябловского¹¹, я воспользуюсь часом досуга, чтобы только заметить, как утончается в Сибири вкус к искусственным украшениям.

II. О комнатных украшениях

Картинки событий 1812 года, тиснутые на грубых досках, можно видеть не только у станционных зрителей, но и у жителей, не имеющих 14 класса¹². Будьте уверены, что галерея сего рода в память любви к отечеству продолжается до Якутска от Спасского моста¹³.

Залы хороших домов украшаются эстампами знаменитых военачальников, прославившихся в Отечественную войну. О, с какой торопливостью неожиданно встречаешься с кн. Смоленским¹⁴ в Олекме, в глуши гармонической, где отголосок его славы душа слышит долее. Встречаешься и не робеешь! По праву ли уединения, или самолюбия обращаешься с каким-то равенством в присутствии бессмертного.

В гостиных у чиновников, которые (как говорится) умеют жить, я не без гордости пользуюсь свиданием с портретами настоящих начальников, помещенных в раззолоченные рамы. Приятно про себя замечать, что те же рамы в свою очередь служили и портретами их предместников, по приличию вынесенных в зал для симметрии с Ермаком Тимофеевичем*. Глазами почтительными я везде на стенах люблю искать Чичерина¹⁵, Ламба¹⁶, но полотно или легкомыслие давно сим правителям изменили, хотя память их иногда вспыхивает в разговоре.

Так вас ли, вас ли умолчу,
О праотцы, делами славны?
Кого ни мзда не ослепляла,
Ни сан, ни лесть, ни блеск пород,
Кого лишь правда научала,
Любя себя, любить народ
Любовью мудрой, просвещенной.

(Из Державина)¹⁷.

Нельзя расстаться с сею материей, чтобы не поздравить Сибирь с новым проявлением искусства ваяния. Сибирский алебастр, который доньше показывался только в украшениях зодчества, с 1825 года облагорожен бюстами Древней Греции и изображениями мифологии. По городам из окошек мешанских домов часто выглядывают Сократ с Клеопатрой или Диана с Софоклом¹⁸ и т.д. Гостеприимство, не спрашивающее о чинах, походит в сем случае на старинное гостеприимство, но

* Висеть на задней стене в прихожей и даже в зале — такой почестью пользуется завоеватель Искера в Западной Сибири.

в лучшие, как и в богатые дома, всемирные гости древности не могли открыть себе вход, и немудрено. Явясь из отдаленных времен в дешевых костюмах и без газетной рекомендации, могут ли они щекотливым хозяевам доставить для поговорки приличные мыслям их воспоминания?

Вот и изъяснение, почему иногда на одном подножии видишь поставленные друг подле друга гипсовые изображения попугая и Омира¹⁹.

Якутск,

22 февраля.

III

Вы получаете теперь не письмо, но перечень беглых замечаний, какие случилось мне сделать в продолжение дороги в Якутск — дороги самой скучной по утомительному единообразию берегов реки Лены и по такой же бедности видимого горизонта, отовсюду сжатого горами. Солнце там является только в те часы, когда оно сближается с **вышицей** зенита.

Лену можно рассматривать в тройном виде: 1) как путь сообщения зимнего и летнего с северо-восточной частью губернии; 2) как собственно реку в естественном состоянии и 3) как линию населенности совместной, потому что вообще в здешнем крае земная поверхность далее 54° широты не способна к человеческой оседлости по сплошному протяжению горных хребтов.

В рассуждении естественного состояния Лены:

а. Она выше Устькута, в межень²⁰ становясь удобной для брода, делается рекой почтенной уже по слиянии с Витимом, а по соединении с Олекмой течет шириной на версту и больше.

б. Хотя по строгости берега Лены не могут называться нагорными или луговыми, но весь восточный берег обрзистее и неприступнее в сравнении с западным.

в. Хребты, лесом поросшие, примыкаются к Лене или протяжением боков, или их основанием, изредка уступая западному берегу небольшие площадки.

г. Хребты горные, сколько можно видеть по их оконечностям, вообще глинистые, сланцевые.

д. Слои сланцевые видимы были то горизонтальные, то под острым, то под тупым углом к востоку, и, следовательно, под противным углом к западу.

е. Во всех бесчисленных горах по сие время известны только прииски слюдяные по реке Витиму. Г. Щукин²¹, коллежский асессор, открыл в слюдяных пластинах цианиты.

к. Ниже соединения реки Олекмы до Якутска, т.е. от $60^{\circ} 30'$ до 62° , по протяжению Лены начинают попеременно дуть два бессменных ветра — то восточный, то западный — так сильно, что поперечные ветры, из боковых ущелий вырывающиеся, уже на Лене теряют частное направление. Не только в помянутой параллели, но и в других меньше северных, ветер северный, как самый резкий, почти ежедневно был чувствуем, если ущелья склонялись от той страны света.

л. Леса, которыми хребты покрыты, вообще хвойные: кедр, сосна, ель, лиственница и пихта; последнюю очень можно бы сибиряку называть *северным кипарисом*.

м. Вид сих лесов издали мрачен, но вблизи довольно зелен, и Тот, *Имя же вся быша*²², благоволил насадить для зрения жителей вечную весну среди зимы, едва не вечной. Как благодетельна эта развешенная зелень, особливо с половины марта, когда зеркальная поверхность снегов чувствительно расстраивает орган зрения! Ниже зрительной линии, не встречая ничего, кроме белизны, я спасал свои 60-летние глаза уравниванием их с вершинами лесов зеленеющих.

н. В повсеместное доказательство, что премудрость творческая не удовлетворяется одним благодеянием для человека, определила миллионам ценных зверей иметь пропитание в этих хвойных лесах. Белка и кабарга²³, питающиеся шишкой помянутых лесов, также поростом*, и привлекая за собой кровожадного соболя, дарят Сибири, как известно, торговлю и довольство чрез мену на *Кяхте*²⁴.

о. С прибрежных гор довольно нередко падают ключи, и зимой не замерзающие (вероятно, минеральные); также местами вытекают из ущелий небольшие речки, которые в своих

* Сей пороет на посохших деревьях вокруг ветвей, прозябая в виде охлопков, называется у ленских жителей шаста.

устьях, когда зима бывает очень суровая, не находя подо льдом протоки, разливаются поверх Лены на немалые займища.

п. Весной по Лене в перегибах ее сталкиваются громады льда, и от запора, естественно, следуют наводнения и опустошения прибрежных хозяйств. При жалобах на такие бедствия жители Лены упоминают об одной только грозной услуге сей реки, когда она (лет за пять) ледяными громадами, словно искусственными машинами, углубила при лимане свои устья, отчего пошла в реку морская рыба в таком количестве, что продажная цена ее после стала в Якутске дешевле в 3 и 4 раза.

р. Температура воздуха во время моей поездки стояла с 1 по 6 между -7° и -10° , а потом по 27 февраля — между -25° и -31° Реомюра, а после от Олекмы до Иркутска постепенно умягчалась.

В рассуждении населенности:

с. Коренные жители помянутых хребтов суть бедные тунгусы²⁵, с места на место бродящие для добычи или зверя, или зверю. В двух прошлых годах многие юрты сих горных звероловов вымерли от горячки, хотя людность их по Киренскому уезду и без того не была численна. По бесприютности подобные болезни неизбежно бывают смертоносны для тунгуса.

т. Русские, по одному почти западному берегу живущие и притом в таком числе, чтобы удовлетворить повинностям почтовой и земской гоньбы²⁶, имеют насущный хлеб частью от сего отправления, частью от пашни малоземельной и звероловства. В редкий год все три промысла им удаются.

у. Хлебопашество, к удивлению, продолжается до Олекмы, т.е. до 60 степеней широты*. Между Витимом и Олекмой двое хлебопашцев хвалились мне новым приемом в посеве, именно, что в сентябре, когда земля уже замерзает, наскоро сеют на приготовленной пашне яровое Зерно, и что посев сего времени, тотчас забороненный, летом всегда почти уходит от инея. Так, м.г., хлебное зерно — сия органическая крупица — кроет в себе тайну своего возрождения в жесточайших морозах. Я нигде так глубоко не поражаюсь

* В самом Якутске пашут и сеют зажиточные люди, но урожай случается через 4 и 5 лет; возможность хлебопашества доказана, но хлебопашества нет.

животворной силой вещества, как в этом краю, быв проникаем долговременным ощущением холода.

ф. Русские Киренского уезда отличаются простотой и тупостью, во всем их быту заметной; так действует на голову *разобщительность* с подобными себе! Смышленость их доказывается только тем, что иногда можно увидеть ряд *мутовчатых мельниц*²⁷, одна выше другой поставленных над ключами незамерзающими.

х. Живость и проворство явно выражаются в приемах якутов по Якутской области, где всего меньше можно бы такой подвижности ожидать по степеням замирания животной природы.

ш. Якуты в последние десять лет, независимо от климата, обнаружили удивительную способность к искусствам: вот нравственный феномен, который можно изъяснять только христианством, лет за 15 начавшим распространяться в сей орде²⁸. С тех пор, уверясь в умственном превосходстве русских, они тотчас принялись подражать в вещественных отношениях.

щ. Столярная и каменная работа, резьба на дереве и из мамонтовой кости, дело мебели по московским образцам, портное мастерство и другие искусства, в каких только может нуждаться город областной, ныне без изъятия принадлежат руке якутов.

ъ. Ученики уездного училища из рода якутов отличаются красотой чистописания и успехом в рисовании. Ясно, что гимнастический климат²⁹ руководствует к равномерности в движениях мышц, и нервная система еще не страждет от прихотей фантастических.

ы. К счастью народа, так склонного к художествам, явился там из Верхнеудинска иконописец Кузьмин с легкой и цветущей кистью и с некоторым знанием о свете и тени. Фигуры, к юношескому возрасту принадлежащие, он изображает с мыслью и приличием только важным фигурам или положениям, не умеет сообщить ни обрисовки, ни осанки. Рисунки Кузьмина в сооружении иконостасов, как случилось мне видеть в двух церквях, показывают довольно вкуса, и эти работы, уповательно, послужат к развитию способностей в якутах.

В прежнюю поездку, которую случилось мне сюда сделать по делам гражданской службы, между прочим, я мечтал о возможности водворить резьбу на мамонтовой кости в Якут-

ской области, мечтал по одному избытку и сметистому провозу сего тяжелого ископаемого. Но не может ли мечтание мое перейти в существенное занятие, если бы якутское купечество, осведомясь о возможных изделиях из ископаемой кости, решилось на складственный капитал доставить способным якутам инструменты, рисунки и мастера на срочное время?

Каких успехов не достигло бы это даровитое племя, если бы тронутая способность его стала больше и больше совершенствоваться? Но когда в то же время по предосудительной подражательности противная сила, страсть к карточной игре усиливается действовать на воображение переимчивого племени, то примите ли вы на себя решить, по какой диагонали впоследствии потечет нравственное бытие якутов? Не раз уже замечено, что орда, не постепенно вступающая в гражданскую жизнь, безвозвратно уклоняется от родимой деятельности, к какой она назначалась своей землей и своим небом.

Еще вопрос: легко ли необразованный народ направить к полезной деятельности? Начните с того, что он не имеет в понятиях логики слышать наставления религии и законов, и в то же время в поведении тех, кого признаешь за высшие существа, видишь опровержения преподаваемых правил; он недолго будет колебаться, пример и перенимаемый навык восторжествуют над недоумением. Приближение же к его знакомству людей благонамеренных, а не алчных приятелей, каковы торгаши, и не тех приставников, которые живут себе на уме.

Вы, может быть, не заботились знать, до какой степени тайна управления постигнута Сибирским Учреждением³⁰. В обществах богатых и образованных, где частная доля иногда делает свои отступления, меч достойно и праведно почиает подле закона, но в малолюдной Сибири, где разбросанные жители почти не представляют соединенного общества, где понятия большей части их едва ли выходят из круга нужд животных, где нет общего языка, где должности приемлются за исключительные права над вещами, где чиновник должностной, как бы он ни был мал в степенях службы, проезжая, оставляет имя свое в памяти, скажите: в такой стране не должны ли быть способы управления наименее сложны? Вот уважения, по которым Северная Сибирь, если не ошибаюсь, вверена Учреждением простому управлению отдельных комиссаров³¹.

В Иркутске слышал я, что до открытия **наместничества**³² опротивело сбегались исподлобья смотреть на приезжающего из столицы какого-нибудь сержанта. Не то же ли это, что в Сибири и малая власть полномочна?

*Иркутск,
20 марта.*

IV

Еще раз я расстаюсь с Иркутском, когда в преклонных моих летах любил бы и напередки прохаживаться около тамошнего кладбища и потому уже не страшного, что ныне оно охраняется тремя каменными церквями. Не подумайте, чтоб я расставался с этим городом по физическим неудобствам, совсем нет; там барометр обыкновенно стоит выше против Западной Сибири; термометр как ни опускается под вечер, к полудню опять, даже и зимой, всходит на приличную широте высоту; небо почти безоблачно, свод небесный горит и в эпохи равноденствий, в такие времена, в которые по иным местам атмосфера бывает обвешана толстыми туманами. Не раз по вечерам в эти времена я наслаждался на небе зрелищем чудесно оттененного треугольника, известного под именем зодиакального света, тогда как на земле шумела говорливая Ушаковка. Да, вода этой городской любимицы превосходна для питья, в летнее купание целебна. Чего бы еще хотеть в старости? Но бывают другие, не меньше сильные причины, которые отзывают человека на иное место; назовите их, если угодно, метафизическими.

Вам очень понятно, что сверх дешевого хлеба и обилия в чае, есть нужды ума, удовлетворяемые беседой, приличной степени просвещения и сану возраста. Но требования сего рода в такой дали **были бы**, может быть, неучтивы. Беседуйте за картами, или беседуйте во мраке своего уединения; вот условие — *sine qua non*³³. Надобно следовать вкусу лучшего света или уметь впотьмах освещать себя, но легко ли то и другое?

Вы надеетесь, что на проезд я осмотрю казенную Тельминскую фабрику и сообщу вам описание; вот оно.

Фабрика вмещает три производства: суконное, полотняное и стеклянное.

Производство суконное началось в 1797 году, и все работы продолжались от руки до приезда последнего сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского. При нем вследствие новых распоряжений фабрика в короткое время сделала три верных шага: а) выписала экземпляр сукнодельных машин, б) отрядила чиновника Таланкина осмотреть механизм лучших в России фабрик и в) на месте заготовила с выписных образцов достаточное число машин. После сих мер суконное производство с 1823 года пошло уже на водяном ходу искусственными способами.

В проезд мой работали:

- 4 экз. машин прядильных, чесальных и кардочных;
- 2 стана нарядных,
- 6 — уточных,
- 20 — основной пряжи, на каждом от 40 до 64 веретен;
- 10 мотовил для уравниения пряжи.

Весь механизм чесания и прядения, движимый водой, управляется 36 рабочими и 30 мальчиками; они, в сравнении пряжного ручного деланья, заменяют 350 взрослых человек.

Один рабочий день с помощью того механизма дает до 16 пудов пряжи на солдатское сукно.

По части ткацкого искусства и отделки устроено:

- 65 ткацких станов, на каждом из них по 1 ткачу;
- 11 станов, тут на каждом по 2 ткача;
- 3 стана пристригальных, водою действующих.

Годовая работа = 3000 половинок, следовательно, 62000 аршин, запасы сии идут на одежду сибирского войска и служивых команд.

Довольно ли этих подробностей?

Нижнеудинск,

15 мая.

Теперь переведу вас к *производству фламского полотна*, и вот вы видите:

- 40 ткацких станов,
- 200 самопрях и
- 1 дом с голландером.

Мне остается прибавить в пояснение, что производство **полотняное**, как здесь небывалое, обязано своим началом и устройством деятельности директора г. Платонова. В 1825 году фабрика сдала в военное ведомство 30000 аршин полотна = 600 кусков, над которым в течение 10 месяцев трудились 200 прядильщиц да 82 ткача с прислужниками.

Вероятно, что доброта сибирского полотна, равно и сукна, не дойдет еще до русских изделий сего рода, к чему в самом деле нужны время и приспособление. Но как в Восточной Сибири по привычке к китайским бумажным тканям жители не радеют о домашних изделиях из пеньки и льна, то полагать должно, что водворение там полотняного искусства было бы делом государственного хозяйства, а не выводом бухгалтерии.

Наконец, извольте пожаловать на *стеклянное производство*. Оно, правда, здесь не новое, а только в сравнении с прежним больше улучшено; зелень стекла прежде худо отделялась. С 1822 года фабрика приобрела знание выделять хрусталь довольно белый и другое знание гранения, так что иные поделки по красоте рисунка и мастерству гранения не уступали бы изделиям лучших в России заводов, если бы льдистый цвет стекла не уменьшал цену работы.

Но только ли стеклу похвал,

Что нам вино и мед тем слаще стал?

Никак! (Лом. к Шув.)³⁵ Я видел в фабричной церкви подсвечник 2 аршина вышины из хрусталя, узористо выточенный; и довольно ли сего, чтоб уволить меня от труда пересказывать названия поделок?

В стеклянном заводе:

— 3 плавильные печи,

одна гранильная, водою действующая;

27 работников.

Вообще должно заметить насчет всей фабрики, что она по новому устройству своего механизма надолго останется для Сибири единственной. Она также надолго останется в виденной степени совершенства, потому что искусства, поднявшись на известную высоту, медленнее потом подвигаются к высшим усовершенствованиям по подобию тел, вверх восходящих.

Канск,

17 мая.

VI

Берег **Бирюсы!** И назади остались глухие, пасмурные леса Нижнеудинского уезда. Несмотря на многолюдные, но редкие поселения, мысль необитаемой пустыни там удручает, преследует, и отголосок этой мысли, кажется, слышишь в сопутствующих трещобах. Скоро ли кончится, только и думаешь!

Берег **Бирюсы!** И за рекой вижу колонну, при подошве которой начинается земля другой **губернии**³⁶, ослабляющая под гербом Енисейским. Леса редуют, видятся просеки, зеленеют пашни, линия земной поверхности волнуется, и сии задатки предуготовляют к видам радостным.

Какой красивый и благословенный край открывается между Каном и Енисеем! Земля, исподволь восходя от наклоненных равнин к холмистым возвышенностям и избегая повсюду горизонтальных плоскостей, представляет широкие, с разными изменениями зрелища, уголья для пастбищ и **пашней**. Сии пространства, которые проезжал я между 16 и 20 мая, были покрыты анемонами и полевою около дороги цикорией; природа обеими руками рассыпала желтые сии цветы по зеленым покатосям.

Вам угодно знать разницу в обоих краях: и между Каном к Енисею, и между Каном к **Бирюсе!** Очертание поверхности земной почти одинаково, верхний мелкопесчанистый слой также одинаков; разность в том, что здесь все обсечено, все утоптанно толпившимися ордами и их стадами, и красоты обнажены направо и налево, а там прозрачные леса еще венчают холмы; и холмы, и долины по большей части сохраняют девственный покров. Урожай хлеба там и тут благословляется, но населенность в глазах путешественника **является** очень малой, так что учреждение особой губернии представлялось бы воздушным замком, если бы начальство местное не предполагало среди прекрасных пустырей соразмерного населения. Мало лесов? Пусть засеют их, как было в завоеванной стране между Днестром и **Днепром**³⁷.

Красноярск, новый выведенец между губернских городов, в такое короткое время начинает уже принимать значащий взгляд. В 1822 году, когда указано здесь быть **губернией**³⁸, люди умные уверяли, что этот город не пойдет далее тогдашнего размера, но появление красивых, деревянных и

каменных зданий, благоустройство города, публичный сад, своя крупчатка и расширение житейских удобств обличают, что частный ум иногда не умеет прямо понимать правительственного начертания, обличают и вместе ругаются, что Красноярску предстоит прекрасная судьба.

Новый подъезд со стороны западной так счастливо положен, что путешественник, очутясь у города на вышине, вдруг неожиданно видит целый город с живописными окрестностями в двух превосходных картинах, разделенных улицей, версты на две прямолинейно брошенной, да и сама улица, углом зрения за р. Енисей продолжаемая, не особая ли очаровательная картина?

Мне бы приятно было шепнуть вам, чьему вкусу и распоряжению Красноярск обязан своим благоустройством, так скоро **обрисовавшимся**, но вправе ли путешественник подсказывать свои суждения о живом правителе губернии³⁹?

Пусть он живет, и время, а не я, произнесет имя его!

Красноярск,

22 мая.

VII

Я уклоняюсь в Енисейск, в один из старинных, северных городов, и с половины дороги сопутствует мне важный молчаливый Енисей. Физические окрестности, порядочные деревеньки, пашни, луга, каменные там и сям церкви настроили меня к воспоминанию о Тобольске. Сравнение тем обманчивее, чем более сходства не только в местоположениях, в успехах деревенского домостроительства, но и в судьбах городской промышленности. Оба эти города отвели свою очередь непосредственной торговли и богатых ярмарок, какие бывали, уже им не накликать. Что же теперь значит Енисейск?

Не все вдруг, но сперва дайте расположить цветы, на последнем переезде собранные 25 мая.

Вот вам и **ветреница***, которая здесь уже отцвела, и из ее семьи едва я нашел одну с неопалым венчиком; вот вам старо-

* В том же порядке, в каком русские имена растений идут, выносятся систематические названия: *Anemone patens*, *Adonis vernalis*, *Ranunculus avreornus*, *leontodon taraxacum*, *viola uniflora*, *iris ruthenica*, *pulmonaria officinalis*, *myosotis arvensis*, *primula farinosa*, *trollus asiaticus*, *polygala vulgaris*, *orobus vernus*, *geranium pratense*.

дубка, лютик, далее цикория и фиалка; далее косатик, медуница, незабудка, первоцвет, жаркий цветок, многомлечник, сочевичник и журавельник. Помянутый Шукин, натуралист иркутский, замечает, что ветреница, фиалка и стародубка цветут около Иркутска между 10 и 20 апреля. Да, стоит только опустить кряжи байкальских гор и уравнить подошву губернии с плоскостью ишимской, тогда с забайкальских яблонных и персиковых дерев буряты снимали бы крупные яблоки и сочные персики, достойные своей широты.

Теперь в нескольких строках доложу, что такое Енисейск⁴⁰. В числе уездных городов он должен в Сибири считаться первым по населению, по ценности домов деревянных и каменных, по числу церквей, довольно даже богато украшенных, и по особой выразительной набожности, которую тотчас заметит приезжий, если любит наслаждаться утром. Шествие иконы для благословения какого-нибудь дома и воспеваемая молебная песнь располагала меня почти каждое утро к достойному заключению о духе жителей. Вот где нашел я уцелевшую картину прежних русских нравов!

Я уже сказал, что Енисейск отвел свою очередь торговли; не надобно, однако ж, во всей строгости разуместь, что будто бы там иссякли источники богатства, нет; пока хвойные леса в тамошнем крае будут зеленеть, источники богатства не высохнут. Перемена только в том, что енисейская ярмарка, некогда шумная, уже не празднуется, вероятно, потому, что сами енисейцы основали непосредственные связи с Кяхтой и с Н.Н. городом. Город перестал видеть приятную тревогу торгового съезда, но граждане его продолжают торговать.

Ныне Якутск не далее от Ирбита, как и Тюмень, так дороги и люди сделались коротки! По таким же обстоятельствам во многих северных городах ярмарки, некогда процветавшие, упали или падут; и излишен был бы вопрос, к лучшему ли это? К лучшему для единоторжия, а прочим, само по себе разумеется, пора смекать об искусствах. Таков жребий трудолюбия, что искусства бывают иногда современными торговле, иногда потомками ее.

По сим переменам в оборотах промышленности и не меньше по местным неудобствам, что года через 3 или 4 периодически Енисейск чуть не весь купается в весенней воде, что после бани весенней еще надобно все лето и осень

ходить в сетке по краям даже города от бездны насекомых, я бы смел предугадывать, что едва ли в Красноярск, где все расцветает, не переместятся многие из здешних граждан?

Енисейск,

28 мая.

VIII

В Кемчугах, в отмете Саянских гор, ныне в первый раз я пользовался всеми удобствами дороги. Везде спуски, подъемы облегчены, мосты строены, крутизны обнесены надолбами красивыми, все выровнено, все улажено, и 135 гористых верст представляют непрерывную линию усилий и побежденных препятств.

Сколь ни суровы виды Кемчугов, но флора, умеющая таинственным манием украшать и болотные зыби, к проезду моему (т.е. ко 2 июня) приготовила около дороги выставку цветов. Нарядные макушки пышных пионов или роскошно раскидывались, или, еще нежась, тихонько выглядывали из-под зеленых пелен. Просеки и перелесья красовались то жаркими (*Trollus asiaticus*), то желтыми цветами (*Ranunculus acris*). Медунка аптекарская, журавельник болотный, *polemonium coeruleum* и *pedicularis incarnata* были наградой моего зрения. Флора, улыбаясь, удалялась в леса и топи и цветочной вязью помавала следовать за нею, но как следовать, когда ополчения перепончатокрылых и двукрылых (*hymenoptera et diptera*) со всех сторон слышались против меня? Надобно быть поверенным Линнея, чтобы согласиться иметь дело пытливости среди людоедов пернатых, так ловко крейсировавших в моей атмосфере.

Если не умеете быть поверенным **Линнея**⁴¹, вдруг шепнул внутренний голос, так учитесь у этих шумных, неумолкающих демагогов⁴² важнейшим тайнам человека.

Например? — спросило самохранение.

Тайне паки бытия.

Точно так: неоднократное превращение насекомых есть чудесный, поразительный символ будущего моего восстания, но я не **Спиноза**⁴³ и не **Саддужей**⁴⁴.

А другая тайна чистоты? Можно ли принимать только к сведению ту истину, что насекомое живет дни, недели,

месяцы, годы и тотчас умирает, коль скоро уступит влечению к чувствительности?

Конечно, иносказание поучительно, превосходно, пускай же пользуются им Аристиппы современные⁴⁵.

Но когда с подъездом к Ачинску кончились натиски насекомых, я на свободе глубже почувствовал те таинственные намеки, те бесчисленные услуги, какие человек заимствует от общества насекомых. Эти заразительные болота, наполненные гниющих организмов, кем очищаются, как не прожорливыми личинками комаров? Эти пышные облачения, которыми украшаются служители храмов в Енисейске, эти покровы престола и чаши Господней, чьи ткани, как не ничтожного червя, в страдании перерождающегося? Чья высокая кармазинная⁴⁶ краска, как не влага клопов, на известных растениях живущих, сих пылинок, которых по миниатюрному виду называем или семенем, или червецом? Чьи огромные запасы с медовыми ладьями движутся из округ алтайских в Иркутск и Ирбит? Чьи это работы, как не тех трудолюбивых... Но удивительно, как скоро, как поспешно Ачинск оправдывает имя города⁴⁷, давно ли пожалованное ему Сибирским Учреждением! Вон вытягиваются новые улицы!

Приветствуйте Сибирь, что по пустыне ее не в одном уже месте развеваются флаги новых городов.

Ачинск,

3 июня.

IX

Солон, когда странствовал в Египет⁴⁸, должен был подвергнуться множеству опасностей от морских разбойников и от нападения неприятельских судов египетского паши, но за все оскорбления он был сугубо награжден беседой с мудрыми жрецами Илиополя⁴⁹. Царица Савская, шествовавшая в Иерусалим⁵⁰ от южных пределов счастливой и пустой Аравии, также была угрожаема в дальнем пути со стороны бедуинов и вехабитов⁵¹, но зато насмотрелась на преславный двор Востока и наслаждалась разговорами и притчами Соломона — мудрейшего из царей древности. В свою очередь и я за все беспокойства и опасности, каким обыкновенно подвергаются на Барабе в летние жары, ожидал себе одной награды в свидании с приятелем Федулом Кондратьевичем — столет-

ним старцем, с которым за 16 лет познакомился в деревне Каменево. Он любит рассказывать летописи **Барабы**⁵².

«Видите ли эту рошу? — раз сказал он мне. — Когда при начале водворения, т.е. за 60 лет, все жгли да рубили, я один отстоял ее. Теперь она, — продолжал, — служит нашей деревне по зиме защитой от метелей, а летом — убежищем скоту от тмы тем насекомых». Доказательства рассказа оканчивались благодарным подтверждением соседей.

Посудите, каких услуг еще важнейших можно требовать от простолюдина? Отводов от града? Но они уже изобретены. Услуг **Минина**⁵³? Но наша Бараба осаждается неприятелями из другого царства, которых стратагеммою **рощи**⁵⁴ и победил мой приятель. Сверх того, добросовестность, хозяйство, гостеприимство и радушная говорливость — суть такие права и таланты, которые привлекают и почтенных особ в дом **Ф.К.** Вам, конечно, неизвестно, что незабвенный генерал-губернатор⁵⁵, которого имя лежит у сердца крестьян Сибири, почтил старика сего трогательным разговором.

Ныне, по приезде моем в Каменево, исторический барабинец тотчас узнает меня, торопится встать с завалины, ведет в дом, говорит, и я слышу только: «*Да-ду, да-ду, кормилец*». В продолжение часа, пока я оставался в доме, он много раз начал отвечать на мои напоминания, говорил по несколько минут, но все выходило не больше, как «да-ду» с жалобным финалом «кормилец». Кто поймет этот разговор души? Но когда вообразу выражение лица его, трогательную перемену в голосе, когда вспомню тусклые, но одушевленные глаза его, тусклые, но быстро смотрящие, как бы из вечности, я и теперь словно вижу, как сетовал со мной утружденный странник при конце юдоли, как беседовал со мной бессмертный дух другого мира; я и теперь **чувствую** в себе теплое смущение мыслей.

Так повторение двух слогов «да-ду, да-ду» останется для меня языком нового красноречия. При расстанях я от всей души благословил провожавшего меня, или, лучше сказать, мною провожаемого переселенца вечности, благословил гостеприимную семью его и сказал другими только словами:

Vivite felices, quibus est fortuna peracta
Jam sua; nos alia ex aliis in fata vocamur⁵⁶.

*Тага,
22 июня.*

X

Вы читали *описание Сибирского царства*, в 1750 году историографом Миллером⁵⁷ изданное, и, конечно, припомните его сказание о перекопи Иртыша, Ермаком сделанной для обхода вагайской луки к востоку, локтем уклонившейся, или попросту, *о перекопи Ермаковой*⁵⁸. Чтобы поверить изложение историографа о перекопи, давно мне казавшееся недовольно ясным, ныне, не доезжая до Тобольска, я остановился за 45 верст в старом погосте.

Дозвольте мне наперед совокупить показания, какие Миллер* поместил о перекопи, потом записать мои поверки, на местах взятые, и вы, сличив одни с другими, будете в состоянии судить, точен ли был историограф в статье опоздываемой? В описании его гласит: 1) что перекопь длиной с версту и кончится не в дальнем расстоянии от реки Вагая, 2) что Ермак велел перекопать сухопутную прямую дорожку, дабы не делать околицы рекой, 3) что околица, или кривизна реки, будет шесть верст, 4) что по той кривизне течет мало воды со времени перекопи, по которой река почти вся направилась, и 5) что Ермак в вечеру гибельной ночи, в которую утонул, доплыв с Вагая до перекопи, ночевал на берегу острова, который окружен водой и перекопью.

Итак, выходит по Миллеру, что Ермак с частью дружины, поехав дней на десять вверх по Иртышу, прорыл между делами канал на версту и, великую реку заставя идти по новой постели, сократил тем течение ее шестью верстами. Столь быстрая казачья гидротехника была бы чудесна, если бы можно было увериться в действительности такой важной услуги для судоходства, но поверите ли, что никто из близ живущих сибиряков не слышал о повествуемом переводе Иртыша, который, как ныне, так и прежде, льется по неизменному ложу той же лукой, которую Миллер называет вагайскою. Это физическая и всенародная истина, которую, впрочем, совестно и доказывать наряднее. Поищем же перекопи другой и действительной.

Под руководством крестьянина Завьялова, спускаясь из селения на луговую западную сторону Иртыша, я поехал на NO и верстах в двух встретил озеро Табай (во 100 сажень в ширину и в 300 длины). Из сего озера проходит на S сухое разложистое рус-

* Гл. 3. Описание Сибир. цар.

ло, соединяющееся с Иртышом; такая же сухая жолобовина, больше изгибистая, с другого края озера идет к N. Обе желобовины в водополь⁵⁹ наводняются будто бы из Иртыша. Нельзя не видеть, что оба сии рукава Табая образовались естественно, хотя в народном предании слынут малой перекопью Ермаковой. Линия обоих рукавов, проводимая через озеро, будет основанием вагайской луки, выгибающейся на 4 версты, по словам вожатая, следовательно, она будет кратчайшая для лодки, которая бы сим путем миновала кривизну Иртыша. Озерко, сверх того, для лодочной флотилии было бы наилучшей гаванью, но вот помеха, что в августе, когда Ермак делал перекопь и вместе ею пользовался, рукава не могли быть поняты водой. Скорее можно думать, что Ермак, следуя на Вагай, велел для пробы кое-где расчистить эти рукава, в дождливое лето, вероятно, наводняемые, что, может быть, работа и началась руками покоренных жителей; и вот имоверное основание, для чего табайские сухие рукава получили название *малой перекопи*.

Стало, есть *большая перекопь Ермакова*? Точно так, если вы хотите следовать народному преданию, которое отвергать было бы некстати по недавности происшествий, и, если хотите, также следовать прямым и несбивчивым указаниям моего вожатая.

От южного рукава малой перекопи, поворотив к Иртышу на О, я скоро поравнялся с другим озерком, называемым *Становое*, и самим названием возбужден был к сообразному примечанию. Из него на S выходит рукав, водой наполненный, и, продолжаясь сажень на 200, соединяется чрез *Собачьё* озерко с самим Иртышом немного повыше *Ермаковой заводи*. Возвращаясь к Становому, я обогнул его и нашел на противоположном крае другой рукав, направляющийся сквозь тростник сперва к ON, потом к O, потом к W, и который, кривляясь версты на две в своем течении, всегда водяном, наконец направляется к N и прямолинейно падает в Иртыш. Вот эти два рукава называются *большою перекопью Ермаковой*. Линия сей перекопи, если бы исключить кривизны, составляет меньшую хорду вагайской луки в сравнении с хордой *малоперекопной*; да и сия перекопь, хотя водяная, не только не приняла в себя Иртыш, но и нигде не показывает живой струи. Рукав* южный теснее, пря-

* Подводная глубина рукавов там, где они подходят к Иртышу, примерно глубока, а в прочих местах — от 1 до 3 аршин. Ширина рукавов около 2 сажений, высота же берегов от воды также около 2 сажений.

мее, во всем правильнее и больше походит на **копань**, нежели северный, который, следуя естественной ложбине, мог быть искусством прочеркнут только при конце.

Таким образом, показав следы большой перекопи Ермаковой, удостоверяемой преданием, поверкой местной и согласием всего того, с названиями памятуемыми, я полагаю:

1. Как прорытие сей перекопи не могло стоить ни времени, ни труда, и как лодочному конвою, сверх других выгод, обеспечивалось от преследований неприятеля двойное убежище Иртышом или перекопью, то, вероятно, рукава озера Станового были соединены с Иртышом с N и S для кратчайшего плавания в казачьих лодках.

2. Легко по сему судить, что перекопь не с версту, а расстояние южного края перекопи от Вагая в двух верстах.

3. Что перекопание дорожки прямой или кривой не есть признак доказательный.

4. В мере вагайской луки, глазомерно определяемой Миллером и моим вожатаем, можно разойтись миролюбно.

5. В опровержение перевода Иртыша в какую-то перекопь "я как самовидец приглашаю вас во свидетели, что Иртыш постоянно катится по древнему ложу мимо двух оконечностей водопровода, завоевателем Сибири наскоро, может быть, сделанного.

В рассуждении последнего ночлега Ермакова на острове трудно понять Миллера, который остров он разумеет: отделенный ли от матерого берега⁶⁰ мнимым течением Иртыша, или истинный, близ которого кружится заводь Ермакова, но который из них ни примите, все истории перекопи пора бы обмелеть*.

*Старый погост,
30 июня.*

XI

Солнце взошло и осветило меня на знакомом крутояре, окруженном грозными стремнинами. В радостном воспоминании озираюсь на все стороны и вижу — там позолоченные мако-

* Всего страннее, что в *journal de St. Petersbourg politique et litteraire* № 19 1827 года, по уверению г. Вранкена, снова подтверждается предание о Ермаковой перекопи в смысле Миллера. Подобным образом некогда хотели уверить, что в Сибири есть Пегая орда.

вицы **Абалакской обители**⁶¹, там приметы скрывающейся в горах пленительной Межугорской пустыни, там через пропасть, по которой в молчании бежит ручей Сибирка, вижу веселую Преображенскую равнину с белеющимся храмом и колокольной, а тут, перед глазами, **раскинута** чудесная панорама природы — широкая река, самоловы, параллельные заливы. Деревни с угожьями, рощи, кладбища магометанские. И чего тут не вижу?

Теряясь в прелестях зрения, я стоял почти неподвижно на крутояре, на той исторической пядени земли, где в низложении сильнейшего владетеля завоевана вся Сибирь, где было державное стойбище **Кучума**, словом, я стоял в Искере⁶².

Искер не Пентакапея, не **Пальмира**⁶³; я стоял не на гордых развалинах, но на развеянном пепелище куреня, который перестал дымиться с падением первенствующей юрты и который перестал в высшем смысле дымить столь обширную область, какова Сибирь. В летописи Искера достопамятна одна минута, когда от кадила христианского воскурился ко Всевышнему фимиам благодарственный, ибо после того долженствовала со временем и озариться мысль обитателя, и исчезнуть мгла невежества.

Итак, не для древних кладов, не в надежде отыскать старинные металлические безделки и не на смену Миллера и **Фишера**⁶⁴, которые лет за 75 сюда являлись с резцом истории, я пришел теперь по перлам утренней росы. Нет, я пришел для идеала красоты, чтобы при восходе солнца наслаждаться утренним освещением Искера, насладиться пышным, царским видом с этой вышины и обогреться воспоминанием загородных сюда прогулок в кругу тобольских приятелей. В сих незабвенных развлечениях и вы, просвещенный друг, участвовали за несколько лет.

Все вспыхнуло в памяти: и то, как поверяя старые описания **академиков**⁶⁵, мы шагами исчисляли длину и ширину Кучумовой столицы; и то, как по сравнению нашей меры площадь столицы уже убавилась от осыпей; и то, как мы свидетельствовали поросшие травой следы рва и вала с северной стороны. Я вспомнил, как один из приятелей дня утверждал, что эта пустынная глыба земли способна быть только для подножия колоссальной статуи Ермака; как другой сравнивал славу царства **Кучумова** с ручьем Сибиркой, которого с вышины Искера не видно и не слышно, течет ли он или нет.

Сравнение, надобно признаться, заключало в себе больше правды и больше смысла, нежели сколько хотели тогда в нем подозревать. Сибирка — это так: и не слышна, и не видна, но все течет да течет по дну пропасти; равномерно история державы Кучумовой ничтожна, если взглянуть на нее с лестницы истории всемирной. Но знаете ли вы установление, два с лишком столетия не прерывающееся, установление покоренного племени? Татары окрестных юрт чрез 3 или 4 года в середине лета постоянно стекаются на Искер в торжественном виде совершать поминовение по Кучуму? Итак, повторим: Сибирка течет, хотя не слышно ее и не видно.

Тобольск близко! Близко Тобольск! Радости или печали там ожидают меня? Но венцом тех или других будут седины мои.

1 июля.

XII

Я не могу забыть, как при объявлении о *Сибирской летописи*⁶⁶, в 1821 году изданной г. Спасским и сопровождаемой лестными отзывами некоторых журналистов, возбудилось и здесь тогда заметное внимание к старине сибирской. Зауральские книгочеи заглянули в Миллера и Фишера, и я, следуя также потоку впечатлений, желал как бы осмотреться кругом Тобольска и, дабы лучше воспользоваться чтением ожидаемой Летописи, объехал достопамятную часть правого берега Иртыша, пока не подспела сюда Летопись.

Дозвольте мне вывестъ на свет тогдашние мои примечания: а) в рассуждении обозрения местного, б) по части Сибирской летописи.

А. Обозрение местное

Правый берег Иртыша в продолжение 30 верст, т.е. от Абалака до Сузгуна, был, по письменным сказкам⁶⁷, во время Кучума цепью придворных юрт⁶⁸. В Искере — пребывание самого хана, в Абалаке — подмосковное его, в Тобольске на Панином бугре — стойбище одной жены его, в Сузгуне — кочевье другой жены. Все это протяжение берега к

приходу Ермака было укреплено или приведено в наблюдательное состояние, чему и ныне видны доказательства: сторожевые курганы, также валы и рвы, полумесяцем склоняющиеся к краям нагорного берега.

Одно из примечательнейших мест сего нагорья есть то, где Ермак с саблей в руке, пробившись сквозь толпы татар, вскарабкался с дружиной по крутой теснине на гору и тут же взял укрепление, ожидавшее нападение с горы, а не изпод горы. Это было у Подчувашского мыса⁶⁹, где и в наше время, как бы в воспоминание, гарнизонная артиллерийская команда представляет потешный городок.

Возвращаясь к Искеру, как к главной точке древней населенности, нельзя не сделать себе вопрос: с чего ручей, текущий при подошве сего места и у татар не носящий никакого имени, назван у нас Сибиркой? Миллер замечает⁷⁰, что еще в половине XVI века царь Иоанн Грозный титуловался обладателем сибирских земель, а как обладание его около Урала простиралось по путям звериной промышленности в тесном размере трех или четырех степеней широты, то и надобно искать корень слову «Сибирь»* в наречии живших тут народов. Жили тут вогулы и остяки — переселенцы Средней Азии; следовательно, происхождение сего слова занесено на Урал оттуда, чему есть примета и за Байкалом в разноречном имени, например, *шибирь*. Но дело в том, что дружина Ермакова, пока жила на Чусовой, льстилась за Уралом завоевать мнимую Сибирь и, покорив все до Искера, но нигде не встретив Сибири, стала называть, как видно из письменных летописцев⁷¹ и из простонародного употребления, столицу Кучумову Сибирью, а речку, при подошве ее текущую, Сибиркою. Легко чувствовать, что так наименованы два урочища по подобию (*per analogiam*), которое при встрече незнакомых предметов весьма сродно уму человеческому и которое в настоящем случае было так близ-

* *Сибиртка* по-татарски *борона*.

Сибире по-карталински *старый*.

Сенбир по-старотатарски, как толкует собиратель летописей Татишев, значит *тот главный*, отчего де и родилось слово «Сибирь». Лучше бы отсюда производить слово «Симбирек».

Птерофорис Плиния старшего, по толкованию того же Татищева, есть Сибирь.

Вот все изъяснения, мне известные, о слове «Сибирь».

ко для удальцов-москвичей, помнящих, что в их отечестве и столица, и река столичная называются Москвой.

По случаю изъяснения, что слово «Сибирь» может быть взято из словаря загобийского, нельзя не подивиться странной судьбе немногих слов, которые следовали за переселениями своих народов из края в край и которые, независимо от сиротства, так как не стало народов — родителей их, живут в памяти сменивших племен и мелькают, как надгробия в пустыне времен. Я хочу к сей мысли привязать свое замечание о слове «Урал». Известно, какой хребет так называется, но не всем, может быть, известно, что так же называется близ Тунки кряж гор, к китайской границе простирающихся; что так же называется в Нижнеудинском уезде хребет по левую сторону р. Уды, к югу лежащий; что так же называется видимая между Каном и Енисеем цепь гор, к Саянскому хребту прилегающих. Само наименование моря Аральского не принадлежит ли к одному и тому же корню? Таким образом, многократное повторение одного слова от Байкала до устья р. Печоры не припоминает ли нам ночлегов одного народа, в одну или не в одну пору жившего на том великом пространстве?

Б. Рассмотрение Сибирской летописи

Не касаясь тайны, какой г. издатель⁷² покрывает счастливый случай открытия Летописи, я хотел бы придержаться одного вопроса: стоит ли эта тетрадь имени Летопись? На сей конец довольно было бы приметить одни главные черты, в ней высказывающиеся, и вот они.

1) Что невозможные движения, которых ни опыт, ни рассудок не мог допустить, Летопись, заключая в-краткий промежуток времени, никак не может показывать погрешностей хронологии, если бы погрешности и были доказаны в истории Миллера и Фишера верной методой, а не *repetitionem principii*⁷³.

2) Что она за Югорским камнем, не зная ни имен урочищ, ни времени происшествий, очевидно, избегает исторической части о завоевании Сибири, не избегнув, однако ж, укоризн в неведении.

3) Что она, зная некоторые подробности на западной стороне Урала около Усолья и чусовских городков и ревнуя чести одной помещицъей фамилии⁷⁴, обнаруживает место своего составления.

4) Что странное заключение Летописи служит тому подтверждением.

5) Что слог, уклоняясь от повествовательного к смешному патетическому, показывает затейливость сочинителя, не заботящегося о предмете сказания.

6) Что Летопись, наконец, не только сама по себе, но и по милости примечаний, которыми обогатил ее г. издатель, впадала в противоречия, притом, в существенном вопросе времени.

Все сии категории могут быть доказаны из чтения самой Летописи, а потому, не принимая на себя утомительной обязанности опровержений, я остановлю ваше внимание только на первой и последней статьях.

На 17 стр. Летописи повествуется, что Строгоновы с 1 сентября 7090 года⁷⁵ отпустили Ермака и дружину его числом 840 человек в Сибирь против салтана Сибирского, и сие ополчение в 6 дней дошло до сибирской дороги, сделав на речке Кокуй городок того имени, и чрез 25 поприщ⁷⁶ (что за мера?) перевезлось за волок на другую речку, с которой ополчение вышло за р. Туру, а в 9-й день (на 26 стр.) по поражении каких-то городков и улусов татарских доплыло по Туре до устья Тавды — чудеса! Пусть так, что 400 верст, притом против воды и в мелководе по Чусовой и особенно по речке Серебрянке, Ермакова флотилия могла в 6 суток пройти до вершины Серебрянки, но в 3-й день поспеть оттуда на устье Тавды — статочное ли дело, если взглянуть на карту? Ибо надлежало бы:

1) перетаскать посуху 41 лодку, полагая по 20 чел. на каждую, и около 20 лодок транспортных, не считая от устья Серебрянки до Кокуя;

2) оттуда до Туры, где она способна для лодочного хода, перенести на плечах весь караван чрез крутые, обрывистые и донныне лесистые Уральские горы, полагая сей переход не меньше, как в 100 верст;

3) отсюда переплыть около 2000 верст, считая беспрестанные излучины Туры;

4) неоднократно воевать с прибрежными улусами, и все подвиги на суше и на воде совершить *в двое с половиной*

суток, когда и ныне при свободном и облегченном судоходстве четверть того хода, т.е. от Туринска до устья **Тавды**, пробегают *в пять суток*.

Нет, м.г., летописи, с которыми соображались наши старые академики⁷⁷, эти летописи, рассказывая о Ермаковых городищах, в переход через Урал строенных, притом географически и исторически не сумнительных, не наобум дозволяют завоевателю Сибири зимовать при Урале и в Тюмени, не доходя до Тавды. Того требовали непреодолимые препятствия чрезвычайного пути. Если бы г. издатель новой Летописи ныне даже посмотрел по следам Ермака Урал и помянутые реки, он бы услышал изустные предания, подтверждающие Миллерову историю Сибири. Есть происшествия, которые без букв врезаются в памяти племен и веков.

Если, таким образом, доказано, что сокращать маршрут Ермакова каравана от чусовских городков до Тавды на число $8\frac{1}{2}$ суток, было бы противно не только всякой вероятности, но и физической возможности, то отсюда выходят два последствия: или Ермак ранее таким временем, как требовалось на поход, а не 1 сентября 7090 года, пошел с Чусовой, или таким же промежутком времени позже должен был взять Искер, нежели как следовало бы по новой Летописи.

Если бы за всем тем еще хотели бросать в глаза пыль от грамоты, на Чусовую последовавшей от 16 ноября 7091 года⁷⁸, то опять, встречая тут же физическую невозможность, какая представилась при рассмотрении времени, Летописью определенного, я равномерно опасаясь принять грамоту за основание времени событий.

Уклоняясь порядка опровержений, я остановлюсь на одном летосчислении, которое будто бы поправлено г. Спаским. Не знаю, однако ж, кому верить: Летописи ли рассматриваемой, или грамоте упомянутой, или самому г. издателю, потому что нет между ними согласия.

Летопись, как видели, полагает отход Ермака с Чусовой 1 сентября 7090 (1581) года, грамота — 1 сентября 7091 (1582) года, а г. издатель, принимая одну за образцовую, как *для славы и блага отечества* изданную, а другую, как *показывающую истинное время отправления Ермака в Сибирь*, негодует (стр. 79) на Миллера⁷⁹, вопреки своей Летописи и грамоте, что будто бы сей историк *все последующие происшествия*

показал 2 годами, 2 месяцами и 18 днями ранее самой истины. Я, напротив, утверждаю, что если бы все три полномочия были согласны между собой, приговор г. издателя и тогда не был бы заключителен как по недостатку следствия, так и *repetitionem principii*. Далее ж недоверчивость мою к трем свидетельствам подтверждаю следующими изъяснениями.

Первое. Издатель Летописи при соглашении старинного нашего летосчисления от с. м. с летосчислением от р. X не привел себе на память, что из первой суммы лет надобно вычитать 5509 в первую треть старого года, а в прочие месяцы 5508; и вот причина, что он не так смотрит на свою грамоту и Летопись, усугубя несовершенства последней переводом летосчисления на новое как в тексте историческом, так и в примечаниях.

Второе. Взяв по сему из Летописи 1 сентября 7090 (1581) года, выходит, против чаяния г. издателя, что завладение Искером по тобольскому летописцу, как и по Сибирской летописи, полагается в 26 октября 1581 года; следовательно, время главного происшествия не разнится ни одним днем, а разнится только началом похода с Чусовой.

Третье. Если взять время грамоты, которая, впрочем, сама еще требует рассмотрения, то и по ней выйдет взятие Сибири позже только годом, а не по словам г. издателя.

Теперь предаю на ваш суд, к чему Летопись, не согласная ни с возможностью физической, ни с грамотой, ни с суждением самого издателя, а согласная, против чаяния, с тем летописцем, который им опорочивается, к чему может служить? Притом, не заключая в себе цепи происшествия далее Тобольска, справедливо ли названа важным титулом *Сибирской летописи*?

*Тобольск,
20 ноября. -*

XIII

Опять, как намагниченный металл, я склонился к северу и перенесся в расстояние 64 градуса широты. Приехав в Березов 30 ноября, когда земля текла по самому *верху эклиптики*⁸⁰, и когда солнечные лучи только скользили по горизонтам здешних параллелей, я должен был опасаться терметрического чувствования, а вышло совсем иначе. Тер-

мометр в течение всего ноября показывал в Березове однажды -14° , по большей части от -2° до -5° , а иногда даже от $+2^{\circ}$ до $+7^{\circ}$. Толь чудесная мягкость температуры в такой широте, где ртуть в эту пору, бывало, замертво лежит в трубке, и где дышит самый пронзительный северный ветер, естественно, приводит меня к двум (хотелось бы блеснуть ученостью) трудным вопросам: откуда взялся ныне толикой запас теплотвора? Второе: почему, в нарушение коренных замечаний, постоянно с апреля 1826 года дует здесь южный или юго-западный ветер, когда по новейшим изъяснениям надлежало бы дуть ветру северному от полюса в нижней атмосфере и ветру экваториальному к полюсу в верхней атмосфере для пополнения равновесия?

Если по последним геологическим догадкам полагается, что ядро земного шара наполнено раскаленным металлическим веществом, которого теплота постепенно уменьшается к верхним слоям поверхности, если с другой стороны неоспоримо, что наш шар от кругообращения на оси выше и выше от времени приподнимается по экватору, и, следовательно, в той же соразмерности масса вещества при полюсах умалывается, или, говоря иначе, полупоперечник полярный становится короче, то не следует ли, судя по настоящей теплоте на Севере, заключать, что время обитаемой нами планеты, может быть, сближается с тем числом, когда поверхность полярной толщи, постепенно сплюскивающаяся, так отонела⁸¹, что начинает уже прогреваться от внутреннего огня по-прежнему, как бывало в незапамятную эпоху мамонтов, жизнью в Сибири наслаждавшихся?

Вы смеетесь учености, но к подтверждению отважной догадки служит и то, что я не видел в здешней атмосфере великолепных явлений, какими в это время должен был расписываться купол ее в здешних широтах. Надеялся насмотреться на декорации северного сияния, не тут-то было; небо закаталось при мне без воздушных картин, без всякой полярной поэзии, как будто в прозаических южных городах. Все то, что приличествует преддверию холодного круга⁸², можно было видеть в порядке человеческого общежития, в порядке, явственно изменившемся.

Обширность деятельности человеческой тут свернулась в простое физическое самопитание. Вы не увидели бы тут ни

припрятанного серпа или сошника, ни той пыли, которая в доброй Сибири по задворным гумнам стоит столбом от провеиваемого зерна*. Развешенные неводы, сети, морды, прибрежные запруживания, луки со стрелами, птицеловные переверсы, в таловых просеках между вод раскидываемые — вот все орудия местной промышленности и средства народного богатства. Человек, спрятанный в 2 или 3 ряда оленьих туник, встречается вам в следующих положениях: у чувала с трубкой, на проруби с мордой или с луком на лыжах. Как вы думаете, он меряет глубину, ширину и высоту снега, воды и пр.? У него мера протяжений есть **шестик****, которым правит оленей, подобно как у физика земной полупоперечник, на который прикидывает величины Солнечной системы. Не исчисляя прочих разностей, упомяну еще о том, что сами животные, которых мы употребляем на службу, здесь уже выходят в отставку, и на смену их другие определяются.

Не без гордости хочу вам донести о щегольском выезде, какой я сделал в Березове на летучей нарте, запряженной тройкой белых быстроногих оленей, которых головы, кроме горделивых ветвистых рогов, были еще изукрашены пунцовыми кожаными привесками. Носясь по городу и около города на картинных **Дианиных санках**⁸³, я чувствовал себя в каком-то новом, баснословном положении.

Прежде нежели изготовлю отчет о кое-каких замечаниях, отсрочиваемых до следующей беседы, теперь я имею утешение довести до вашего сведения одно редкое, достопамятное явление в нравственно-гражданском порядке. Именно из всех жителей здешнего города и уезда, где считается их*** 23803, не было в течение 1¹/₂ года ни одного арестанта, а по неизменному их простодушию в Березове вовсе нет и тюрьмы. Я хотел было

* Не может ли описание сие измениться — вот вопрос, которому не было места до нынешнего времени. В октябре 1827 года приехавший из Березова купец г. Нижегородцов известил меня, что в минувшее лето 4 июля было им посеяно близ города для пробы по несколько фунтов ячменя, овса и конопляного семени, и что 22 августа и 5 сентября последовала жатва благонадежная. Сей благонамеренный березовец выписывает домой сохи и другие орудия, дабы в будущем году превратить пробу земледелия в нарочитую попытку, но заранее можно против всего его посева и всех земледельческих орудий ставить любой запасной магазин, что успеши земледелия под 64° не лучше будут, как и под 62° в Якутске.

** *Шестик* по-остяцки *сыу*, а по-самоедски — *тюр*.

*** Обоего пола, т.е. в городе 904 и в уезде 22899.

вспомнить с поэтом *Saturnia regna*⁸⁴, но в недоверчивой мысли мелькнул вопрос: не принадлежит ли толь многолюдное благонаравие к физическим приметам Полярного круга?

2 декабря,
в Березове.

XIV

Примечания мои в пути были следующие:

А. Едучи Иртышом до Самарова⁸⁵ и оттуда Обью до Березова, я опять видел нагорный берег реки на стороне восточной, как и по прочим рекам: Чулыму, Енисею, Ангаре и Лене. Недалеко было до вопроса: отчего произошел такой порядок единообразия при реках, текущих параллельно меридиану? Прежде замечал я такое же единообразие в сибирских реках, которые сперва льются на поперек меридианов и потом склоняются к северу, как, например, в Исети, Тоболе, Ононе и пр. Нельзя ли то и другое изъяснить суточным движением к востоку, если только деление замечаемого единообразия подтверждается и в других частях нашего шара? Ибо от круговращения составные части берега западного, омываясь рекой, всплескиваются кверху на противном вследствие Гюйгенсовой силы⁸⁶.

Б. Нагорный берег Иртыша, во многих местах мною знаемы, состоит из глины и больше из сухого, несвязывающегося суглинка. Цвет осыпающегося берега казался мне таковым же и по Оби, так что заключение мое об одинаковом составе его продолжалось до Атлымского погоста, где из разговоров случилось узнать, что берег этого селения избилует белым песком, и что тобольские суда по летам запасаются им в немалом количестве. Вы изволите увидеть из засыпки сего письма, сколь бел и мелкозернист этот кремнистый песок. На следующей же станции подали мне отломок камней, какие частью находятся в составе продолжающегося обского берега, и отломок был кремнистым песчанником, проникнутый слюдой и железной окисью.

В. Из уважения к искусной проекции и к превосходной отработке карт, которые издаются при Императорском Депо⁸⁷, я бы смел заметить небольшие погрешности, усмотренные на двух картах России: на *Генеральной* 1809 года и

на *Подробной*⁸⁸, прежде того вышедшей. Вот погрешности, местными сведениями подтверждаемые.

I. На *Подробной* карте пониже Самарова Обь соединяется с Иртышом двумя рукавами.

Примечание. Тут Обь в натуре⁸⁹ соединяется одним устьем.

II. На *Подробной* карте соединенная река через 10 верст делится на два рукава, из коих западный надписан: река Обь.

Примечание. Тут Обь не делится, а только из нее выходит пролив, *Прорвою* называемый, и этот пролив около деревни Белогорской тотчас падает в протоку, или старицу, из Иртыша вышедшую повыше Самарова. Протока же, пролегая по поверхности земли особым путем до *Нарыкарских юрт*, осенью местами пересыхает и в разных расстояниях носит разные названия, например, название *Байбалаковской*, *Васнухольской*, *Ендерской*.

III. На Генеральной карте хотя начало протоки из Иртыша показано в своем месте, но чертеж ее все неправилен.

Примечание. Неправильность в том: а) что протока соединяется с Обью при Кондинском монастыре, а не в поименованных юртах, в чем карта от истины разнится 60 верстами, б) что, кроме Белогорской прорвы, надобно бы означить еще три такие же, и именно: в юртах *Воронинских*, потом выше *Большого Атлыма* и напоследок между Кондинского монастыря и юрт *Алешок*.

IV. На Генеральной карте Обь выше Алешок раздваивается, а протоки уже не стало.

Примечание. Напротив, Обь при продолжении помянутой старицы впервые делится 7 верстами выше Чемашского погоста на две ветви. Восточная называется Обью *большою*, западная — *малою*. Малая 20 верстами ниже того погоста принимает в себя протоку у юрт *Нарыкарских*.

Еще *примечание.* Выше г. Березова в 20 верстах малая Обь соединяется новой прорвой с р. Соевой, и не иначе, как чрез эту прорву, плывущие сверху суда приходят в город.

V. На Генеральной карте Березов показан при самом устье *Сосвы*.

Примечание. В подлиннике устье *Сосвы* падает ниже города в 20 верстах.

VI. На *Подробной* карте *Сосва* названа *малой*, а на Генеральной карте *большой*, вероятно, для различия с пермской рекой сего ж имени.

Примечание. Жители называют Сосву просто Соевой, не зная ни малой, ни большой, а карте не дается права переименовывать живые урочища.

ЗаклЮчить надобно тем, что гипотетические погрешности, которые происходят не от искусства, а от дальности, столь же **обыкновенны**, как и извинительны.

Г. В Березове получил я от чиновника г. Лебедева коренной зуб особенного вида, еще до моего приезда отделенный от челюсти, которая с прочими зубами досталась в другие руки. Никто из видевших помянутую челюсть не знал наименовать животного, к которому бы она пристала, равно и подаренный мне зуб не лучше был опознан. В нем веса было 2 фунта.

Справясь с книгою «*Sur les revolutions du Globe*»⁹⁰, где описываются древние большие животные, в Северной Америке открываемые в виде ископаемых остовов, из коих некоторым по причине сосцевидного образования коренных зубов дано знаменитым **Кювье**⁹¹ имя мастодонтов, я отважился полученный зуб, как по определяемой французским зоологом характеристике, сочесь за принадлежность выморочной породы мастодонтов⁹², во время оно живших на краю сибирского материка.

С сим вместе уверением перешел я к другой достоверности, что если поколение мастодонтов прежде известного переворота вселенной обитало близ Ледовитого моря, то по сходству широты не невозможно было тогда квартировать около Гудзонова залива и поколению наших мамонтов, ибо мамонты не суть тезки мастодонтов. Но ныне мечтание мое об **аноплотерии** и о **палеотерии** исчезло* от последовавшего замечания ластов в найденном огромном животном.

* Помянутый г. Нижегородцев доставил известия в следующем виде. Обдорские самоеды, в 1825 году найдя на западной стороне Урала, близ зимовья огромное животное, до половины замьтое в песок и частью рубленое, последовали и сами тому же примеру и увезли сало до 500 пудов. В следующем году они видели один костяк того трупа, а в 1827 году по поручению Нижегородцева пополнили сведения о виденном трупе вот как: длина хребтовой кости от головы до хвоста — 13 саж., голова 3 саж., хвост как у бобра, задние лапы длиннее передних, 42 зуба в обоих челюстях и все сосцеобразные и умяляющиеся в величине внутрь челюсти, толщина хребта в охват человеческий, толщина ребра в 3 вершка, дыхательных труб будто бы нет, длина нижней челюстной кости 2 арш. 9 вершк., ширина ее к зеву в аршин, жировоск по виду и вкусу походит на свиной жир.

Этo должен быть кит *phyalus*, у которого в верхней челюсти зубы бывають короткие, а в нижней большие, конические. *Zoogn. Ficheri* vol. III pag. 673.

Д. Желательно бы поговорить о происхождении остяков, вогулов и самоедов⁹³, из числа которых я видел только первых, но материя сия, по-видимому решенная, не требует во мнении многих нового взгляда. Нельзя между тем не сказать, что русская населенность, или Сибирь, прошед среди народов от Урала до Станового хребта, разрознила их на две стороны до такой степени, что теперь трудно опознать, к чему и где приставить на стороне юга обрезки севера, хотя по всем вероятностям должно полагать, что все эти обрезки суть происхождения или финского, или турецкого, или татарского, или монгольского.

Трудность дойти до начала наших северных народов увеличивается и от того, что когда они жили в Средней Азии (а кроме финнов, все там жили), китайцы по известному своему равнодушию давали им наобум странные имена⁹⁴; когда являлись на глаза Европы, греки и римляне коверкали подлинные их названия; когда водворялись в настоящих пределах жительства, опять новые соседи начинали называть их новыми звуками, так что теперь едва ли сами они удержали в памяти общие названия предков-народов, памятуя, вероятно, одни удельные. История их очень походит на историю бабочек, которые проводят разновременные периоды своего бытия то в яйчке, то в личинке, то в куколке до совершенного развития.

На чем же надлежало бы особенно основываться в исследовании вопроса? Конечно, не на покрое одеяния, которому народы по нужде научаются у климата, ни на роде промыслов, которые также указывает им инстинкт самосохранения, ни на обычаях, которые часто изменяются от обстоятельств и соседей. Я бы в сем случае посоветовался с языком и с физиономией народов, не помнящих родства, и больше с физиономией, чем с языком, который скорее уступает времени, нежели облик*. Из чего изволите заключить, сколь далек я от доверия книжным рассказам о северных наших соседях.

* Какое несходство между языком Моисеева Пятикнижия и языком Шкловского, например Кагала, между языком Конфуция и нынешнего китайца, между языком «Русской правды» и языком Александровых учреждений! Но облик и цвет нынешнего раввина не снимок ли с древнего левита? Узкость глаз и пухлый облик нынешнего китайца не сходны ли видом и размером с древними изображениями страны? Тобольские остяки разных рек, чтобы ближе быть к делу, чрезвычайно разнятся в языке, но в очертании лица и стана общий почерк очевиден.

Знали ли (вопрос не лишний) древние географы кого-нибудь из северных наших инородцев по существующим донныне именам? Иродот знал **алазонов** и **аримаспов**⁹⁵, Плиний старш.⁹⁶ — **финнов**, **коттов** и **аринфеев**, Птоломей⁹⁷ также **финнов** и **могулов**, Константин порф.⁹⁸ — **хазаров**, или **казаров**.

Наш трудолюбивый **Татищев**⁹⁹ иногда в **аримаспах**, иногда в **аринфеях** видит, как в призме, всех народов, от **Лапландии** до **Енисея** живущих, следственно **вогулов**, **остяков** и **самоедов**, как будто бы решено, что настоящие орды тут жили до времен **Иродота** или **Плиния**.

С тех пор, как академики наши описали, между прочим, народы, о коих идет речь, почему-то установилось общее мнение, что **вогулы** (**манзи**) и **остяки** (**хандыхо**) суть такие же сучья **финского** поколения, как **чухонцы** и **карелы**. Описание народов **Георги**¹⁰⁰, хотя бы и не было перепорчено поправками и пропусками русского издателя, повторяет то же предубеждение. Сам знаменитый **Карамзин**¹⁰¹ без рассмотрения причисляет **вогулов** и **остяков** к **финнам**.

Но повидавшись с **остяками**, говорящими тем же языком, каким и **вогулы**, я смею со всей твердостью удостоверить вас, что сии племена отнюдь не **финского** происхождения, и вот основания: 1) что язык обоих не сходен с **финским**, кроме слов, по соседству к ним **вкравшихся**; 2) что **русый** изрыжа цвет и не плоское расположение лица суть неразлучные приметы **финского** племени, как, напротив, у наших **остяков** увидели бы вы **волосы**, как **смоль**, **лицо** **смугло-широкое**, как **полный месяц** в **уменьшенном** размере, а **облик** **вогула** разнится от сего **портрета** только **большей смугловатостью**. Какие же тут **финны**? Не правильнее ли называть их **первоселенцами** **Средней Азии**, которым **облик** и **цвет** не изменили даже по **прошествии** **несчетных столетий**.

Чтобы подкрепить мнение дальнейшими доводами, я прошу принять в замечание: 3) что способ **ловить** **сильных зверей** таков же у **остяков**, каков и у **монголов**, т.е. **делая** **изгороди** на **несколько верст** со **скрытыми ямами**; 4) что, **живучи** при **больших водах**, **страшится** **купаться летом**, как **делают** **соседи** **наши**, значит, **выказывать**, что **предки** **их** **вышли** из **сухих** или **безводных стран**, каковы в **Средней Азии**; 5) что **остяки**, не в **пример северным племенам**, **сластолюбивы**, при **волоките** **стве** даже **фантазируют** **песни** и **притом** **давно** **ли** (до **креще**

ния их митрополитом Филофеем¹⁰²) вели частую войну за любовь в своих котских городках*¹⁰³ и попеременно осаждали их, как Трои греки; 6) что шегольской обычай мужчин прививать себе разряженные косы, без всякого сомнения, перенят у гобийских народов; 7) что шаманское верослужение, еще незабытое у некрещеных остяков, есть коренной признак, что народ происходит из теплой Азии, и что он научился мнительно сообщаться с горными силами или у древних могулов, или индов, ибо и Дельфийская Пифия¹⁰⁴, прорекавшая в равных с Шаманкою обстоятельствах (т.е. первая среди курения, а последняя среди курева), есть благовоспитанная дочь одной матери; 8) что, кроме шаманства, у остяков есть много поклонений идолам, много суеверий и колдований. Последняя историческая примета заставляет решительно признавать в вогулах и остяках отроды угров-уйгуров, уклонившихся по Абулгазию¹⁰⁵ к Иртышу для ловли дорогих зверей. Остякам и вогулам по причине неопрятного, ленивого житья в прямом значении принадлежит название *огур*, или *огурник*¹⁰⁶; а трудно ли догадаться, что слово «огур» — «уйгур».

Очередь доходит до самоедов. По широкому окладу лица, выполаскивающегося в белый и румяный цвет (от долговременного ли на Севере, или около Кавказа водворения), надобно и их почитать также за первоселенцев Средней Азии. В настоящую эпоху Самоедь, которая протянулась от р. Мезени до залива Хотангского, называя своих детей — мальчика и девочку — одним словом «ниучу», а взрослых мужчин «хазово», присваивает и себе самой, как народу, тоже двойное имя *ниучу* и *хазово*¹⁰⁷. Первобытные ли эти названия орды или подставные — трудно разгадать, хотя нельзя отрицать, что то и другое, по-видимому, засвидетельствовано историей.

Китайская история, по словам Дегюйня (Deguines)¹⁰⁸, в конце XII и в начале XIII столетия находит орду оседлую в Печели, Шанси и Шенси¹⁰⁹ и дает ей имя Ниучу. Нет сомнения, что эта орда состояла из однородцев нашей Самоеди, но чем увериться, чтобы северокитайское стойбище было самое место рождения, а не становье?

* Остяцкие деревни от Самарова почти до Березова называются в наших податных книгах котскими городками, а сами остяки от жителей иногда кондою. Около тех деревень видны и ныне рвы обводные, а слово «котские» то же, что и «кондские».

Другое историческое стойбище **Самоеди**, может быть, и самое место рождения, было на восточной стороне Кавказа, там, где, бывало, жили древние *хозоги*¹¹⁰ (попросту косоги), так, по всей вероятности, переименованные из хазово.

Третье историческое стойбище орды Хазово под именем *Хизахии*¹¹¹, замеченное Константином, было на западной стороне Кавказа. Куда же хозоги, или **казахийцы**, потом исчезли мгновенно от глаз истории?

Я бы смел утверждать, *что хазары*¹¹², впоследствии с грозным именем приблизившиеся к России и к Восточной Европе, были прежние хозоги, или наши хазово. Святослав в 965 году, победив хазаров, называет их (в Несторе) ясами и **косогами**¹¹³, следовательно, хазары не по одному филологическому выводу, а по самой бывальщине состояли из хосогов, ясов и, вероятно, других соплеменных наименований. Что бы такое значило, что вдруг с лица земли прежде того скрылись обры-авары и оставили по себе у Нестора одну **притчу**¹¹⁴ их скоротечности? Не то ли, что орды, в темные времена шатаясь по миру вне закона, часто жертвовали народностью естественному праву сильнейшего и посменно славились под знаменами различных победоносцев? Чем бы вы изволили опровергнуть мою догадку, что обры не иначе исчезли из истории, как смешавшись с превозмогшими их хазарами, и что посему потомков их можно бы открыть в числе наших самоедов, если бы мы сколько-нибудь знали их язык, физиономию и род идолопоклонства. Что же касается до слова «ясы», мудрено ли переименовать его современникам в азы, потом в хазы, когда это слово и однозвучно для уха. Вот пример, что один народ хазово мог у европейцев слыть хазарами, хосогами, асами, а у китайцев под именем **ниучу**. Известные догадки некоторых, что под именем косогов средней истории не были ли киргис **кайсаки**, а под именем асов не должно ли понимать кабардинцев, не найдут себе места в критической истории народов.

В большее оправдание моего мнения надобно отдать справедливость хазово — обломкам, что хотя и загнаны в пустынную и холодную глушь, не перестают при своем дородстве быть бодрыми, деятельными и достойными памяти славных предков. Сохраняя в физиономии свидетельство рождения в лучших климатах Азии, они подталкивают истину родословия еще своими нравами и искусствами, приличны-

ми лучшей родине. Я хочу заметить в рассуждении неписанных законов или нравов, что у нашей самоеди основания их почерпнуты из чистой, нравственной природы; так, например, за обманы и дурные поступки наказания состоят в объявлении выговора или презрения, при собрании произносимого родоначальником, и виноватые не могут скрыть стыда своего и печали; в расплате же долгов самая строгая честность. В рассуждении искусств самоед умеет: а) хорошо закалять железо в сталь, б) легко размягчать мамонтовую кость и в) искусно вырезывать из нее одним ножом курительные трубки в китайском рисунке* с эллиптической около горлышка плоскостью, кверху погнутой, со всей притом мягкостью в соединении разных плоскостей. Сии толь примерные нравы, И ни в какой другой орде северной не замеченные, равно и искусства, ручаются: 1) что наши ниучу суть потомки нравственно-благородного народа, и 2) что они по искусствам и имени не чужие известной у китайцев орде того же имени, которая, видно, имела сего Кутзия, или Зороастра¹¹⁵.

Может быть, после сего проспекта вы сделаете вопрос, когда и каким путем часть орды уклонилась на северные тундры? Не принимая вопроса, можно запросто думать, что она переселилась туда, или спустясь по Енисею, или обогнув Урал, когда пало Хазарское царство на Волге, или когда вышла из-за Гоби к верховьям Енисея**. Остяки и вогулы, называя самоедь урьяг¹¹⁶, т. е. горным народом, кажется, тем намекают, что они встретили сих пришельцев из-за Уральских гор.

Паллас причисляет самоедь¹¹⁷ к кавказским народам и, кажется, больше по замечаемому сходству в языке, который, надобно признаться, для слуха должен быть приятен по частому соединению букв гласных с согласными, особенно носовыми. Ни от одного ли корня происходит язык Самоеди, Гурии и Абхазии? Я делаю эту смелую догадку не по той одной примете, что и в Гурии, и в Самоеди есть р. *Печора*.

Окончив свою речь о происхождении трех племен, особо представляю на ваше рассмотрение *поколенную роспись* сих

* Полученную в Березове самоедскую трубку с другими достопамятностями я отослал в музей Иркутской гимназии.

** Надобно заметить, что самоеды, живущие по правую сторону Оби до Хатанги, смугловатее и калмыкообразнее против тех, которые простираются от Оби к Мезени. Может быть, и переселение их было разновременное и разнообразное.

и других соседей, расположенную по одному сходству их языков. Притом, чтобы исчерпать материю до дна, попытаюсь старые имена некоторых народов, у древних географов выше мною замеченные, перевести для примера на настоящие, и вот как.

Иродотовы *алазоны* могут быть *альзоны-буряты*, ныне живущие на Кудинской степи. Род, который прежде шел за целый народ, мог после сделаться малочисленной горстью.

Плиниевы *котты* должны быть сибирские *котовцы*¹¹⁸, живущие ныне между Абаканом и Канским.

Птоломеевы *могулы* и *матеры*, без сомнения, суть известные *монголы* и *моторы*¹¹⁹, даром что у Птолемея матери приурочиваются к р. Куме.

Иродотовы *аримаспы*, жившие за исседонами, т. е. в Монголии, и Плиниевы *аринфси*, жившие около Меотийского моря¹²⁰, могут быть нынешние *аримы*, или *аринцы*, в числе уменьшившиеся. Кому неизвестно, что не только аримы, но и славные народы убавлялись, убавлялись, да и исчезли.

Изберите кого-нибудь с большим, против моего, терпением, и мы увидели бы любопытный свод северных народов — старых и новых, свод Сибири нашей и Геродотовой.

Е. Я чуть не пропустил включить в замечания, сколь гибельна была для здешнего края необыкновенная теплота, лето и осень некстати здесь продолжавшиеся. Пожары еще летом запылали по лесам Березовского уезда, и огонь местами не погас до сего даже времени. Леса на пространстве, заключающемся между Сургутом, Самарово и Обью, обгорели до тундристых мест к северу. Жители котских городков сетуют о повреждении кедровых лесов, как плодовых, а с тем вместе и об уходе белки, не находящей уже корма в их соседстве.

В других местах Западной Сибири рыбные озера обмелели, отчего рыба или подохла, или исчерпана снастями; и вот причина, что ныне на ярмарках она продавалась за бесценок, а на будущее лето улов ее по озерам должен последовать самый скудный.

3 декабря,
в Березове.

**Поколенная роспись сибирских и других народов
по одному сходству их языков¹²¹**

Имена народов	Какого происхождения по языку
чухонцы, карелы, олончане	} финского-варяжского-чудского.
опари	{ } особого, хотя по образованию телесному и по истории соплеменны финнам.
Вотяки, зыряне, пермяки	} особого и едва ли не соплеменны аринцам?
Вогулы, остяки	{ особого.
Самоедь	{ особого.
Койбалы, моторы камачи	{ } самоедского.
Якуты, как и барабинцы	{ татарского.
Ламуты, чапогиры, тунгусы	{ манжуйского.

Примечание. В сем разделении я основывался на сравнительных словарях, в 1787, 89, 90 и 91 годах изданных¹²².

XV

Березов при всем отдалении не только от театра славы, но и от обыкновенного общежития имеет свои воспоминания, косвенно принадлежащие к бессмертным временам Петра Великого. Здесь в заточении кончил свою жизнь, столь же необыкновенную, как и поучительную, сотрудник и любимец преобразователя России Меньшиков¹²³.

При имени сего знаменитого изгнанника нельзя было удержаться, чтобы не вспомнить о правах его на победы в Польше, под Лесным и под Полтавой¹²⁴, о его заслугах, какие он оказал в северной столице первого императора. Но вот следы могилы Меньшикова указывают мне, а вон там, близ другой церкви, развалины хижины его. Какая короткая линия между громкой жизнью и кончины мрачной! Какое сближение славы и ничтожности! Какое расстояние, неизмеримое расстояние между

Полтавой и Березовым! Но оно было пройдено и пройдено не по лавровым ветвям. Так, я сегодня видел, где помещался под конец и где наконец вместился этот обширный исполин, которому за сто лет, если правда, тесно было у подножия престола.

Жизнь кн. Меншикова, конечно, принадлежит истории, но житье Меншикова принадлежит всякому христианину. Вот несколько слов, дошедших до меня из уст второго поколения березовских жителей. Вы посудите из них о последних занятиях этой сильной души.

«Меншиков своеручно пособлял строить деревянную церковь, которая уже сгорела. Ходил звонить в колокол, когда наступало время церковного служения. Пел и читал в церкви. По окончании служения любил оставаться там же и читать простолюдинам назидательные книги. Не только не роптал на свою участь, но при всяком случае с живостью благодарил Бога, что он смирил его». Узнаете ли вы в этих чертах генерала и министра Петра Великого?

Как не узнать величия по трогательной простоте? Меншиков служил Великому, и после, как унизили его гордыню, он пошел служить Всемогущему с превосходнейшим самоотвержением. Чем больше мечтал сперва возвыситься у престола, тем ниже после падал пред алтарем. Один и тот же дух, разнообразно несшийся к высокому, потому что высокое его (земное и горнее) разнилось целым небом, нет, не небом, а всею бесконечностью.

Не знаю, известно ли вам, что он две орденские звезды, которые во дни счастливого очарования упали на него с высоты престола, здесь возложил на оплечье двух богатых священнических риз. Я видел одно из сих облачений, звезда и фризон ризы уже осыпаются, но приношение можно ли не чувствовать, как единственно и как трогательно! Кто бы в этом почерке изгнаннической жизни не прочитал чувств души, еще пылкой, еще горящей и погасающей в курении Царю царей¹²⁵?

Sunt hic etiam sua proemia laudi,

Sunt lachrymae rerum, et mentem mortalia tangunt.

Есть и здесь за что похвалить, есть о чем поплакать, и это брение¹²⁶ не задевает ли за сердце? Вот мой перевод, потому что вы не жалуете латыни!

4 декабря,

в Березове.

XVI

Посмотрите, подъезжая с востока к Тюмени, посмотрите на эту открытую и усмехающуюся физиономию города; не правда ли, что восточный абрис его живописен?

Тюмень расположена по крутому, высокому берегу Туры, несколько каменных зданий выглядывают из-за крыш передовой линии, а по целой дуге городского берега белеются храмы Господни, воздвигнутые не столько благочестием нашим, сколько услугой времени. Надобно признаться, что делу Божьему и время служит.

Посмотрите, говорю, на открытое лицо города и угадайте о внутренности города! Нет, если сделаете шаг внутрь его, вы увидите части, а не целое, увидите не ряды стелющихся улиц, но буераки, разрознивающие город. Это может служить и вместо иносказания, хотя и не хотелось бы намекать вам о разделении мнений по части вероисповедания.

Прогуляемся лучше туда, где все тюменцы, без различия толков, соединяются в одну мысль; посмотрим лучше многочисленную ярмарку, выставку низших искусств города и округа. Мы увидим тут мочала (не пренебрегайте, первоначальной основой русской мануфактурной промышленности), увидим подле мочал циновку, лен и пеньку со всеми их изделиями, шерсть и разноцветные ковры, разноименные кожи и щеголеватую конскую сбрую; увидим колеса, повозку, телегу, соху, кресла, скрыпку и клетку с соловьем, если бы была весна; словом, мы найдем тут все нужное для обихода сельского и полугородского, все, что выделяется для сего двоякого употребления из царств растительного и животного, все, что производится гибкостью перстов, недорогими инструментами вооруженных. Огромное скопление изделий при стечении волнующегося народа появляется каждую неделю в установленный день, и в один день все исчезает с площади за цену или на обмен по требованиям разных округов. Этот день даже без поэзии можно бы назвать праздником Минервы земледельческой.

После сего я бы думал, и не без основания, утверждать, что немногие в Сибири города так хорошо поняли тайну своей промышленности, как Тюмень. Во многих из них слышны жалобы то на упразднение городских ярмарок, то

на отвод большого тракта, но город, где есть своя основная промышленность, едва ли от подобных перемен подвергается чувствительному упадку.

Теперь, оставляя вас в покое, сам уединяюсь в Троицкий монастырь¹²⁷, чтобы еще раз взглянуть на священную твердыню, с детских лет для меня достопамятную. Какие воспоминания, какие тихие, отроческие воспоминания вспыхнули в душе и грели ее несколько минут! Так душа наслаждалась ими, она молча свиделась с собою и, как бы сказать, с собою отроковицей.

Alter ab undecimo tum me jam seperat annus,
Jam fragiles poteram a terra contingere ramos¹²⁸.

Уже мог я тогда засматриваться на иконостас с выпуклой резьбой, дотрагиваться руками до висячих лампад и в невинной простоте умел молиться иконам. Теперь я в том же храме опознаю те же резные украшения, те же иконы и те же лампы. Все то же, кроме меня и позолоченной белой свечи! Доска и плинфа¹²⁹ сохранили мертвые повапленные формы¹³⁰, потому что они не теплились, не горели в эти пятьдесят лет. Вы по дружбе чувствуете силу слов.

Поднявшись вверх к боковым сводам храма, я очутился посреди двух горних церквей¹³¹, сооруженных митрополитом Филофеем, который, кажется, желал бы, если бы возможность слушалась ревности, заселить жертвенниками и атмосферу во славу Всевышнего.

Шаг за порог, и вот простое надгробие сего иерарха, завещавшего похоронить свой прах вне церкви, на пути, дабы мимо ходящие попирали его своими ногами¹³². Напротив, кто не поклонится почивающим костям человека Божьего, который благословил Евангелие среди котских городков, который был ходатаем за тюменскую обитель у Петра Великого и который на закате жизни скрылся от света в святом, глубоком образе схимника¹³³. Я видался с именем сего боголюбивого старца еще в Иркутске, где есть памятник с поновленною надписью, что в 1719 и 1720 годах¹³⁴ он посещал тамошнюю паству.

Благополучна паства, когда евангельская жизнь архипастыря бывает для нее живой проповедью в силе, а не в звуке!

12 декабря,
в Тюмени.

XVII

Нечувствительно очутившись при скате нагорья, увидел я внизу городок и с удовольствием смотрел на небольшой, но правильный, красивый городок, и это был Туринск.

Пятьсот пятьдесят домов, и среди них возносятся шесть благолепных церквей и столько же колоколен.

Покровская колокольня из всех зданий сего рода есть башня примечательная не по внешней пестроте готических прикрас. Посмотрите, какая стройность в вышине, какая легкость в массе, кроме основания, какая смелость в ширине пролетов, на которые отважился туринский зодчий в двух верхних ярусах! Колокольня держится на одних углах, она отовсюду прозрачна, и соседняя башня, как и луна, очаровательно смотрятся вечером сквозь нее.

Радуйтесь, сибирские юноши, рожденные с тонким организмом, радуйтесь и вы, переимчивые якуты, столь удачно начинающие работать в преддверии зодчества! Радуйтесь — Минерва уже на Урале¹³⁵, но ее наугольник и масштаб, ее палитру и кисти, ее вентбель и шпунтовник со множеством пилочек* я видел по сю сторону Урала.

Мысленно обращаясь к Якутску, Енисейску и Березову, к только северным городам, отличающимся числом каменных церквей, не соразмерным со счетом жителей, подобно Туринску, я задал себе вопрос: чему надобно приписывать в этих городах успехи церковного зодчества? Совокупности разных причин, как думал я после.

Частью набожности, потому что за **небывалостью** искусственных зрелищ и так называемых собраний, жители охотно продолжают посещать церковь, грамотеи их участвуют в пении с трогательной любовью; и простой хор из граждан мечтался мне отголоском, тянувшимся от первой апостольской церкви. Частью древности городов, потому что зауральское наше водворение прежде всего шло по северо-востоку. Частью щедротам торгова, потому что в северных городах скоплялись капиталы, для закупа мягкой рухляди высылаемые, и по потокам естественного кругообращения, а иногда и по особым

* В Туринске довольно резчиков на липе и кедре, равно иконописцев и каменщиков со своими рисунками, но в резьбе на дереве Рафаилова слобода, что на р. Исети, имеет явное превосходство.

движениям благочестия текли на дела богоугодные. Частью неусыпности в земледелии, потому что настала необходимость обеспечивать свое продовольствие искусствами. Частью надобно приписывать там успехи церковного зодчества и естественному прискорбию человеческого ума, который, видя себя заключенным в негостеприимных, сумрачных приделах земной широты, силится наперекор природе украшать горизонт своего пребывания приличными, искусственными памятниками.

Так я изъяснял Туринск в Туринске на досуге, но поверите ли, что в течение трех дней, мною там проведенных, оставалось у меня мало досуга от должностных занятий и неожиданной беседы. Как надеяться встретить в Туринске непринужденный разговор о естественной философии, слышать, между прочим, о Галилеевых открытиях в рассуждении тяжести тел земных, или слышать повторение Кеплеровых законов¹³⁶ и т.п.? И этой травлей познаний¹³⁷ я любовался не без удивления в доме почтенного судьи NN.

Правду сказать, что для умозрительных знаний самый лучший приют есть **такой** город, который стоит в тени от вечерних приятных наслаждений. Ни ужины, ни карты, ни собрания не придут возмутить беседу с **Уранией**¹³⁸.

«Ах, как скучно, должно быть, в таком мешанском городе, где надобно зевать от скуки и убаюкивать ее мечтательными припевами муз», — говорил мне NN в ответ моего живого пересказа.

Верно, он не знает, что у досужливой скуки нередко качалось прекрасное дитя — изобретение или усовершенствование.

Знает, да думает, что очень-очень немногим из скучных мыслителей достается эта честь!

Согласен, но удовольствие от знания, покойное и ровное удовольствие, что тайны вещественного мира, что нравственно-физические отношения человека ко вселенной постигнуты и светятся в уме — это независимое, это самостоятельное удовольствие, подчас беседой воспламеняемое, должно ли уступать наслаждениям утонченной роскоши? В живости чувствований, согласен, но не в живости представлений.

Auditis? An me ludit amabilis

Insania?

*Horat.*¹³⁹

*18 декабря,
в Тюмени.*

XVIII

Повозка моя шаркнула подле стены Рафайлова монастыря¹⁴⁰, которого верхи и померклые кресты я видел за 16 лет, как проезжал с Урала в Барнаул¹⁴¹. Итак. В эту годину я совершил свой эллипсис по Сибири, описав его к югу через копи серебряные, а к северу через места, содержащие под мерзлым черепом не одну мамонтовую кость, но и кость русскую, зашедшую к морю далече.

Теперь я должен остановиться на письме В.П.¹⁴², в котором, заметив, что не все письма, какие имел я честь писать из Сибири к известным лицам, были вами читаны, вы возлагаете на меня обязанность ответить на ваш вопрос: какая судьба ожидает впереди Сибирь после стольких попечений о ней со стороны благотворного нашего правительства? Достигнет ли она той степени, к какой назначена запасами физических своих богатств и к какой прочие части России на перерыв направляются?

Сомневаясь, чтобы вопросы, в науке государственного хозяйства почерпнутые, могли быть кстати применяемы в такой стране, где населенность в сравнении с пространством земли ничтожна, где, с одной стороны, пустота, а с другой, теснота продажи противятся добрым мерам тройкой промышленности, я тем не менее готов представить в вашу угодность краткое обозрение по главным отделениям.

А. Земледелие, и в тесном, и в пространном смысле взятое, не представляет широких надежд в настоящем географическом состоянии Сибири.

Земледелие, в тесном смысле разумеемое, подлежит естественным бедствиям и другим препятствиям, столь же упорным, как и первые.

Естественные бедствия, южную или иначе лучшую Сибирь расстраивающие, состоят в засухе, в ранних морозах и в повальном скотском падеже, который в двояком значении и орудия, и материи отнимает у пашни вожделенные силы к удобрению. Поражение животного организма свирепствует только в Западной Сибири.

Помянутые препятствия состоят в неведении ученых способов земледелия и в ограниченности расхода на зерно. Ибо могут ли когда-нибудь наставления Экономического и Агрономического обществ сделаться понятными для сибир-

ских земледельцев и, что еще труднее, перейти в их навыки, когда пред глазами их нет практических образцов? Какие при том могут быть побуждения к распространению земледелия, когда по дикому, недружелюбному склонению многоводных рек затрудняется внутреннее перемещение запасов даже между губерниями, рука об руку лежащими; когда с юга прилегают плотядные орды, которые Сибирь давно, но без успеха учит питаться хлебом; и когда пространные моря, полуокружность страны омывающие, не представляют ни одного исхода для хлебных запасов.

Земледелие, в просторном смысле понимаемое, может с меньшим затруднением прийти в надлежащее преуспеяние.

Посев конопляного и льняного семян довольно заметный в Западной Сибири, далее к востоку очень скуден.

Огородничество народное еще не умеет водиться с зеленью, которая дает приправу и приятность скромному столу. Сельдерей, шпинат и пр. гостят только в огородах редких хозяев.

Садоводство, из подражания так здесь называемое, довольствуется рассаживать около домов местные бесплодные деревья и дает наслаждаться в жары одной тенью и дерновым диваном. Вероятно, Сибирь, подвинувшись к югу посредством учреждаемых в степи округов, увидит в садах новых городов деревья плодовые.

Хмелеводство у крестьян в бросовом состоянии. Никто доньше не наставил их способу правильно разводить сию статью, как многозначную в хозяйстве и торге.

Обладание вишней, дико растущей в южных уездах Тобольской губернии, принадлежит по старому заведению ближним деревням, хотя нельзя не видеть, что размножение и сбережение сей плодовой лозы требовало бы лучшего внимания, лучших рук и, может быть, другого установления.

Б. Мануфактурная частная промышленность, исключая казенные металлические, гранильные заводы и Тельминскую фабрику, ни в чем не ознаменовала видных производств, показывая одни как бы пробы.

В царстве животном вырабатываются шерстяные ковры для употребления мещанского, мыло и юфтевые кожи¹⁴³ на азиатскую руку, но разборчивый сибиряк носит и башмак, и сапог из привозных кож русского дела. По такой скудости можно судить, сколь многих заведений в кожевенных стать-

ях должна желать Сибирь, где кожи разных животных могли бы служить обильными добычами для передельного искусства. За 25 лет был положен сему искусству хороший начин в окрестности Тобольска, но силой обстоятельств (будь то сказано для истории искусства) дело разрушено до основания.

Одни, может быть, заведения сего рода и имели бы обширный расход. При дешевом пропитании мастеровых, при сходной покупке кож из первых рук можно было предполагать, что в сем деле Сибирь скоро стала бы соперничать с Россией.

В царстве растительном писчая бумага низших доброт выделывается в достаточном количестве. Остячки обские готовят для себя из крапивы порядочную холстину, а с исетских кросен свиваются трубки тонких холстов; от сих простонародных изделий можно взойти выше с вопросом, для чего бы капиталистам не подумать о заведениях для разных полотен?

В царстве ископаемом частью пользуются мамонтовой костью Якутск, Енисейск и Самоедь. Также начинают делать фаянс и даже, если можно причислять изделия шадринские к сибирским, фарфор, которого основа лет за 50 указана была академиками¹⁴⁴ по челябинским восточным покатосям Урала. Но шадринский фарфор по некрасивым формам, по неживости глазури, по толщине теста и по сплошной позолоте есть прямо сибирский.

Нет сомнения, что многое можно бы завести в Сибири, но где предприимчивые капиталисты, где мастера, где мастеровые и где, говоря короче, капитал и искусство? Когда же водворятся искусство и деятельность, не будут ли опять спрашивать, где место для продажи?

Если всмотреться ближе в надобности и недостатки Сибири, нельзя не встретиться с неизбежным замечанием, что настоящее шествие сибирской промышленности далеко не в смежном с мануфактурами расположении, но еще в состоянии промежуточном, в котором настоит общая нужда в цеховых мастерствах. *Nic labor, hic opus*¹⁴⁵. Представьте себе, какие груды мягкой рухляди вывозятся из Сибири, и никто еще не решился здесь выделывать и составлять мехов, так что тобольский купец, какой бы ни отправлял торг пышными товарами, должен выписывать себе мех сибирский из Москвы. Какое изобилие в рыбе всякого рода, но уметь солить ее совсем не наше дело. Мы начинаем только

выходить из лесов, но на случай прогулки покупаем трости и тросточки московские. Берега многих озер завалены гусиными перьями, но перо, которым теперь пишу, заваривалось где-то в России. Ишимский уезд снабжает излишками своего сала финский или архангельский порт, но свечу, при которой читаю в Тобольске, заблаговременно выписываю из-за Урала. Какое множество подобных статей, которыми можно укорять Сибирь в беспечной ее *нерукодельности!*

В. Из сих усмотрений легко заключить, между кем и кем посредничает сибирская торговля и в чьи руки переносит плоды своих трудов. Прикажете ли пояснить?

Внутренняя городская торговля в удовлетворение издерживателей ищет приличных товаров на двух государственных ярмарках и в Москве; она *щечится*¹⁴⁶ некоторыми изделиями с Линии и с *Кяхты*¹⁴⁷. Таким образом, торговля сия, посредствуя между сибиряками и русскими мануфактурами, не меньше обслуживает и рукоделиям бухарским и китайским. Она не обширна по небольшому количеству покупателей, из числа которых надобно еще выключить инородцев и почти всех крестьян, одевающихся и питающихся от своих рук в годы оскудения. Она стала медленно в своих оборотах и от того частью, что сами продавцы едва ли не затрудняют движение ее накладкой несообразных процентов. Сумма оборота редко у них выручается даже в годовой срок, как, напротив, при умеренности процентов, соблюдая, впрочем, те же обстоятельства, она могла бы три раза очищаться в году, по крайней мере, на некоторых статьях. Желательно, чтобы силы, какими обыкновенно оживляется внутренняя торговля, успели отвратить неблагоприятное влияние стекающихся помех.

Внешняя торговля, пользуясь на границе правом обмена не в важных итогах, сосредоточивает в одной Кяхте главные отпуска, собираемые не только по Сибири, но и частью в России. Привоз на Кяхту изделий русских превосходнее против привоза сибирских точно так, как привоз произведений в сыром виде значительнее со стороны Сибири против России. Посему заведения русские больше участвуют в торговле китайской, чем сибирские; больше участвуют в ней инородцы, как ловчие, нежели крестьяне. Но чтобы узнать, какими прибылями, в какие годы купечество пользовалось от торговли с Китаем и каким переворотам она под-

вергалась от начала до 1814 года, я смею указать для прочтения одно из моих писем от 10 июня того года.

Сколь ни кратка предлагаемая статья, нетрудно, однако ж, усмотреть прочеркнутых в ней путей, по которым массы товаров движутся из разных точек севера и с запада к пограничному селению Маймачинам, как и обратно; следственно, торговля наша с Китаем в окончательном выводе благотворна вообще для Сибири ценами за провозы чрез великие расстояния. Короче сказать, сибирская торговля — и внутренняя, и внешняя — по недостатку собственных фабрик и по недалекому перемещению груд товарных есть прямая транзитная торговля, и вот подлинное имя. Имя сие тем с большей справедливостью прилично ей, чем меньше она повелевает ценами по своему соображению и чем больше покоряется требованиям.

Описав сибирскую деятельность в оказательствах тройкой промышленности, я предчувствую по ошупи понятий, что вы будете любопытны знать: 1) в какой ответственности к производным силам народного богатства роскошь в Сибири развернулась и 2) в каких степенях образования идут умственные способности азиатцев-русских?

Очень просто можно отвечать на первый вопрос, что крестьяне живут не свыше прибытков, получаемых от своих промыслов, и, следственно по различию кряжей земли; иные едва имеют насущный хлеб, иные же подражанием городской жизни далеко выходят за межу деревенского щегольства. Купечество, по большей части перенимая образ жизни в Москве, расточает себя в нарядах, мебелиях, экипажах, угощениях; и вот причина, что в немногих домах образовались капиталы, несмотря на 15-летние щедроты яхтинской торговли. Чиновники, дабы не уронить народного почтения к их чинам и должностям, хотят жить, как помещики, и держать ворота настежь, но земли, ими владеемые, лежат в цветочных горшках. Пожалейте, что страна, худо возделанная, не мануфактурная, не всегда могущая выгодно торговать, рано начала жить. Не примерами роскоши образуются народы.

Второй вопрос об уме сибирском можно отложить до завтра, до послезавтра; этот мало пахучий букет холодного климата, надеюсь, не выдохнется.

23 декабря,

в Рафайловой слободе.

XIX

Я люблю начинать свысока там, где хочется привлечь внимание к рассказу. Простите методе.

Когда художник конной статуи Петра Великого¹⁴⁸ хотел изобрести достойное изваяние, в чем трудность урока принадлежала ему? Конечно, не в лавровом венке, не в подножии, не в балюстраде, но в царствующем идеале головы, и не в идеале, а в подражании душе великой, которая бы выражалась и в державном мании руки, и во всей державной осанке тела. Жизнь души, все превозмогающей, над всем торжествующей и повелевающей даже с вершины утеса, вот первоначальный эскиз, которым завладел художник, и который пытался он оживить то карандашом, то гипсом, то пробной отливкой; вот в чем задача, а все прочее подчинялось первенствующему образованию. Так превосходное изваяние восприяло свое бессмертие от руки художника! Так Россия с Европой увидели Петра Великого на уподобительной высоте после того, как она видела его на высоте истинной!

Прибавьте к тому, что и сам преобразователь России в творческом рисунке поступал не иначе, как подражатель его художник, ибо, стремившись образовать народ, он начал с головы, а не с подножия, начал Академией наук и посылал в чужие края молодых дворян учиться прямым знаниям.

Так ли поступают сибиряки в своем образовании, как поступали художник России и художник изваяния — вот вопрос, который вы сами изволите решить из последующего, а мой урок в объяснении подлежащей материи не будет так труден, как урок Гельвеция¹⁴⁹, когда он излагал наименования ума под многообразными титулами являющегося в образованном обществе. Ум сибирский может быть замечаем в трех явлениях: как природный рас судок, как способность подражательная и как склонность к словесности.

Способность обсуживать вещи заметна не только у городских сословий, но и у деревенских жителей как в делах торговли и промыслов, так и вообще в житейских отправлениях. Приписывать надобно сию готовность не меньше и удобству физического существования, так как оно в

самом деле не теснит мозга и дает свободу созерцанию без труда обнимать дела текущие. Самая умеренность, с какой лучшее сибирское купечество предается замыслам по торговле, и самая твердость, с какой оно встречает непредвиденные утраты, не доказывают ли присутствие благоразумия? Я знаю, что благоразумие есть только доброе казначейство собранных капиталов, что оно не есть быстрое орудие, которым приводят в движение большие торговые предприятия страны, но я ничего другого и не предлагаю, кроме того усмотрения, что добрый смысл есть удел трудолюбивых сословий Сибири. Есть причина думать, что известная холодность, в которой укоряют сибиряков, медленная подвижность и не текучесть разговора играют свою роль в обстоятельствах стоической твердости, но на сей раз я не заведу спора.

Действие ума является шире и разнообразнее в классе чиновном. На поприсе службы замечают знание, искусство и исполнительность. В обращении нарядном видят общую вежливость, умение молча важничать, приличие в наружности и все приятности внешней образованности; в обращении обыкновенном слышат плодovitую пересказчивость дел губернских или городской хроники, и с тем вместе суждения по своему вкусу; в обращении полунарядном видят веселость не всегда с бережливостью, чувство смешанного, мимику странностей и, может быть, подчас злословие — это любимое дитя общежития, без которого беседа часто походила бы на школу Пифагорову¹⁵⁰, но посыпают ли солью пересмешливость, чтоб не чувствовать в разговоре кислоты, слышат ли там другой язык, кроме языка личных отношений, умеют ли с щутливой искренностью говорить про та-бара, я предоставляю решение любителям совокупного препровождения времени. Если нет у нас домов или часов для гостиного чтения, то в замену того можно найти по губернским городам такие дома, где занимаются минералогическими собраниями и даже минц-кабинетами, ни слова о намерениях. Что сказать о картах, по всей Сибири введенных для укорачивания времени, о картах в такой стране, где от соседей ее — Китая и Бухарии — столько же мало занимательных известий, как с соседственных кладбищ, и где, между тем, сутки состоят из 24 часов как в

лучшем университете? По чести надобно сознаться, что карты — необходимые друзья сибирских вечеров; ведь не всем **плясать**, ведь ненадолго достанет 1001 ночи, ведь всякий навык, даже умный, сменяется отдыхом.

Среди толь свежих успехов общежительной образованности вы, надеюсь, не меньше порадуетесь повременным и поместным просвечиваниям ума, **похожим** на вечерние освещения, какие в Сибири видимы бывают по краям неба во время **жатвы**. Вы догадываетесь, что я перехожу к мелькающим явлениям словесности. Лет за 35 несколько приезжих соревнователей упражнений в словесности вздумали в Тобольске *превращать Иртыш в Иппокрену*¹⁵¹, хотя усилие сие по перемене в обстоятельствах участвовавших лиц не могло быть долго поддержано; издание испытало собственный жребий превращений. Недавно также заезжий любитель умного препровождения времени хотел в Красноярске учредить *Беседу*¹⁵²; голос его, сперва громко повторившийся среди тамошних гор, исчез впоследствии, как исчезает голос человека в пустыне. Должно **ли** из того заключать, что умная проза и черты фантазии никогда не потекут с пера туземного?

Нет, успехи в словесности, как и в науках, принадлежат условиям порядка, принадлежат принятым в общежитии понятиям и сильному почувствованию необходимости в сих успехах. Какая, напротив, необходимость в приобретениях умственных сибиряку в настоящее время, когда он видит приезжающих **из-за Урала** без ведения же о науках.

Несмотря на подобные препятства, я заметил повсюду — от Тобольска до Иркутска, — что способность к словесности уже выражает себя в различных положениях; она иногда трогает душу с священной кафедры, в статском слоге похваляется за изложение! и чистоту языка, в историческом роде издавна ведет летописи поместные, в поэзии делает разные попытки, хотя и таится с произведениями от публичного сведения. Я слышал несколько мелких стихотворений, читал в стихах предложение Геснерова *Авеля*¹⁵³, читал трагедию *Зарену*¹⁵⁴, читал описание красивых окрестностей Красноярска¹⁵⁵ и припоминал драму «Ермак», за 50 лет не без достоинств **написанную***, я, не могу запретить себе ту гордость, чтобы не сказать с Горацием:

* Священником Л. А. Флоровским.

*Nil intentatum nostri liquêre poëtae*¹⁵⁶.

Я знаю, что для казистых успехов в словесности требуется чувствительность души, способность к восторгу, углубление в теории изящного, вкус и, следовательно, товарищество, а всего того в Сибири еще нет; но нельзя не видеть, что заботливость об образовании головы начинает больше или меньше оттениваться. Образованные люди, недавно исправлявшие звания учителей, и небольшое племя молодых людей, учившихся в губернских гимназиях, очевидно, способствуют к правильности и ясности гражданского письмоводства, украшая, притом, свои связи небывалыми познаниями. Даже волостное письмоводство по Западной Сибири есть плод уездных училищ. Между тем в залог просвещения не перестает расти скромное семейство наставников, почитающих за честь своего звания посвящать досуги наукам. Они, таясь в уединении гимназий, естественно, не представляют видных лиц и потому уже, что при тихих вечерних лампах у них не отсвечивается посторонних фигур, чрез которые бы лучи беседы преломлялись в общество, но когда-нибудь эти лучи составят приятный, не ослепительный светильник.

Когда ж эти отдельные лучи, ныне как бы поглощающиеся от рассеяния, составят вожделенный светильник для целой Сибири? Когда чувствительность души сольется со способностями мышления, когда восторг, электрический поток потечет по всему существу сибиряка, когда язык, цветущий знаниями, освежит и украсит наши разговоры? В то время, как я вечером повторял в мыслях подобные вопросы, блудящие огни, которые над оградой монастырской по временам чертили атмосферу по линии отвесной, делали какую-то гармонию с перебором моих мыслей.

П.П.¹⁵⁷ Вчера кончив письмо, я сегодня пошел помолиться в монастыре, спешил оттуда зайти на открытое место, с которого, как сказывали крестьяне и как прежде я неоднократно слышал, рафайловские окрестности представляются в одной пленительной картине, где поворачивающийся глаз совокупляет реку, группы березников, поля зеленеющие, выставляющиеся деревни и семь деревенских церквей. Я оборачивался туда и сюда, но в

зимнем ландшафте, покрытом как белой холстиной, видел призраки селений и одну повсеместную белизну снега. Так мало расстояние между декабрем и маем, и я не мог усмотреть вожделенной, очаровательной картины; можно ли после сего удивляться, если я не берусь предсказывать, скоро ли отдельные лучи просвещения совокупятся в тихий, озаряющий пламенник для целой отчизны моей?

*Там же,
27 декабря.*

XX

Решаясь нечто сказать о воспитании сибирском, я должен предварить вас, что плюмаж и белое перо с **витком**¹⁵⁸ составляют верх желаний в общем мнении страны. Хорошо так думать, если бы думали и заранее к тому приготавливали детей. Дворяне-отцы, почтившие Сибирь давним пребыванием, обыкновенно устремляли свое внимание, как и зрение, на внешние украшения головы своих сыновей, из чего и выходило, что здешнее дворянское воспитание довольствовалось образованием фигуры. Воспитание высшего купечества, которое ставит себе в единственную честь стяжание капитала, продолжает покупаться на медные деньги сверх физического питания.

Для чего не отсылают детей в лицей, в корпус, в коммерческую академию? Ожидают, пока подрастут, а материнское чувство смиряет, когда вырастут из всех мер. Для чего же заранее не хотят детей учить первым основаниям в уездных училищах, в губернских гимназиях? Есть причины уважительные: чтобы сын простолюдина локтем не задел знаменитую или разнеженную отрасль, чтобы простонародным соседством он не унижил присутствия породы или богатства. Итак, вы, к сожалению, предвидите, что дети привилегированных счастьем родителей со временем могут представляться в новой комедии двойного *недоросля*¹⁵⁹, если будет новый Фонвизин. Но, к счастью, число их так мало, что можно пройти мимо их в покойном молчании.

Почтенные чиновники, подвигами службы приобретшие свои титула, благомыслящие купцы, попечительные мещане

и низшие городские состояния в последние годы начали считать публичные учебные заведения приличными местами для образования своих детей. Некоторым образом участвуя в наблюдении сибирских училищ, я не могу отзываться о них с похвалой, без нарушения приличия и без присвоения чести, но чувством справедливости увлекаюсь удостоверить вас на открытом суде всей Сибири, что лет за десять против настоящего числа учащихся училось публично не больше третьей части.

Другое обстоятельство, которое поставляю в вашем виду, есть выгода не совсем общая, что две дирекции училищ — тобольская и иркутская — владеют собственными капиталами, которых проценты по распоряжению начальства употребляются частью на содержание благородных воспитанников, или на возвышение учительских окладов и частью на дальнейшее приращение самих капиталов. Я означу на особом листе обращающиеся в ломбарде капиталы.

Доныне вы все почти, живущие по западную сторону Урала, принимали в свои счета одни произведения Сибири: ее металлы, ее мраморы и яшмы, ее аметисты и бериллы, ее промены на Кяхте, ее соболей и бобров. Допустите в ваши счета хотя на сей раз наши надежды просвещения и взгляните на подносимую табель.

*31 декабря,
в Тобольске.*

Табель сибирских учебных заведений с означением числа учащихся и собственных капиталов в 1826 году

Число дирекций	Названия учебных заведений	Число учащихся к концу года	Капиталы в ломбарде безразделения
	Иркутская гимназия	39	
	<i>Уездные училища:</i>		
	Иркутское	113	
	Киренское	16	
	Якушское	51	
	Нижнеудинское	15	
	Троицкосавское	71	
	Верхнеудинское	42	
	Нерчинское	57	
	<i>Приходские училища:</i>		
	Иркутское в 2 отделениях	160	
	Тункинское	20	
	Киренское	13	
	Онинское	13	
	Селенгинское	10	
	Всего по Д. Иркутской	620	122947
	<i>Уездные училища:</i>		
	Томское	87	
	Красноярское	70	
	Енисейское	69	
	Кузнецкое	44	
	Каинское	48	
	Всего по Д. Томской	318	32100
	Тобольская гимназия	42	
	<i>Уездные училища:</i>		
	Тобольское	120	
	Березовское	35	
	Туринское	21	
	Тюменское	84	
	Ялуторовское	50	
	Курганское	67	
	Тарское	52	
	Ишимское	32	
	<i>Приходские училища:</i>		
	в Тобольске два	92	
	Туринское	21	
	Тюменское	42	
	Всего по Д. Тобольской	650	76000
	Всего по 3 дирекциям	1588	231047

Примечание. Число учащихся здесь показано самое меньшее, потому что к концу года по причине холодной погоды многие из детей расстаются с училищами, а чтобы знать самое большее число их в году, надобно приложить 4-ю часть к показанному.

Предуведомление

Через несколько страниц сей книжки увидят побуждение, заставившее описать *Прогулки вокруг Тобольска*. Повторю и здесь, что мне хотелось показать Тобольск с окрестностями во всех возможных для меня отношениях не для того, что он поставлен Сибирским Учреждением во главу Западной Сибири¹, а для того, что в нем я первоначально учился латинской грамматике и риторике². Давние впечатления и ныне отсвечивают в моих припоминаниях, и чтобы навсегда сдать с души, я перевил их идеями настоящей жизни, и сию перевязь чувств и усмотрений, с прибавкою сведений местных, выношу без притязания не в виде гирлянды, невозможной в моем возрасте.

Изобразив почву и населенность города с окрестностями, пересмотрев итоги народной промышленности по губернии, обозначив также степень настоящих искусств, род забав и прививку гражданственности, я все сие исполнил в таких формах, какие отлились под пером медленным. Узоры природы, сцены общежития и высокие качества достопамятных мужей требовали бы красок, но кисть старая, что за кисть? В статьях ученых мне помогали молодые знающие сибиряки, прежние мои сослуживцы по части учебной.

Конечно, не раз уже видели Сибирь знаменитые академики³, да все ли видели? Держась в пределах естественной истории и наук и притом в исследованиях своих всегда склоняясь к югу страны, они не имели досуга взглянуть как на микроскопические подробности, так и на самую флору Тобольска. Недавно Г. Спасский⁴, носившийся с гробовым карандашом Антиквария, передал нам, кроме древних снимков, впрочем, не одобренных самолюбивым Клапротом⁵, много драгоценных сведений, но, говоря обо всем, что дохо-

дило до его рук, дабы наполнить «Сибирский Вестник»⁶, бытием своим ему одному одолженный, он не думал заниматься городом нашим и тем меньше окрестностями. В июле 1829 года мы имели честь видеть у нас славного Гумбольдта⁷, сего дипломата больших физических проблем, сего Зороастра⁸, которого дух носился над водою и сушею обоих полушарий; и мы со вниманием прислушиваемся, что он в Европе произнесет о сотворении Сибири и о невесомых силах, в Тобольске им допрошенных.

Идучи позади толь важных ученых, я бы сам себе не простил смелости подумать втереться в их средину. Что же я делаю? Позади их подбираю остальные или подросшие колосья и небольшой свой сноп хочу украдкой положить в большую скирду сведений о Сибири.

Петр Словцов.

В Тобольске, 16 генваря 1831 года.

I Разговор с Маскою

В один вечер на Святках, когда лучшие существа благородного имени веселились в собрании танцами и картами, когда граждане почетные со своими семьями забавлялись в приятельских кружках то конфектами, то вареньями и под шумом фортепиан стучали на подносах рюмками, когда люди небогатого состояния собирались в кому-нибудь пощелкать кедровых орехов после чаю и поиграть в жмурки, неожиданно входит ко мне странная Маска* и обращает на себя все внимание. Второпях я уронил стекло, с которым рассматривал иркутский травник, недавно присланный от г. Щукина⁹, и нехотя просил Маску пожаловать присесть.

(Наряд ее походил на костюм египетского жреца, потому что фигура прикрывалась сверх льняного хитона¹⁰ белую полотняною же далматикой¹¹ с широкими рукавами и с мелкими египетскими складками, а на голове, увенчанной шафранными цветками акации, изображалась хищная птица, как у самого Озириса¹². Лицо сквозь тонкую благовидную лайку¹³ дышало важностью, чему соответствовал и посох, гiероглифами украшенный, с надглавием систра¹⁴).

Маска (*садясь*): Обтекая города всех стран и времен, я обозрел этим вечером классы предполярного общежития и заметил инде грубые веселости, одно сладострастие возбуждающие, инде бесконечные жалобы о убыточных промыслах и променах, а тут видел чудесных мыслителей, от четырех стран света около столиков заседающих, мыслителей, в пифагорейской задумчивости¹⁵ в полтона изрекающих шесть, пасс и опять углубляющихся всею головою в

* В Тобольске есть веселое обыкновение наряжаться на Святках до Крещенского сочельника в маскированные костюмы, прохаживаться с фонарями по улицам или ездить в шутливых нарядах и входить в дома, где им не препятствуют.

лакированные **листки**¹⁶, как в фигуры дандерахского зодиака¹⁷. Далее ж видел представителей цветущей юности, под звуками стройной музыки отчаянно вьющихся с красивыми изваяниями, из которых иные достойны бы спорить по своим чертам с Грацией, как бы сказать.

Х. (*подхватывает*): С Грацией Корреджиевой¹⁸! Ваш мир не знал ее. Он также не знал ни балов, ни концертов, двух изобретений, впрочем, развившихся из подражания пляскам ваших же мистических процессий и хорам эллинской драмы¹⁹.

М.: Но мое обвинение важнее. Сличая ваши игрища, я спрашивал сам себя: в христианской ли стране нахожусь? Если в христианской, то так ли надобно провожать время, обреченное великому воспоминанию, воплощению Геня истины²⁰? С такою свободою приличнее бы отправлять праздник солнца или праздник одного из коморов, но и сии дни в старину праздновались степеннее.

Х.: Что вы говорите, странствующий жрец? Если вы давно живете в нашем грешном мире, то уж ли не научились знать, что люди, в сущности, всегда веселились одинаково?

М.: Правда. Я слышал от Ноя, как люди до потопа и после потопа ели, пили и вставали плясать, но разве удовольствия, неоднократно отмщенные то в лице всего шара, то в лице целых народов, должны считаться безопасными правами на подражание в последующих поколениях?

Х.: И вы не хотите согласиться, что мы любим слушать правила, историей и нравоучением напоминаемые, а жить, как будто бы ничего не слышали. Мы течем в потоке времени.

М.: Времени! Время есть оттенок собственных действий человека, так может ли он оправдываться произвольною переменчивостью собственной меры, тенью самого себя?

Х.: Люди погрешают и раскаиваются, опять погрешают и опять раскаиваются. Как же быть иначе?

М.: А приговор, на бесплодную смоковницу изреченный в вашей книге Вечного Слова²¹? Сожаление без плодов не той же ли участью угрожается?

Х.: Кто не чувствует, как это истинно и как грозно! Но наперед с чего Маска Гелиопольская²² говорит в духе нашего просвещения?

М.: По такому же праву, по какому потомок Пеласгов²³ говорит иначе в веке Агамемнона²⁴, иначе при Перикле²⁵,

иначе в веке Златоуста²⁶. Бессмертный того света равномерно восходит выше и выше к истине, к свету.

Ж.: Доволен, таковы и мои чаяния! Но если вы решаетесь настоять на безусловную строгость в удовольствиях, я принужден буду пожелать, чтобы наперед остудили кровь племени человеческого по условиям термометра.

М.: Как будто бы дух, истина и живот выискивает себе бессильных, изможденных! Напротив, мужи в полном смысле, мужи терпения и лишения — вот любимцы истины. Оставляя вещество в своей полноте, надобно возвышать душу на столько степеней, чтобы на ее высоте исчезали все деления кипения вещественного, все разности темперамента и возраста. Тиверий старый и Гелиогабал молодой при различной сумме крови были одинаковые мерзавцы²⁷. В Нероне и Тите, хотя оба были цветущего возраста, Рим видел и чудовище, и утеху человечества²⁸.

Ж.: Охотно бы согласился с вами, что не пульс, а дух располагает человека к правильности или неправильности, если б я не опасался странных последствий сходства в духе между юродивым и Кантом²⁹. Ибо природный дурак да глубокий мыслитель живут без греха. (При этих словах Маска сделала воспретительное движение своим посохом). Изъясните ж теперь, когда вы недовольны родом наших веселостей, чем бы думали заменить их?

М.: Уверены ли вы в важном влиянии, какое делают народные увеселения на характер общий? А чтобы уверенность сего рода возвесть в положительную достоверность, выслушайте наперед разницу в означенных забав народных.

Египет вместо площадных забав занимался священными ходами; и древний египтянин был покоен, послушен, возвращен в себя и привязан к закону и семейству. Греция предавалась олимпийским, истмийским и подобным позорищам³⁰, производившим раздражительность в нервном и умственном сплетении; и грек, выходит, смел, остроумен, непостоянен, сварлив и легкомыслен. Рим забавлялся боем африканских зверей; и римлянину надлежало быть важным, повелительным и бесстрашным, пока он не слышал Нероновой скрипки³¹ и не прельщался сценическими скоморохами. Подобными приметами различаются и народы, на гробах их водворившиеся.

Ж.: Я бы сказал только то, что характер народов сам и изобретает свойственные потехи.

М.: Первоначальные — так, пока народ не на марше соревнования соседственного или образованности. Для чего турниры, после круга рыцарского, утратили свою прелесть? Для чего, говоря ближе, облавы ваших **Мономахов**³², ваши горы и качели, отуманивающие голову дурью, превращаются из забав в зрелища холодные? Для того, что ваш Петр Великий искал знаний и правосудия среди подданных и указательным пальцем стучал в их черепа. Забавы народные изменяются от направления, от переворота в нравах или от толчка умственного. Пускай же пользуются и прививают забавы умные, подобно как политика Августова с намерением делала забавы из маневров **водоходных**³³.

Х.: Дайте ж ключ к увеселениям, которые бы, в вашем мнении, были достойны политических обществ.

М.: Вопрос, к решению трудный, в настоящем порядке общежитий, помещенных на имени без заслуги, на тщеславии без достоинств и на удовольствиях без прав! Однако ж, если надобно согласиться в необходимости народных развлечений, надобно и терпеть старые болезни, которые не чересчур поражают, и целить одно излишество. Рассмотрите двух харит³⁴ вашего края, в каком расположении они возвращаются с блестящего **бального** вечера. Одна — с той же печатью сердца, с теми же чистыми **блондами**³⁵ помышлений, как бы после прогулки в саду; что ж тут недоброго? Другая — с колеблющимися на груди розами, с перевернутым, может быть, медальоном, с разноцветным в голове **райком**³⁶ и бросается под занавес, чтобы предаться нежным грезам и с ними же проснуться, подобно прелестной мученице Мейсмерова **магнетизма**³⁷; что ж тут доброго?

Х.: Не знаю, походит ли это на первоначальный ваш окрик?

М.: Если говорить крупнее, следовало бы одобрять для обществ те только забавы; которые, сверх здоровья и светской вежливости, содействуют развитию умственно-нравственной жизни. Решите ж молча в своем уме: видал ли кто в Европе виртуоза-музыканта, виртуоза-певца и мастерского танцовщика, который бы из них в прочих требованиях общественных не походил на свой инструмент, на свое эхо или на свои ноги?

Х.: Стало, вы одобряете одни театры?

М.: Готов бы, если бы они, трогая чувство, возвышали душу или делали сердце светлее и счастливее. Драма трагическая, не

говоря уже о изящной и столь же холодной, как *Petit Carême* **Массильенов**³⁸, драма сия должна бы перестать выходить из-за кулис, если бы **Шиллер**³⁹ из идеи зла нравственно-политического не создал идеалов великих сцен. Теперь она стоит на распутье, как брошенный древний Сфинкс, которого и смысл перестали, наконец, отгадывать. А драма комическая не одна ли пластика платимой труппы? Что тут увидишь и услышишь, если не то же, что и в светских приятных обществах? Равномерно романы упали с высоты, на которую вознес их Ричардзон⁴⁰, гравировав обдуманнные характеры так живописно и так подлинно, что читатель настоящего столетия мечтает в печали отыскивать их в тех улицах, в тех домах, где над добродушными помышлениями, над страданиями невинности издевался ужасный ум **Ловеласа**⁴¹. Ваши ж романы походят на китайские представления, где конец может быть началом и начало концом; в них все ежедневное служит вечной материей под именем народности, и поэт выдает пошлую быль и не лучшую небылицу за подарки музыки народной, уж подлинно народной! Вообще, накидывая полотно на имена, подвижность и переходчивость вкусов, довольно свидетельствует, что забавы живых народов европейских или не сысканы, или затеряны.

Х.: Затеряны! Статься может, потому, что история не все умеет постигать. Намекните ж!

М.: Да! Затеряны те, которые содержатся в двух свитках природы и богослужения.

Х.: Вы все говорите в своем сани.

М.: Для того, что народы всеми благами и самую даже образованностию обязаны этому благословенному сану. Знаете ли, отчего Рим, Нестор древнего **мира**⁴², образовался чрез патрициев? Именно оттого, что патриции священствовали; следственно, огонь просвещения, просвещения не всегда чистого, везде зажигался на алтарях.

Х.: Последнее так, но в рассуждении двух помянутых свитков голова у меня идет кругом. Нам ли, холодным и незаренным сибирякам, мыкаться за такими выпренными утратами? У вас, говорят, был какой-то Трисмегист⁴³, который из Египта сделал другое небо и научил жриц в плясках подражать движениям планет Солнечной системы. Где же нам верстаться с вами?

М. (с заметным одушевлением): Даже невинная шутка была бы преступна в духе теперешнего разговора. Именно:

натура и Бог, необъятное творение и **неизглаголаный** Творец, как Отец духовной утечи, они одни достойны быть утешою для их посредника — человека. Сказать ли вам, что отрывки из помянутых свитков ходили по рукам на Востоке и Западе в недалних веках, в веках средних, которые у ваших светил считаются темными.

Ж.: Не прошла ли пора духу таинственности?

М.: Она и еще придет. **Фонтенели**, **Шатобрианы**⁴⁴ и другие подобные мудрецы вовсе не мистики, но они при всем кичении своего ума и красноречия не могли надивиться прозрению в тайны сердца, прозрению в человека и глубоко-мыслию одной книги XIV века, книги о *Подражании Христу*. Скажу вам и то, что в фолиантах Восточной церкви есть чему научиться. Купина горела внутри и **вне**⁴⁵, в пустыне и в пустыннике.

Ж.: Но купина и подобные таинственности погасли вместе с потухшими веками. Человечество ныне носит пред собой другие светильники.

М.: И вы любуетесь своими светильниками, как зрители искусственного освещения, и не чувствуете, что в то же время отвсюда облегает вас мгла глубокая. Кто вам сказал, что в грядущих веках те истины, которые искони первенствовали, будто бы померкнут. Человечество, относительно к высшему духовному просвещению, совершает великий эллипс, бывая по временам то в апогее, то в перигее. Ныне вы несетесь к большому **эксцентрицитету**⁴⁶, но и опять будете в перигее подобно тем возвратам, какие случались при Ное, Моисее, Давиде, в благодатное время Евангелия, во время Библейских **обществ**⁴⁷. Верьте, что истины вечные не обветшают не меньше и тому, что совершенные мужи жили и будут жить на земле **не** без радостей.

Ж.: Мы **говорили** о радостях целых обществ, а не лиц совершенных.

М.: Теперь-то мне пора наотрез сказать, что увеселений общественных, если они не восходят к уму и духу, быть не может, кроме двух периодов, когда бы народ находился в состоянии или **равномерно-диком**, или **равномерно-умственным**. Следственно, в настоящем промежутке подлежат забавы избирательные, раздельные по степеням умов и по расположению душ, тем более, что в забавах общественных нет целей.

Х.: Согласен частью в безумышленности наших увеселений, которые таковы, что люди того же класса собираются из навыка и любопытства, веселы ли другие, а другие веселятся, чтоб вовлечь прочих в игру своих ощущений, да тут и все. Согласен, что ультимат беден, ничтожен.

М.: Признайтесь же теперь: не лучше ли тот, кто проводит время с подобными себе в общем чтении, в общей беседе по части знаний естественных, не лучше ли разгадал калейдоскоп светскости?

Х.: Для чего вы знания физические предпочитаете философским?

М.: Не предпочитаю, но в смысле разговора о забавах занятие физических наук ближе подходит к замене тех забав, которых я не жалу. Любитель сих знаний есть торжествующий жрец природы; на великолепном алтаре он непрестанно приносит всеожжение умственных даров, дабы прозреть в ее таинства.

Х.: Прекрасно, только я не люблю ни зоологии, ни минералогии; для одной надобно бы драться с животными, а для другой жить с молотком, гониометром⁴⁸ и пр., сверх очков неразлучных. Я бы скорее предпочел избрать ботанику себе в подругу, если бы систематическая путаница этой науки и варварская наименовательность не страшили воображения.

М.: Не страшитесь. Я одобряю ваш выбор; сия наука, если только человеку нельзя всегда удержаться на вожденной высоте духа, будет подобием подставки, какая требуется для виноградной лозы. Сия наука притом была и будет хранительницей рода человеческого. Индия, Китай и весь древний мир, обиловавшие населенностью, помогали страждущему человечеству посредством травоведения. Не страшитесь, повторяю, затруднений. В один урок я покажу, как можно науку прозябаний облегчить от варварских имен и от путаницы ваших Линнеев⁴⁹. Я развяжу этот узел через год, в этот же день, в этот же вечер, только с условием, чтобы на столе вашем лежал травник тобольский вдобавок к иркутскому. По наличным растениям сибирской флоры вам удобнее будет сличить древнюю флору здешнего материка в разных эпохах.

Х.: Не с ботаником ли г. Турчаниновым⁵⁰ честь имею беседовать?

М. (*без внимания*): За слово моих обещаний и ответственную своим именем.

Х.: Верно, именем Санхониатона⁵¹?

М.: Санхониатона! (*Повторил с издевкою маскированный собеседник*). Я слышал, продолжает он, о сей стране давно, когда по берегам Ледовитого моря и далее к концу земной оси росли леса папоротников разнообразных. В другую эпоху, я также слышал, росли на равнинах, тем же морем смытых, большие можжевеловые деревья, а на архипелаге новой Сибири — рощи кипарисные. Позже я слышал и о той эпохе, когда земля северного материка, на острова разделенная, продолжала быть теплой и плодородной, и когда около **Колымска** прозябали саговые и финиковые пальмы, а за Обдорском — орешники и кленовые рощи*. Жители сих блаженных островов, не зная условий собственности и межевания, от скуки переплывали с одних островов на другие. Недельные стада их состояли частью из огромных животных, известных у вас по мерзлым трупам мамонтов и **аргалов**⁵² с огромными рогами (*Orhion*). Тысяч за пять лет, под хвостом Медведицы, конец шара потонул и охолодел; предание ж о былом перешло на сушу[†] посредством остальных жителей, бежавших оттуда по хребтам Становому, Яблонному, Богдо и Тубетскому, перешло, говорю, к словенскому народу**, жившему на Гималае*** в соседстве с одним пеласгийским племенем. Сие племя, по своей веселой говорливости любившее мешать басню с истиною, выпустило несвязную сказку о гипербореях⁵³, ваших старожилах. Потом, когда воды **потопные** еще не вобрались в хляби и начинали отплескивать к востоку поперечную намывную косу, называющуюся у вас нагорным берегом Иртыша, морской залив между сей косы и Урала проходил в ответственность Чермному морю, чрез рав-

* Известный Броньяр⁵⁴ в своих эпохах ископаемых растений покамест не противоречит сказанию Маски, если не принимать в счет разности широт.

** Догадка о древности славян и явственном сродстве их языка с самскритским доходит до совершенной достоверности. Я знаю новые подтверждения сверх помещенных в книжке *двух Циципионов*⁵⁵, но, не **выпереживая** изыскателей сей важной задачи, предоставляю им самим огласить плоды ученых поисков с ожидаемою основательностью.

*** Не **Иммаус**⁵⁶ ли древних? В таком случае наш Карамзин, полагающий Иммаус в цепи уральских **отрогов**⁵⁷, был бы не прав.

нину ишимскую, киргизскую и вливался чрез болото Аральское в Каспийское плесо. Тогда Азия была полуостровом и соединялась с Европою одним Кавказским перешейком. Смалчиваю, что в намывной косе и инде есть песчаные пласты с желтыми крупинками, смалчиваю для того, дабы оставить открытие кладов нужде своего времени или чутью геогнозии⁵⁸.

Х.: Откуда все это взято? Вы говорите, как еврейский свиток, вчера отысканный на Арапате.

М.: Я — Трисмегист. (Мгновенно свечи на столе потухли. В комнате сделалось темно, но головной убор Маски и гиероглифический посох запылали ярким светом, на груди ж ее зажглись крупные буквы: Трисмегист).

М.:(Стоя продолжает): Я Гермес Трисмегист. Знай, наконец, что Омир⁵⁹, Солон⁶⁰ и глубокий благородный Пифагор⁶¹ приходили изучаться на моих колоннах, что мои тайноведцы в глазах фараона препирались у Нила с пророком Моисеем⁶², что Зороастр и Шигемоний⁶³ были моими посредственными истолкователями, что Аполлоний Тианский⁶⁴ и Шведенборг⁶⁵ довольно удачно шли по проложенной мною стезе и на деле обнаруживали даяния сил необыкновенных, а я сам был не более, как блудящий огонь в сравнении с Тем, Который в благодатное лето явился близ Элеона⁶⁶ в неизреченном титле: *Аз есмь свет миру*⁶⁷. Слышишь ли?

Очарованный **Х.**, с весельем слушая быстрое сочетание исторического парения, особенно любовался новым фейерверком, горящим на величественной, движущейся фигуре незнакомца. Лучезарная Маска, издавая посредством сгитра трогательный тон и не изменяя принятой важности, оставила хозяина, воспретив ему тронуться с кресел. При тихом мерцании, какое разливалось от луны на полу комнаты, сладостно было продолжать настроенное мечтание и вместе отгадывать: кто это был? Ученый-мизантроп или затейливый христианин во вкусе Экартсгаузена⁶⁸? Если последний, для чего он не сбросил с себя неправославной мантии? О незнакомец! Если бы из-под египетской мантии увидел я воскрилия русского духовного облачения, я бы обнял тебя, как своего праотца, всею душою и принял бы от тебя благословение, как от незабвенного Макария, уклонившегося к подошве **Алтая**⁶⁹.

II Расположение к прогулкам

Думай, кто как хочет, о разговоре и явлении Маски, но магическая сцена не выходила из головы сутки двое, тем более что нельзя было прямо пометить ни на кого, кто бы мог оправдать гелиопольский костюм готовностью и свободой в разговоре небудничном. По рассмотрении, какому был подвергнут разговор, не нашлось в нем ничего оскорбительного для первенствующих истин, ничего соблазнительного для нравов; следственно, скрытый посетитель был не злонамеренный человек. Заметна, конечно, смелость, с какою он присвоил право суда в предметах щекотливых и с какою принял на себя важное полуисторическое **имя***, кажется, для того, чтобы мнением своим дать больше веса, не подвергаясь ответственности; и я прощаю ему смелость, оправдываемую намерением благим, или, может быть, духом времени. Ибо кто ныне, в эпоху желаемого облагонравствования, не выставляет себя и умнее, и совершеннее себя?

Признаться надобно, что я порадовался требованию посетителя, совершенно сходному с желанием, какое у меня **затева-валось** на весну, т.е. чтобы заняться местным травником и окольною статистикой, хотя то и другое не даст лестного понятия о нашем угле. Цель намерения была и остается та же, чтобы для ведения будущего записать населенность и домовитость тобольского околотка и вместе означить время, деятельность и плодородие растительных сил, и тем положить первый окладной брус физического знания о Тобольске.

Нимало не заботясь, явится ли или нет загадочный собеседник в вечеру 31-го декабря 1830 г., и скорее полагая, что

* Гермес Трисмегист представляется у писателей христианской эры слушателем Ноя (auditor Noachi), жрецом, философом и царем. В Египте **многобожном** он считался повествователем древних эпох мира, знатком и описателем звездной тверди, законодателем духовным и политическим, изобретателем музыки и других искусств, и все бесчисленные письмена его были сперва начертаны на камнях или колоннах, а потом перенесены на **папиры**. Критическая история, смекнув, что у греков под именем Меркурия надлежало быть снимку с Гермеса, вывела, что Гермес Трисмегист есть техническое имя уставов, знаний, изобретений и искусств, опытами многих веков нажитых подобно тому, как г. Полевой по неоспоримому соображению **считает**⁷⁰ *Русскую Правду*, приписываемую **Ярославу**⁷¹, слепком накопленной опытности многих веков и разных народов. Том. втор. Истор. Р<усского> Н<арода>, стр. 151.

не явится (потому что невозможно ему исполнить обещания невероятные), я все расположился начать сею же зимою прогулки вокруг Тобольска так, чтобы ось моего кружения, проходя чрез город, вообще была не длиннее 25 верст.

В таком плане окольные деревушки будут лежать на двоякой почве; одни на сухой нагорной, а другие на сырой прибрежной. Последние подразделяются на лежащие: а) по сю сторону Иртыша и б) по ту сторону реки. Селения заиртышные могут без труда быть осмотрены зимою, хотя и лишился бы я выгоды взглянуть на их флору, едва ли в чем отменитую.

Селения прибрежные, расположенные на одной почти плоскости с губернским городом, недалеко от воды подпочвенной, как видно из состояния городских колодцев, в которых вода в самую межень лета стоит от 1 до 3 аршин ниже поверхности. Прибрежные места, как вообще известно, по естественному расположению походят на грецкую губку, всегда влажную, коль скоро они прикасаются к жидкости. Вешняя вода тех хребтов, из которых вытекают Тобол и Иртыш, поспекает в Тобольск к июню, и сия прибыль, так называемая *коренная вода*, наводняет погреба нижней части города. Почва селений сей плоскости болотиста, кочковата, смешана из речного ила или растительного чернозема, а в низшем слое — из глины, она во всех встречах не неспособна к пашне и траворождению. Но в большие водополи, какие бывали на памятях живого поколения в 1784 и 1794 г., все сии селения затоплялись, а скот был спасаем на известных возвышениях. Город, сия куча деревянных домов, тут походил на морскую гавань, когда в гавани корабли бывают раснащены, а экипажи разъезжают на лодках.

Селения нагорные, наравне с верхней частью города лежащие, имеют почву сухую, суглинистую, сверху аршина на 2 проникнутую охрою* и местами тундристую по непросасываемости грунта. Основание сих селений есть нагорный с северо-востока берег, или иначе намывной кряж, на $\frac{1}{4}$ аршина покрытый черноземом, образовавшимся от золы растительной и от оседлости животной. Внутри сего кряжа попадают пласты песчаные.

* Буро-охристый слой виден в обрывах земли, отседающих от своего кряжа и сваливающихся на низ. Везде ли этот слой простирается, не могу решительно сказать.

Вышина нагорного берега в Тобольске — от 25 до 27 саженьей, разумея обыкновенную воду в Иртыше. Эту же вышину с одинаковым грунтом надобно подразумевать около Тобольска, где только говорится о горе или гористом положении.

III Кто заселяет Тобольский уезд?

Сия округа, прикасаясь с северо-запада к 60-градусной широте, вмещает не только русских, но и другие племена, донныне чуждающиеся образованности, как то: *остяков, вогулов, татар и бухарцев*.

Русские, или *сибиряки-старожилы*, не все суть потомки тех удальцов, которые в конце XVI века перешли чрез Урал из Устюга и сопредельных сему городу мест в надежде на торг и промыслы. Главнейшее переселение надобно относить к смутным временам Москвы, когда настояла крайность искать убежища сперва от голода при Борисе Годунове, потом от безнадежности при всеобщей беде, наконец, от укрепления на землях, подтвержденного при Василии Шуйском. Вторичное переселение в Сибирь относится к гонению за крестное сложение перстов и к удалению стрельцов, навлекавших на себя подозрение опасною связью с злоумышленниками. Старообрядство заселило покатоности Урала, Тюмень, Тару и Томск, где обстоятельства требовали рук, а не мнений совести; расселение ж стрельцов, вошедших в состав охранного войска, умножало впоследствии времени природных сибирских казаков, распространившихся до Горбицы, что близ р. Амура, и до устьев Колымы. Есть еще третье переселение днепровских старообрядцев, которые при первом возвращении Белоруссии⁷², в упреждение нового бегства, были переведены на поселение близ Барнаула и за Байкалом.

Первое переселение, теснясь к северу и смешавшись с ордами чрез браки, много потерпело в чертах наружного образования и удерживает благородство славянского происхождения одним почти наречием, которое по всей Сибири есть устюжское или новгородское*. Вторые и третьи переселенцы, наблюдая от-

* Следует заметить, что устюжцы имели важное влияние по всей Сибири на промыслы, язык, обычаи, обряды благочестия, форму церковных храмов и на самые праздники. Празднование св. Прокофию юродивому, что бывает в 8-е июля, введено вместе с ярмаркою везде в Сибири, где только были значительные промыслы. Надобно думать, что устюжская деятель-

дельность своих семей, по вере или гордости звания не смешивали крови с ордами и продолжают сохранять в стане и облике, слегка оттеняемом азиатскою одутлостью, снимок с формы настоящих русских. Взглянув на старообрядца или казака сибирского, вы видите на том и другом отпечаток господствующего поколения, хотя язык и у них устюжский. Да будет ведомо, что сибирские казаки, разделяемые на городовых и пограничных, нигде не говорят другим или малороссийским языком, как иные думают. Должно еще заметить, что одно почти поколение казаков участвует в благодеянии народного образования до возможной степени наравне с детьми чиновников.

Остяки и вогулы суть ли отродья двух племен, или разности одного племени — не могу решить по своим неполным сведениям. Знаю только, что при некотором несходстве наречий последние отличаются от первых большею впалостью глаз, большею **смугловатостью** и растрепанностью волос. Те и другие кротки, послушны, невежественны, как звероловы, христиане по приличию, идолопоклонники по убеждению*.

Роды их поность **приняла** свое направление со времени св. Стефана **Пермского**⁷³, подвизавшегося за дело Божие. Еще в 1815 г. продолжались дела у купцов устюжских в Олекме, Иркутске и Кяхте, но из Западной Сибири они вытеснены местною промышленностью гораздо ранее.

* В довод идолопоклонства можно **привести** испытанную при допросах поверку. Когда виноватых из вогулов или остяков убеждают по христианскому обряду к признанию, редко узнают правду, но когда сведущий следователь вместо духовных увещаний приказывает *рубить топором медвежью лапу*, дело тогда принимает прямой оборот. Виноватые тотчас впадают в некоторый род ужаса и объявляют сущую правду. Несмотря, однако ж, на благоговение к медведю, сии инородцы ловят его и убивают. Время сей добычи бывает праздником, варят брагу, едят мясо, пьют кровь медвежью, напиваются допьяна с помощью **глотанья** дыму табачного и в **заглаждение** своего греха умиляют тень медведя подобною импровизацией:

Медведушко,
 Наш добрый дедушко,
 Ты не погневайся на нас!
 Не сами мы, не для себя,
 По воле русских и для русских
 Твою могучу жизнь тревожим.
 Они дают калены стрелы,
 Они дают и порох, и винтовки,
 Они ж твою мохнатку
 Переворачивают в шубу,
 А мы употребляем
 Твое лишь сальце, кровь, мясо.
 Ну ж, не погневайся на нас,
 Медведушко,
 Наш милостивый дедушко!

степенно вымирают, по ближайшему замечанию, от дороговизны в женитьбе и от крайности истреблять плод любви, дабы удалить от себя последствия стыда и притязания низшего начальства. Надобно бы или упразднить обычай дорогого калыма во уважение **исповедываемого христианства**, или сквозь пальцы смотреть на отпрыски свободные, дабы дерево, затрудняемое в половом сочетании или немилосердно **посекаемое**, вовсе не иссохло на корню, особливо в стране болот и лишений.

Татары, по догадке новых ориенталистов, получили будто бы свое имя от того названия, которое китайцы некогда дали какой-то порубежной орде: *Та-та*. По праву подобного созвучия, для чего бы и сибирякам не вздумать утверждать, что ацтеки мексиканские, племя при реках живущее, суть также **однородцы** с остяками. Но, не увлекаясь однозвучием имен, считаем за приличное спросить: в то время, как Европа начала знать татар, была ли знакома с Китаем и слышала ли до Дегиня⁷⁴ о Та-та, дабы вправе заключать, что название это перенято у китайцев? Не определяя, лучше ли в сем случае соглашаться с Абулгазием, который дает племени татарскому своего тезоименитого родоначальника, мы заметим только **то**, что у сибиряков запросто слывет под именем татар орда, носящая печать кавказского образования из семейства Гобийского по примете скулистых яблок — орда, чувствительная к чести и спеси, склонная к промышленности торговой и к роскоши, говорящая испорченным турецким наречием и **исповедывающая** алкоран. Вероятно, что на местах ее живали вогулы и остяки* прежде утверждения **бухаро-шейбанской Чингисовой отрасли** в Туране, но по летописям позднейшим считаются древними старожилками устьев Иртыша и Тобола татары. Числу их во время **Кучума** надлежало возрасти от переселений из Казани и Астрахани по рассеянии обоих ханств. Впрочем, по нашим приметам, надобно заключить, что и в племени татар нельзя отрицать **уменьшающейся числительности**.

Что касается до сибирских *бухарцев*, которых в одном Тобольском уезде считается до 1309 м. п., они одни из инородцев,

* В подтверждение сего мнения может служить название Подчувашского мыса, что в самом Тобольске над Иртышом. Ибо речение *Подчувашки* значит на остяцком языке селение прибрежное, как недавно узнано мною от ездившего в Обдорск чиновника. Прежде сего я не понимал, отчего наш мыс прозван Подчувашским, потому что чувашей не было видно в **бытиях** сибирской истории.

наверное, умножаются в числе; и если бы рассуждать о предпочтении инородцев по пользам, бухарцы, без сомнения, нашлись бы бесполезнее всех прочих для государства. Они то же у нас, что таджики в Бухарии, в низшей только степени сходства. Выдавая себя давними выходцами, как будто бы нужными для благоденствия Сибири русской, они чрез известные им способы умели донныне исключать себя из соучастия государственных взносов и отправлять торг без гильдейской обязанности, несмотря на Манифест о купечестве, в 1-е генваря 1807 г. изданный, и несмотря на Учреждение Сибирское, в 1822 г. состоявшееся, по которому надлежало войти в то или другое из податных сословий⁷⁵. Итак, живучи в достаточной праздности, с исключительными правами на всякий торг, но без возмездия за покровительство законов, бухарцы, как дорогие гости, не только даром присвоят выгоды купечествования, важную цену приобретаемые, но еще совместничеством как бы шарханым⁷⁶ мешают правильному производству мещанских и купеческих дел. Быть может, даже, что тем из них, которые зашлятся в Сибири, нетрудно исчезать в Бухарию, как частью видно из путешествия бар. Мейендорфа.

Вот соседи и современники, с которыми хотел бы я видаться в нынешнем году, но не знаю, со всеми ли увижусь. Начнем же свое дело с заиртышных деревень и после по некоторой ученой спеси продолжим поездки с запада к востоку, как бы соображаясь в своих прогулках с небесными прогулками планет.

IV **Поездки**

а. В Кугаевское

В этом небольшом селе первым долгом почли мы зайти в каменную церковь и помолиться св. иконам. Храм устлан красивым чугунным полом, а на одной стене вывешена картина Страшного суда с изображением всех мытарств. К стыду нашему, должно согласиться, что грозная кисть материализма едва ли не действительнее кроткого евангельского голоса для многих даже порядочных людей.

Село было бы многочисленнее, если бы не выселялись из него на другие места. Три деревушки, ввиду села разме-

стившиеся, слывут здесь *выселками*. Недостаточные крестьяне снискивают свое продовольствие продажей в городе всех деревенских произведений и дичи, а зажиточные скупают в других деревнях, ниже по Иртышу лежащих, рыболовные пески, задают тем деревням значащие задатки денег и готовят от себя неводы на таком договоре, чтобы при наступлении зимы получить от них свежую рыбу, которую и отправляют по первой зимней дороге в Тобольск и главнейше в Екатеринбург на ярмарку Екатерининскую*.

В доме, в котором грелись мы, потчевали нас брусникою так крупною, что она едва не равняется с клюквой; подобно сему березовские ерши превосходят всех русских ершей несравненною величиною и *икрянностью*. Вот два **отменитые** произведения в нашем Севере! Не мое дело изыскать, почему органическая сила, вообще тут малосильная, превышает себя в немногих исключениях.

Хозяин гостеприимного дома прозывается Гагаринов. Сколько раз случилось мне в Сибири слышать между крестьянами прозвания Головиных, Шереметевых, Голицыных и т.п. Очевидно, что предки их в России принадлежали тем **знатным** фамилиям.

Здесь мы застали двух остяков, приезжавших за хлебом на обмен рыбы. Как лица их тощи и измождены от распространившихся ли острых болезней, или от физических лишений! Смирные и кроткие, эти обитатели ельников всегда мне представляются какими-то сиротами на чужбине. Они сказывали, что и по р. Конде вводится у них пашня и употребление чаю; куда ни поди, тщеславием пахнет и в черной хижине, и в холодной юрте. Заговор свирепых стихий не в силах исторгнуть из человеческого мозга естествен-

* Вот как происходит промысел. Крестьяне, подрядившиеся у рыбопромышленников поставить к зиме со своих вод свежую рыбу, как то: осетров, стерлядей, нельму и пр., ловят ее весною и летом и живую пересаживают в озеро до времени зимней дороги. Озеро, о котором зашла у меня речь, будет в длину с полверсты, а шириною саженой до тридцати. Рыба живет в этом обширном садке до заморозов и тогда ловится в озере на очистку, свежая замораживается и сдается откупщику по условленной цене, например, как ныне договорились за осетра, какой бы он меры ни был, начиная с 5-четвертного (от глаз до хвоста) по 540 к. за пуд и т.д. Замечательно еще то, что если в одно озеро спускается добыча 2 и 3 промышленников, на счет каждого при пересадке различают собственность нарезкою или хвоста, или пера, то бокового, то спинного.

ной самости, неразлучной подруги, какую природа в своей любви наделила всякое дыхание для самохранения. Слушая рассказ остяков и довольно зная кондинскую гражданственность, как не пожалеешь, почему бедная орда, когда начинает чувствовать неудовлетворительность своего быта, и шевелится в плеве своего оцепенения, по какой необходимости она встречает людей не с другим чем, как с папушею⁷⁷ табаку, с кирпичом чаю, с флягой и даже с картами? Для чего не попадаются ей благоразумные руководители, которые бы шаг за шагом показывали ей возможность лучшего обзаводства, хозяйства и умения пользоваться местными произведениями для себя и на продажу?

б. В Савину

Эта деревня, пользуясь полным профилем Тобольска, отделяется от него не одним Иртышом, а еще и старицею (старым протоком реки).

Савина отличается от прочих подгородных деревень своим кожевенным ремеслом, в трех домах введенным в исполнение хозяйства. В доме братьев Мельниковых выделяется до 800 опойков⁷⁸.

в. В Медянки Татарские

Жители сих и прочих подгородных юрт суть троякого состояния: ясачные, казаки* служащие или служивые и известные бухарцы. Самыми бедными обыкновенно бывают ясачные по причине вырубki лесов и упразднившегося с тем вместе звероловства, равно и по малоземелью. Поджаренный ячмень, воз сена, воз дров и т.п. — вот все, с чем едут они на рынок в город и чем приобретают пропитание на неделю. Напротив, бухарцы и отставные казаки занимаются перевозкою кладей и посильным торгом.

Вид города из сих юрт и смежных заостровных, как лежащих с юга прямо Тобольска, представляется истинно живописным. Равномерно и роши юрт заиртышных в глазах самого Тобольска показываются красивыми урочищами общего ландшафта.

* По Сибирскому Учреждению есть в Тобольской губернии татарский казачий полк гражданского ведомства сверх русских казачьих полков, подобно как в губернии Иркутской есть бурятский. Все казачьи полки гражданского начальства должны быть 500-шные.

г. В Медянки Русские

Деревня сия в сравнении с числом своих ревизских душ мала и обстроена хуже, чем Медянки Татарские, частью и потому, что к ней приписаны бездомовые поселенцы, питающиеся услугами в городе.

Хозяйство заключается в пашне, сенокосении, извозничестве, дроворубстве на продажу и в произведениях от скота.

Пашня заключается в посеве ржи яровой и озимой, ячменя, льна, конопли и даже пшеницы, которая не всегда уходит по причине почвы низменной, сырой и, следовательно, холодной. Вообще следует сказать, что не только по околотку, мною описываемому, да и по всему уезду Тобольскому не родятся и не сеются гречиха, просо и полба. Климат не щедрый, но чиновники стекаются на службу в Тобольск из лучших климатов России и Малороссии. Стало, табель о рангах, великодушная покровительница чинов и не всегда достоинств, дает душе чудесную и приманку, и силу идти против всех невыгод климата сурового. Тисните мнение и оттиском его, как рычагом, повелевайте царствам **во** имя человечества.

Масленица

Посещай хотя изредка храм Божий, чтобы слышать, какие глубокие истины, какие великие идеи, какие отечественные события в нем празднуются посменно. Так продолжал говорить старик молодому родственнику, который с ним садился в сани, чтобы прокатиться до Иртышатских юрт, где живет бухарец Ахтыбах, ездивший в последнюю борьбу греков⁷⁹ на поклонение в Мекку⁸⁰.

Посмотрите, перебил спутник, вот еще пятая гора вытянулась в **честь** масленицы! Как затейливо она обложена рядами елок, обвешена разноцветными фонарями, и какое множество катающихся, хотя на дворе и довольно холодно!

В первый день святок, тебе я говорю, молодой человек, мы молились и благодарили Всевышнего на коленях за избавление отечества, церкви и **державы**⁸¹ и пели в сердцах долгоденствие царю, но чувствовал ли ты, что наиболее поражало душу русскую в этот священный час? Внезапный переход от славы вышней к России, от России к престолу ее, от многоле-

тия к вечной памяти, и все это, как подземная река, текло и грохотало в сжатом потоке между яслей бога-человека и гроба помазанника⁸² исторического. Слияние трех неизмеримых идей, трех глубоких чувств было так трогательно, так сильно, что душа русская, казалось, навеки будет оканчивать старый год этим несказанным трио в высоком языке Бетховена.

Сп.: Едва ли продеремся сквозь густые, продольные шеренги катающихся саней.

Ст.: Если б ты когда-нибудь надумался осмотреть промежуток времени от святок до масленицы, ты бы изумился, с какою быстротой здешний житель обоего пола мечется из дурачеств в шалости, чтобы на масленице скатиться к забвению последних существенных понятий. Особенно низшему классу города я не прощаю, что он этот промежуток проводит в плясках с сумерек до рассвета, на вечеринках во вкусе грубого Вакха⁸³.

Сп.: В 8 часов будет маскарад. Не опоздаем ли воротиться?

Ст.: Несмотря на то, что в это время церковь предлагает разные притчи: то корыстолюбца, возвратившегося к чело-веколюбию; то откупщика, исправившегося в прежних пра-вилах; то под именем Фарисея⁸⁴, самохвала-лицемера, полагающегося на свое благоразумие; то пример мота, по уши от веселостей задолжавшего; то будущую картину порока и добродетели, несмотря на все уроки 5 или 7 недель⁸⁵, душа тобольская показывает на масленице плоды самые кислые.

Сп.: Далеко ли до Ахтыбаха?

Ст.: Было бы недалеко, если бы наши мысли следовали по одной дороге.

Сп.: Простите нашим ростаням! Вы уже давно промчались по дороге, на которую я только что вступаю. Я еще не дочитал Дон Кихота, а вы читали Дон Кишота и, верно, забыли Жилблаза⁸⁶. Я люблюсь баснями Крылова так, как вы притчами Соломона, но, будьте великодушны, какую надлежало бы взять невозможную диезу⁸⁷, чтобы согласить 22-летнего сибиряка с премудрым Соломоном?

Старик с досадою почувствовал настойчивость своего разговора и завязал узелок, дабы впредь с молодыми людьми прятать огниво до их сумерек. Холодность продолжалась до приезда в юрты.

Вежливый бухарец порадовал гостей убранством европейской горницы, угощал чаем, урюком, рассказывал о Мекке, о четырех тамошних муфтиях⁸⁸, о проезде вперед чрез Одессу и Стамбул, а обратно чрез Персию и Бухарию. Наконец, когда он не надеялся досказать свое похождение, проводил гостей со всею уклончивостью.

«Видишь, — опять начал напевать старик, — видишь, как всеильно чувство религии, хотя и неправославной. Оно ведет невежу-татарина, ничего не знающего о земном шаре, ни о морях, ни о степях, какие должен будет переплывать водою и сушею, ведет от края Барабы до края Аравийского залива».

Сп.: О кошелек с золотом или платиной! Он ведет, куда хочет невежа, умевший нажить его.

Ст.: Чур, без восторгов малодушных, когда идет дело о том, чтобы уметь понимать, к чему способен человек, напутствуемый верою! Не читай философов-безумцев! Я не благословляю тебе их чтения.

Сп.: Потому ли, что вы сами читали их, или потому, что путешественник меккский читал один алкоран? Да разве новость для меня набожность Ахтыбахова? Разве сибиряки русские не странствуют в Иерусалим? Разве буряты забайкальские не ездят на поклонение к Далай-Ламе⁸⁹?

Ст.: Во всех случаях учись понимать могущество религии.

Сп.: Вы, если смею заметить, стоите не за выбор, а за силу.

Ст.: Ошибаешься, молодой ветреник! Пускай до времени народы, лишь бы не угашали в себе духа, пускай ходят ощупью на поклонение, в противоположных линиях, им попущено благочестивое брожение, я уверен, не без святой воли провидения.

Сп.: Я вижу тут одну пользу, что человечество, не читающее иметь в Ахтыбахах своих Марко-Паолей⁹⁰, своих Кокренев-пешеходов⁹¹.

Ст.: В зеленой голове, как в подсолнечнике, одно кружение, да и только, а в прямом разумении надобно всматриваться в судьбы провидения, постепенно расширяющиеся сквозь заблуждения народов. Ты уже знаешь о средоточиях богослужения, ныне на земном шаре тяготеющих и, без сомнения, не сходных между собою. Казалось бы, что разнородность средоточий ни к чему не ведет, но в прими-

рение разума с истиною надобно привести себе на память множество религиозных средоточий, в древнем мире также тяготивших, как ныне Мекка и Ласса⁹². Не говоря о друидах **целтских**⁹³, о разноместных прорицалищах Греции, господствовали над народами подобные средоточия, в Диосполе, Мерое, Орхое, Екбатане⁹⁴ и в старой Бrame; и все они исчезали, как затей человеческого вымысла.

Сп.: А настоящие центры, Ласса и Мекка, чем лучше?

Ст.: Какая разница! В падших соборищах, даже самых почтенных, под всеми покровами умышленных хитростей, под всеми именами божеств, для показу придуманных, таилось учение одной природы, решительное учение безбожия — пантеизм. Сей **всеобщественный пантеизм**⁹⁵ был, конечно, предпочтительнее поклонения глупым болванам, что у диких, но творец природы отваял в свой день то и другое курение, как смрадный дым. Все пресловутые жертвенники старого **спинозизма**⁹⁶ пали, или едва держатся на другом подставном основании, как, например, в Китае **Конфуциево** учение того же отпечатка. Теперь вместо **многочисленных** завес Провидению, у которого тысяча лет, как один день, **благоугодно** попустить на время исламизм и шигемониянизм (буддизм), два неполные **богопознания**, но во имя всемогущего служащие, два, а не десять. Вот изъяснение, почему учение меньшего заблуждения преемствует учению большего заблуждения, пока не воцарится на земле **богопочтение** в сердцах и делах, *в духе и истине*. Слышишь ли?

Сп.: Слышу и вижу, что мы уже в городе не древней географии. Не позволите ли расстаться перед входом в маскарад и посмотреть на пантеизм вечерний?

Ст.: Посмотреть на хаос светлый! Изволь, я помню свой узелок. (Один). Какое всеобщее направление к праздности ума! Какой чувственный материализм! Маскируются, как будто преследует их ложь, или они преследуют истину! Ни то, ни другое. Тут все морочат всех на минуту, на одну минуту; не единодушная ли это сатира на жизнь общественную!

VI

Взгляд на окольные селения и юрты

Осмотрев селения и юрты, для прогулок предназначенные, я при всем том прекращаю отчет своего описания для

того, что основания подгородного хозяйства видны уже из предложенных поездок. Можно бы найти некоторые особенности в каждой почти деревне, но они не служили бы статистике даже частной. Посему и дарю читателя таблицей А, присовокупляя следующие пояснения:

а. В помянутой таблице нет графы для прекрасного пола потому, что число его в трех волостях Тобольского уезда: в Кугаевской, Бронниковой и Уватской — замечено мною превосходным против мужчин, как 13:12, а по таблице Б в Тобольском уезде выходит содержание полов как 23:22, или 167:155, во всей же губернии, как 16:15, или 49:46. Я не физиолог, чтобы мог изъяснять закон северного деторождения, хотя эмпиризм наблюдательный и указывал бы след к заключению. Относительно татарского племени можно смело утверждать, что пропорция женского превосходства должна быть еще множественнее, хотя многоженство в окрестных юртах бывает чрезвычайною редкостью. Религия чувствительности проникла до больших широт, где климат оппорил выкладку Магометову на- счет сладострастия. Таким образом, за известностью физического процесса, какой по губернии замечен в возрождении полов, не было нужды высчитывать ту сторону, на которой большинство очевидно.

б. Уменьшение инородных племен каким причинам должно быть приписываемо, сверх большой и малой оспы, остается для меня вопросом.

в. Подгородных русских жителей нельзя не осуждать за нерадивость к ремеслам, в которых так долговременно настояла крайность, за беззаботность расчищать дикое места под пашню и покосы и за решительный вкус посещать дома головокружения.

г. Кажднедельный подвоз сена, углей, дров, осинової золы, мочал, коры и т.п. на городские рынки мог бы делать подмогу в хозяйстве крестьян, но кто из них возвращается домой трезвым? И кто попрепятствует им упиваться, если не одна безденежность? Нельзя хладнокровно о том говорить, зная: 1) сколько лесу погибает на последние статьи подвоза и 2) сколь близко время, когда обнаружится бедственное оскудение в лесу, без пощады и пользы истребляемом. Скоро, скоро увидят, что запас домостроительства и земного тепла вырублен для общего обнищания невоздержных деревень.

д. По мнению некоторых тоболяков, нет будто бы нужды направлять подгородных крестьян к большему хлебопашеству по причине городской дешевизны в хлебе, но всякий ли год эта дешевизна обеспечена? Не расстраиваются ли подгородные ленивцы от дороговизны двух лет? И можно ли ожидать, как надлежало бы, удобрения тесной земли и размножения домашней живности и скота там, где нет и соломы в избытке?

е. Возвращаясь к подгородным татарам, нельзя не обвинять и их в лености и в совершенной неремесленности, но у них есть свои качества непостыдные: трезвость и умение перебиваться крупичами торга. Довольно заметить, что с половины февраля все наши татары (и служивый, и ясачный, не упоминая уже о бухарце) нанимаются свезти что-нибудь на Ирбитскую ярмарку и по окончании ее опять привезти, а там, на ярмарке, перекупают, перепродают, сводят покупателя с продавцом и за маклерство получают с каждого порознь по $\frac{1}{4}$ по $\frac{1}{2}$.

ж. Сами татарки, как бы в покрытие неремесленности половины мужской, суть домоседки работающие, швеи и портные для целой семьи в своем доме. Все, что ни носят оба пола всех возрастов, шьется, стежится и вышивается шелком или золотом на своих нарах. Одеяла и для городских кроватей идут с их же иглы. Нет у них только ткацкого искусства.

з. От взаимной бережливости и особенно трезвости происходит, что юрты подгородные, или, лучше сказать, дома татарские, выстроены виднее и правильнее наших деревенских, хотя те и другие строятся из леса, в Туринском или Тарском уезде покупаемого. Одна и та же причина, что татарские жилища в сравнении с крестьянскими богаче платьем, постелями, покрывалами и посудой металлическою.

и. Если сравнивать продовольствие семьи крестьянской и татарской (предполагая в обеих равный достаток), найдется, что в первой питаются постоянно сытее, а в последней по временам прихотливее. От неумения разводить и запасать огородные овощи виден в продовольствии юрт большой пробел, чем и доказывается, что потомкам орды пастушьей легче начать быть торгашами, чем быть земледельцами, легче отстать от разгулья кочеванья, чем приняться за огород.

й. У крестьян, еще к ним обращусь, я не слыхал разговора об удобрении земли и нигде не видал модели какого-ни-

будь орудия. То ли это значит, что они еще не доведены нуждами до вопроса, как выгоднее хозяйствоваться, или то, что по причине общины в земле не радят о временных участках? Но видал во многих домах картинки, самовары, чайные приборы и бывал приглашаем на чай. Конечно, надобно желать, чтобы у поселян временем были свои наслаждения, свои сладкие часы, когда бы кручина таяла в груди и всплывала на язык, но можно ли не негодовать, встречая в светлицах здоровяков угощение чайным взваром, располагающим их к простудам? Это самое ложное подражание городскому быту, извиняющемуся затверженным чванством роскоши. Не с чаем и не с горелкой, а с брагой, пивом и медом народ русский прославился силой, дородством, красотой.

VII

Общий взгляд на уезд и губернию с предположением

Один из молодых знакомцев, прочитав первые листы прогулок, сказал при свидании: «Хорошо вы сделали, что скоро перестали описывать свои похождения по гумнам и околицам».

Х.: В каком смысле это хорошо?

Н.: В том, что подобное предприятие вышло бы слишком частно, маловажно, а ныне любят видеть гуртом, в итогах общих.

Х.: Мудрено видеть хорошо тем, которые, ничего не видя, смотрят гуртом.

Н.: Алгебраизм, алгебраизм есть настоящий стиль умов. Арифметика Магницкого⁹⁷ годилась только на первых днях XVIII века.

Х.: Если б вы не шутили, я бы заметил, что добрый алгебраизм также нуждается в начертании образов или фигур. Какое бы понятие образовалось в голове слушающего, если бы вы сказали ему, что в Тобольском уезде 940 деревень, а в губернии 3452? Дайте линии, дайте очертания, дайте оттенки этим числам; числа ваши заговорят и вас выразумеют. Если бы в Москве или Лондоне, пробегая таблицу нашей губернии, увидели, что во всех ее городах одно гульбище⁹⁸, один трактир, вероятно, заключили бы, что мы живем и очень постно,

и очень скучно, а вам известно, сколько ошиблись бы они в заключениях! Наши гульбища везде, потому что везде свободны речки и пригорки, потому что с самоваром, из которого для сибиряков бьет как бы ключ живой воды, можно им присесть и под березою, и под ольхой, лишь бы поговорить с глазу на глаз. Там, где не прошла еще угрюмая недоверчивость, воспитанница старых уроков, на что гульбища официальные?

Н.: Стало, вы ласкаетесь, что и таблица 24 деревень будет иметь свое место?

Х.: Тогда только, когда бы составляли таблицы не иначе, как по описаниям малого числа заселенных пространств, восходя постепенно от малого к большему и от большого к общему. Тогда в порядке восхождения общие выводы о силах областей, основываемые на анализах, были бы истинны и даже **бытописны**.

Н.: Кому так делать и кому такую околесную читать?

Х.: Статистику не для чего читать, согласен и я некоторым образом, потому что она есть книга справочная, домовая опись для повременного сличия наличностей. Но скажите, между тем, не любопытно ли было бы для вас теперь переместить статистический временник Кучумова времени, написанный каким-нибудь Олеарием⁹⁹?

Н.: Вижу даль честолюбия! Таблица двух дюжин деревень заготовлена в гордом счете, что через 250 лет кто-нибудь просмотрит ее в Сибири. Славно!

Х.: Но чтобы не забегать вам в такую даль, я заготовил на ваш вкус две строчки под бук. Б. за целый уезд и за всю губернию.

Н. (окинув взглядом): Эти строчки, конечно, понятнее *Невтоновой строки*¹⁰⁰, но надобно, почтеннейший, вам доложить, что я в канцелярии видел таблицу в квадрат ярославского фламского полотна¹⁰¹ и теперь же могу заявить, что сделал бы я из здешней губернии. Населенность ее по безмерному пространству неспособна передавать ни ауканья, ни колокольного звона; земли — пропасть, хлебопашество батрацкое, да и то лишнее; мануфактуры нишенские, скотоводство жалкое, да и то под штрафом сибирской язвы; торговля внутренняя чахнет, а внешнюю надобно отыскивать за тридевятью горами — вот что гласят итоги Александрийского листа!

Х.: Это так, да что вы сделали бы?

Н.: О! Я бы сделал чудесную перемену, если бы дали мне вожжи в руки. Отчего, например, сибирские крестьяне лентяи, пьяницы, тупицы и т.п.? Конечно, не всегда от того, что земли будто у всех много, и также не от того, что будто сволочь **нагнатых** бродяг может их расстраивать, а напротив, от неуверенности в постоянном владении обрабатываемой земли. От чего мало добрых сен? От того, что ежегодно бывает новый дележ покосов, и в распрях дележа пропускается благовременность кошения. От чего в южных уездах лес строевой истреблен и крестьяне уже переселяются? От того, что он не принадлежит ни Фоме, ни Ереме, а если бы оба они вздумали поберегать угожья лесные, когда, напротив, дюжина их соседей продолжала бы опустошать для частных винокурении, спрашиваю: чем бы тут пособить?

Х.: Посмотрим, если без проектов нет истины.

Н.: Сверх того, при всеобщем расширении земледелия в четырех частях света не пора ли государству думать об уменьшении числа хлебопашцев, особливо в Сибири, где нет отпусков за границу? Не лучше ли $1/2$ из них, если не $3/4$, превратить в обоюдные слободы **ремесленников-хлебопашцев** с тем, чтобы по методе трудоделения каждый цех там держался своего **искусства***?

Х.: Далее!

Н.: Смешайте брошенные мною начала в один состав и выйдет: 1) необходимость создать в Сибири свободных хлебопашцев с раздельными участками собственной земли, 2) собственность семейных участков определить в южных уездах в 25 десятин, увеличивая их к северу через каждые 2° ш., 5-ю десят-ми, 3) положить при продаже цену десятины в 10 р. на юге, сбавляя с сей оценки по 2 р. через 2° ш.

Х.: Следственно, через тысячу верст к северу земля будет уже даровая".

Н.: Почти так. Ибо, начиная широту с 57° , а при устройстве новых в степи округов с 50° , я усматриваю чрез 6 или **13**

* Во Франции и Италии считается в земледельческом классе $4/5$ народа, а в Англии — $1/10$ часть питается собственным хлебом. Сии пропорции я вношу сюда для простого сведения, а не в намерение подкреплять проект, который и останется проектом, и все полезное, чего можно бы от него ожидать, по лучшей мере, состояло бы, разве, в возбуждении к основательным соображениям. Особая страна должна иметь и особые соображения не за границей, а дома оплодотворяемые.

степеней великий закон нашего полушария, закон, по которому с 63° уже проект преобразования не вмещается. Далее сей межи имя хлебопашества не выговаривается; пускай же земля, как непокорная труду и машине, там субботствует.

Ж.: Куда вы собите крестьян, не могущих приобрести участков земли на праве собственности?

Н.: Оставляю их в настоящих деревнях при казенных участках трех десятин удобной и неудобной земли на ревизскую душу с прозванием ремесленных слобод без воспрещения пашни.

Ж.: А ремесленники городов?

Н.: Они нехотя должны будут возвыситься в успехах искусств, увидев **совместничество** в наших ремеслах. Все ли тут ваши затруднения?

Ж.: Покамест я ничего другого не вижу, кроме как чисть да гладь.

Н.: Таким образом, начиная применение проекта с уезда Курганского, положим примерно: а) что половина из 42000 крестьян, купив 520000 дес., внесет в казну 5200000 р., б) что другой половине, остающейся в слободах ремесленных, нарежется 63000 дес. земли, в) затем останется для Кургана и других назначений **17194 дес.**, так как и плоскостная поверхность уезда равняется сумме трех выведенных количеств, хотя, без сомнения, глазомерная поверхность взята землемерами с прикройкою, как водится у добрых людей.

Ж.: Все ли кончилось?

Н.: Остается полюбоваться, как потечет теперь поток государственных соображений и выгод, именно:

1. Сибирь, имея в одном уезде 21 тысячу хлебопашцев поместных, улучшит достояния недвижимые и возведет их в высшую ценность трудом собственноручных хозяев. Тогда только заведутся травосеяние, хлебопашество и росчение лесов. Тогда только увидят рощи лип и пчел, сады яблоней и вишневых деревьев вместо нынешних кустарников.

2. Сибирь приобретает вес общественного мнения, такое преимущество, без которого никогда бы она не вступила в меру монарших о ней попечений; и сей вес будет тем сильнее, чем больше уездов войдет в план преобразования.

3. Сибирь приобретет в судной и хозяйственной части губернского управления совещательных заседателей, кото-

рых тщетно искала Екатерина, умная в старом порядке для осуществления идеи своего образцового учреждения.

4. Сибирь, удостоверенная в драгоценных правах собственности, хотя бы возросла до 10 млн. жителей, пребудет навеки непоколебимою подданною державы отеческой, так как кружение головы случается только там, где нет широкого пьедестала*. Пугачевы не посмеют тогда явиться, или примутся как разбойники.

5. Пять с четвертью млн. рублей, в одном уезде пожатых, имеют быть обращены на окуп государственных долгов. Уж ли не восхищаетесь, видя указание, откуда может взяться несметный капитал на полную оплату наших долгов, и где лежит опора тяжести для государственного покоя?

Х.: Действительно, есть о чем подумать.

Н.: Подумать? Вот прекрасно! Когда надобно плакать от радости, наш сын отечества начинает разглаживать лоб.

Х.: Но помните ли высочайший указ, в 8 день генваря 1830 г. состоявшийся, о дозволении крестьянским обществам отдавать участки земель под заведения, кроме Сибири?

Н.: Как не помнить свежего благотворного учреждения, у которого чернила, так сказать, не подсохли? Но я смею уверить вас, что слышанное предположение у меня залегло в голове гораздо ранее указа, как и по времени можете рассчитать.

Х.: Верю, очень верю. Правительство шествует дорогою царской, а молодой гений пробивает свою тропу.

Н.: Шутите, шутите, почтеннейший и на раздумье разверните своих древних. Не говорят ли они, что Меркурий¹⁰², Аполлон¹⁰³, Минерва¹⁰⁴ и всяк, кто полон огня небесного, изображался у них в возрасте юношеском?

Х.: Правда, да только помните, что Прометей-либерал¹⁰⁵, прикованный к вершине Эльборуса, был также исполнен огня небесного.

* В нынешней Франции, после переворота 1789 г., считается земледельцев, на собственной земле опоместившихся, до 3 млн. семей, что будет равно 15-ти млн. жителей. Симонд де Сисмонди¹⁰⁶ заключает, что как при таком порядке вещей большая часть государства, а не одна половина его интересовалась охранением своих прав, естественно было Франции в 1813 и 1814 годах принять вновь предложенное ей правительство, как ручавшееся за безопасность и собственность жителей. Действительно, собственность земли, дробно владеемая, есть важное решение государственной непоколебимости. Тут нечего ссылаться на летописи Рима Ливиева¹⁰⁷.

Н.: Прометей! Примороженный к вершине Эльборуса! Нет, эта мечта слишком возвышенна для низменной почвы Тобольска.

VIII

Журнал весны тобольской

Вот и проходит апрель, ныне не так любезный, и хочет улыбнуться май! Если с той поры, как солнце явилось в созвездии Овна, мы, живущие в Тобольске, не могли высылать на прошлые пастбища своих добрых кормилиц, дающих масло и сливки; и если не смели мечтать о притязании на те благословения, какими вслед за весенним равноденствием начинают пользоваться роскошные параллели земного шара, то по закону возможного возмездия мы предвараем наслаждения обилием света, не в пример странам лозы виноградной и маслины. Солнце не успеет поверстаться с Тельцом, как в созвездиях бостонистов две колоды карт, сии два спутника совершают засветло свое многократное круговращение вокруг неподвижных столиков. С половины апреля наш словесник или судья начинает и оканчивает чтение своих журналов при даровом освещении, и огонек поздно или рано мелькает кое-где в лампе пред иконою.

Давно скатились с вымощенных городских улиц снежные пуховики, даже ленивый лед Иртыша 9-го нехотя тронулся и поплыл в Обскую губу. Конечно, редко проходят ночи, чтоб вода не замерзала в сосудах на воздухе, но зато какие ночи наступили с 17? Вечерние лучи горят допоздна на позолоченных маковицах и потом переливаются в узорчатых облаках. Облака иногда по вечерам вывешиваются на чистой лазури рядами манжетных фестонов с игрою призмы. Роздых заката, хотя давно не видать солнца, не перестает румяниться тихим, прелестным пурпуром и после распускается в виде алой полосы по кайме горизонта. Ночь, от часу более бледнеющая, как пристыженная волшебница, наскоро свивает черную мантию и отлетает на другое полушарие.

Бьет 4 часа ночи, и свободный голубь, свивший гнездо под карнизом по ошибке от света, тотчас встревожится и с чувством застонет на ухо своей красотке у моей спальни. Мне уже слышались даже и раскаты томского соловья, наносимые из

бельэтажа **праводушного** Селиванова*. Не правда ли, что и голубь, и соловей, и воркование, и пение выражают праздник весны, праздник сердца? Сердце не спит весною, хотя глаз утомленный и засыпает. Стало, есть сердце и в Тобольске? Почему бы и не так? Электричество, как ни называйте его, везде размещено в природе, равномерно и электричество чувства полно во всяком климате. Не без тайны сердечной легкокрылые птицы издалека прилетают под кровли тобольские, недаром, конечно, и птицы соровые разлетаются в эту пору по лесам.

21-го я был в обеих загородных рощах и видел, как воскресение земли намекалось **выметками** в одном оживании бороздчатой осоки.

26-го в 5 часов пополудни, когда температура стояла на $+9^{\circ}$ Р., я вторично навестил загородные наши парки. Остатки снега еще залегали по завалам и яминам тенистых положений. Косматая осока зеленела уже во всю длину прядей. Закраины лугов, водою наполненных, разрисовывались светло-зеленой покроею. На ветвях **берёзника**, осинника и боярышника почки продолжали быть тощи и сухи, без видимой перемены. Желтоватая хвоя на ветвях нестарого сосняка начинала зеленеть с корня игол, пихта давала чувствовать **благово-**ние камеди, лишь дотронешься пальцами, но ель и кедр зеленели тускло, по-зимнему. Можно бы в эту пору сказать двояко о жизни органической, что она едва-едва накрапывала сверху и едва-едва сквозила из-под пелены земной, если бы по верховьям **семьянистых** муравейников хозяева их не обогревались на солнце и не умащали треплющей ладони, и если бы зяблики не делали вокальной пробы кое-где по берёзнику.

С 27-го стали мы замечать станицы казарок, журавлей и лебедей, летящих к северу и западу по изломанной линии, может быть, параллельно магнитному меридиану. Впрочем, забавно было бы, если б лебедь, любимец поэзии, придерживался ученой теории Ганштеена¹⁰⁸.

30-го в подгородной дер. Онисимовой начался первый посев зерна ярового. Это самый ранний начин по причине холодов настоящей весны.

1 мая в полдень, когда Р. показывал $+5,5^{\circ}$ я поехал в деревню Серебрянку. Дорога уже подернулась светло-желтою

* М.А. Селиванов — купец первой гильдии. Кому не приятно слышать имена почтенных граждан, всю жизнь пользовавшихся доверенностью своего общества и уважением города?

зеленую **чресполосно**, а не вся сряду. Я свидетельствовал не только старые березы, сверх коры прикрытые северным поростом, на котором вьется еще мох клочками, да и другие листовые деревья, но нигде не блистало развивающихся глазков. Несмотря на **температуру-мачиху**, общая мать возрождения теплотою своего недра выводила на свет начатки травяных прозябений; и в числе былей, безымянных для глаза неученого, узнан только кошачий палец (*Alchemilla vulgaris*).

В Серебрянке, где по впадинам косогора еще лежал снег, я прошел берегом речки и не заметил ничего весеннего, кроме двух пар уток, прятавшихся в прошлогодних кустах камыша (*Scirpus sylvaticus*). Должно было подняться на крутой берег восходящею аллеєю вековых елей, которые, как припоминаю, так же были дородны и за 55 лет. Странно, при каких мало-важных предметах иногда повторяются в уме важные государственные перемены. Эта аллея есть исторический остаток монастырского владения здешнею деревнею, с 1764 г. поступившею в состав государственного достояния. Тут был случай **выразуметь**, сколь благовременно могущество России было приготовлено для великих испытаний сосредоточением именней церковных, подобно, как и княжений удельных.

На обратном пути я заехал к городскому садовнику, чтобы повеселить зрение подражанием весны. При первом шаге в теплицу тотчас почувствовал, что тут дышали то базилики, то гвоздики розовые и малиновые, то **герании** душистые и лавандулы. Подвинулся далее и увидел весну, как она, убранная и перетянутая гирляндами из левкоев, амарантов, жасминов, сидела у стекол и с дамскою терпеливостью смотрела на туалетный столик, обставленный фиолями, гортензиями и розанами. Тронутый добродетелью, так свойственно прекрасному полу, я спросил угодливого **Чичисбея**¹⁰⁹: «Давно ли **твоя** шеголиха начала убираться во вкусе **букетном?**». «С первых чисел **апреля**», — отвечал. С первых чисел апреля! А наша крапива пожаловала-явилась в огородах не ранее 20-х чисел. Все это я пересказываю дома за столом, как подавали суп из крапивы, и вообразите мое изумление, когда послышался упрекающий голос придиричвой и завистливой крапивы: «**Странные** судьи, эти господчики **наши!** Они удивляются росту, красоте воспитываемых горшков, но какого счета стоили забавные их растеньица? Поместите наше семя в теплицы и вы

испытаете...». Так, крапивное семя! Мы испытали бы гораздо ранее твои язвительные прикосновения, колкости твоих острот, и, верно, понадобилось бы взяться за орудие, чтобы расчистить путь сообщений и порядка по теплице. Воля твоя, крапивное семя, но недаром не дано твоему рождению благородного венчика, так как суждено тебе колоть и озлоблять без нужды. Пусть после сего доискиваются, слышали ли во время Езопово¹¹⁰ разговор на меже человека и растительного царства.

2-го поутру взглянул я на палисадник и в первый раз заметил на черемухе обнажение желто-зеленых жемчужин.

С 3-го по 8-е прервалось ведение журнала по причине, что или снег пушился по земле, или после крепких утренников кристалловалась изморозь по крышам и мостовым. При ощутительном понижении температуры я не предполагал и успеха в явлениях силы органической. По той же, верно, ошупи до сих пор не видны здесь домовитые ласточки*, домовитые и резвые гости, коих прелестную динамику изобразил наш Державин в неподражаемом описании¹¹¹. Не подарок ли это древнего Цинтия, а не нынешней Пифии¹¹²?

8-го, когда температура в 8 часов утра стояла на +2, 5°, а в продолжение дня поднялась до +10° P., я побывал в прежнем гимназическом саду и нашел в нем, что кустарники, открыто цветущие: смородинник, крыжовник, сирень и самбук, — вполне развернулись, но таваложник (*Spiraea chamaedrifolia*) и божье дерево еще не оживали. В нагорном медицинском саду (куда не поленился я также заехать) растущие без посева пырей, снить, цикута и лебеда взошли вышиною дюйма на 3, а посеянные под зиму травы: донник, ромашка, просвирняк и горчица — только что вышли из гряд. Таким образом, независимо от холода, который заставил меня на несколько дней почти закрыть глаза для природы, жизнь ее продолжала невидимо работать, освежала хитрошвенные сосуды в растениях старых, пряла стебельки по вечному рисунку и все восполняла по изреченным в день мироздания пропорциям, как в яичке и семечке обнаженном, так и в прочих хранильницах органического пакибытия¹¹³. Наблюдатель спит, восстает ночью и дню, и семя прозябает, но каким образом? Яко же не весть он. Лъзя ли не чувствовать глубины физического таинства, какое изрекается в этих словах св. Евангелия¹¹⁴ для другого высшего намека?

* Появление ласточек ныне замечено в Тобольске не ранее 12 мая.

9-го при температуре, весь день **продолжавшейся** не ниже +14, 5° сам-друг я поднялся на гору близ **Подчувашского** мыса. При подъеме мы замечали курчавую полынь (*Artemisia frigida*) — единственную прикрасу всего крутояра (пока шиповник и **таваложник**, растущие в развалах, не покажутся в цветных уборах), а на горе видели, что листовенные почки березника и особенно боярышника готовились распукиваться. Проходя по обоим валам земляного **кучумовского** укрепления, которое было взято Ермаком в октябре 1581 г., мы часто слышали по березнику вытверживаемый пеночкою пассаж из фамильного **аллегретта** и в то же время по земле, все еще блеклой и праздною, изредка замечали возникающие травки. Мы шли все вперед по краю горы в надежде открыть, какие первые растения представлятся с диадемами цветочными, и в награду увидели бодру (*Glechoma hederacea*), фиоль (*Viola canina*) и **медунку** (*Pulmonaria mollis*), которые из-под листовенного хвороста выказывали образовавшиеся цветки фиолетового луча. Вот не пышные первенцы природного тобольского вертограда, на первый раз встреченные!

Смею ли утверждать, хотя и не без исключения, что весна наша украшается первоначально цветами фиолетовыми вместе с белесоватыми и изжелта-светлыми, пока не перейдет к синим, желтым, красным или пунцовым, и что такое ж обратное преемство замечается под осень*. Не то ли значит, что цветорасположения, способные играть лучами сильными, каковы синие, желтые и красные, бывают готовы только в эпоху высшей органической деятельности? Из чего и следовало бы, что слабые лучи одного края призмы, начиная и заключая царствование флоры, могут в два крайние срока оживлять цветки **малосильные****.

Вот и 10 мая! Оконницы в домах распахнулись, нигде не взвиваются из труб волнующие цилиндры дыма, **тепло** разливается в атмосфере, и с сей эпохи сибирячки среднего класса, нередко одевающиеся по картинкам прихотливых мод, станут

* В наименовании цветов признаю за лучшее соотнобразиться с номенклатурою красок, помещенною в «Минералогии» Севергина¹¹⁵, ибо прототипы красок одинаковы в прозябаемых, как и в ископаемых. **Двигубской**, при переводе **ботаники**¹¹⁶, принял для различия цветов растительную номенклатуру красок, но сия основа меньше **определительна**, чем первая.

** Несумнительность догадки подтверждается воззрением на растения, мною собранные в мае и в конце августа.

своими группами оживлять наши улицы, украшать церковные процессии и представляться в праздничные вечера самодвижущимися куклами по краям бугра, который господствует над городом, подобно как вкус к щегольству издавна господствует над Сибирью женскою. Упрежу ли щеголих-пешеходок, думал я, по крайней мере сегодня в рощах, где, к удивлению, застал я пустыню, но пустыню, наскоро заселяемую торопливыми выходцами скоротечной жизни. Насекомые, сегодня из личинок вострепенувшиеся, суетились в воздухе, другие, прежнего развития, выглядывали из-под хвороста, черно-желтоватый шмель со старым чутьем и бахвальством то голосил, то приседал; бабочки белокрылые, пестрокрылые и лиловые носились мыслями около влажных займищ, и лесной хор певчих пташек спевался без такта на березах. Цветы медунка и желтоголовник (*Caltha palustris*) попадались уже в заметной красе и числе. Деревья таловые, смотрящиеся в водоемах, желтели своими перышками, как золотыми завивными цевками. Все готовилось к празднику быстро, но без суматохи. Мне сдавалось, что весна хочет невзначай вступить в обширный свой чертог, в веселом движении души я кинул полевой карандаш и произнес: «Пора наслаждаться, а не записывать».

Пора наслаждаться! Какая нужда, что у акаций, шпалерных растений наших садов, не означились ростки листьев блестящими зелени, и что липы, не знакомые с Сибирью Восточною, еще далеки от того, чтобы начать лиственничаться? Довольно, что кедр с другими северными фамилиями осамились¹¹⁷ и смотрят с бодростью. Подъезжая к рощам, издали любуешься, как величавые березы, украшающиеся уже висячими сережками, хотя не оделись в брачные покровы, кажут веселую, одушевленную физиономию, подобно саванитому съезду мужей и жен в день обручения, молчаливою тайной выражающих будущую радость. Какая нужда, что не спешили на встречу мою анемоны и другие спесивые герольды здешней весны? Довольно, что приветствовали меня фиоль, медунка, бодра и желтоголовник, а то достоверно, что прежде, нежели успел бы кто срисовать и на камне тиснуть четыре изображения, заботливая наша флора выставит на полянах и в лесках неисчетные группы цветов.

Пора наслаждаться, повторяю! Теплый май сошел к нам с зодиака, за ним спешит и благодатный июнь с ягодами, оба

без ночей, только с зорями, а зори, как две розовые ткани, алеют посменно. Тут вовсе забываешь сверкание созвездий и светил, которые зимою сияли вокруг головы; тут мечтается, что наш Север при пересвете весенней луны уносится под другое беззвездное небо, тогда как по всей тверди почиет свет **незаходимый**. Как смолчать о других красотах? Каланчи и башни в полночное, безоблачное мерцание представляются в обрисовке более красивой и идеальной; они отливаются в глазе тонее и выше, чем наяву. Высокие липы, на прямолинейных рядах доживающие столетие в медицинском саду, в эту пору равномерно осеняют особенным очарованием и тонким благовонием. Бывало, домой возвращаешься и слышишь, что первенствующая колокольня сказывает полночь или час пополуночи, но слушаешь весть колокольни, как шутку, потому что и живешь, и засыпаешь во свете — засыпаешь и желаешь только заснуть с мыслью светлой.

Светлая мысль и кроткое биение сердца — вот другая завидная весна у человека во всяком возрасте! Если б эта весна не скрадывалась от меня, если б эти внутренние цветки, никогда не увядая, тотчас расцветали, я бы и в старости не позавидовал ничьей беспорочной юности, ничьей улыбающейся красоте, ни за полночным праздником, ни нарядным пирам, поливаемым винами. Я недавно был весел и с прядью осоки в руке, как ты бываешь весел с бокалом; я и теперь наслаждаюсь уединением с автором, как ты злобою с подобными тебе душами. Мне не верится, чтобы тебя пленяла общая весна нашего полушария. Твоя весна, достойная твоего ума и сердца, не в том ли состоит, чтобы поражать ножом березу сановитую и оскабливать зеленеющую сосну, дабы было чем **разжидить** или рассластить желчь, тебя палящую?

Плакущие березы, и вы, **обессоченные** сосны, со мною доживающие свой век! Не сетуйте на человека. Он таков был во всех временах.

IX

Видение весны

27 мая

Не ее, вовсе не подругу двух небесных граций, явившихся Парразию¹¹⁸ и другому художнику-поэту, видел я в

теплице! Какую погрешность, какую опрометчивость сделал, было, я против величества вкуса! Куклу, убранную в цветы, к которой приставлено печатное, безжизненное личико, куклу перетянутую, едва дышащую, с трудом усмехающуюся; одним словом, легкомысленную подражательницу весны я принял за самую весну. Вчера только удалось мне видеть подлинную весну. Хотите ли знать, где видел ее?

На зеленом холме, осеняемом с запада пахучими пихтами, на высоком холме, на котором за 250 лет жила нежная и верная Сузге, подруга повелителя **Кучума**, сидел я в раздумье; и пополам с горем, раскладывая бывшие то радости, то печали, с жалостью перебирал черты своей юности. Ех! Где эта белая душа, как нынешний мой плюмаж? Куда девался прежний колорит невинности? Лет за пятьдесят, я не знал цены своей молодости, пошла она по рукам, и живописи не стало. Есть холстина, но не узнаю в ней ни одного помавания кисти, которое бы не обезобразилось от прикосновений; даже и самую раму, со всех сторон обтертую, повело. Вот что значит давать ходить заветной драгоценности по людям, по людям, у которых, Бог знает, попадалась ли она знатокам. В досаде вскакиваю, как старый атлет, бросаю наобум глаза, перебрасываю их к противоположному мысу Сузгунского крутояра, и вдруг взор мой смягчается ясным видением; кого ж, вы думаете, вижу на возвышенном уступе крутояра?

Вижу красу благородную, как майскую розу после утренней росы; красу высокого стана, в мантии персикового цвета, небрежно накинутой на плечах сверх легкого, серного хитона, в мантии, помните, так тонкой, как паутина. Вижу, как краса эта с медальоном солнца, блистающим на девственных грудях, бросает прекрасные руки к закатающемуся светилу — к отцу своему, к отцу света и теплоты, с которым, казалось, она уже прощалась в нашей широте чрез Сузгунскую долину и чрез широкие воды Иртыша. В светлом лице ее нет ни восторга, ни горести, а одна дышит веселость чистая. Я как теперь смотрю на белокурые волосы, приколотые булавкою боярышника вместе с цветком, подложенным розою. Словно теперь вижу, как легкое платье, в котором рисовались плавные округлости, подобрано было выше ленточных узлов, придерживающих башмаки. Хитрый из опыта, я притаил свое дыхание, чтоб не дать ей

чувствовать присутствие старика, но нехотя скашлял. Краса не успела улыбнуться, как и прикрылась ветвью блестящей зелени; она потекла к северу по долам и горам, как румяная стыдливость по ланитам юной девы, как очаровательная гармония по струнам арфы.

Стремиться ли за девою солнца — разлился в душе вопрос. Но как и куда стремиться за красою идеальной? Уметь молча схватить рассеянные красоты, уметь обнять те прелести, какие она рассыпала по косогорам, лугам, лесам — вот все стремление за идеалом, услаждающееся покойным созерцанием! В самом деле, если оглянуться на бока ущелья, по которому сюда я спускался, сколько алеет кустов с пунцовыми розами! Если посмотреть на бесконечную Сузгунскую долину, одушевляющуюся пятнадцатью селениями и оканчивающуюся где-то там, где белеет церковь, сколько зеленеет по ней нив со злаками, сколько красуется полей с веселыми стадами! Блестящие юной зеленью рощи и перелески не говорят ли о повсеместном присутствии весны? Оставим же мечту девственному и красивому воображению, а сами на обратном пути соберем, где удастся, разбросанные весной подарки.

Счастливые таланты Сибири! Около вас раскинуты широкие зрелища природы, еще свежей, еще не початой; около вас носятся вековые воспоминания родины, и я не хотел бы предлагать вам поэзию в подругу. Представьте себе явнобрачные и тайнобрачные неизмеримых пространств, необозримых тундр и еще цепи гор, скрывающих богатства для счастливого, а трофеи для науки; не полезнее ли посвятить свою даровитость наукам, а особенно наукам естественным? Поэзия принимает парение не в пустыне, но из среды больших общественных видений. Ей надобно всосать в себя видения и туманы, дабы отразить и преломить из души на очаровательной высоте светлую, утешную радугу. А вы в пустыне!

I. Исчисление весенних растений

Не повторяя тех растений, какие рассеянно упомянуты в предшедших статьях, вот свежие приобретения одной поездки: *Cardamine pratensis*, *Draba lutea*, *Leontodon taraxacum*, *Cineraria campestris*, *Stellaria holostaea*, *Orobus vernus*, *Campanula Steveniana*, *Anemone patens*, *Ranunculus*

acris*. Желтым лютиком золотилось нагорье за городом, а из пахучих растений благоухала только колючая роза и упомянутая бодра, которая у жителей слывет мятою.

«Не роскошна же весна тобольская», — заметил гость малороссиянин, учившийся в Харькове, когда я раскладывал привезенные растения.

Х.: Точно не роскошна! Но зато не даст задохнуться от ароматов. Ясная улыбка неба, свет от упражнений, чистый воздух, не удушающая теплота, несколько цветков веселых — вот черты, общие нашей весне, и, может быть, лучшей человеческой юности!

М.: Да! Что юноша, не в роскоши и не в великолепии воспитанный, есть лучшее растение для общества, я радуюсь, встречаясь с любимым суждением. Сын Германика¹¹⁹ и воспитанник Сенеки¹²⁰ ясно подтверждают вашу идею о юности.

Х.: Не думайте, однако ж, чтоб только и было у нас весенних растений, сколько видите. До начала лета, т.е. до 11 июня, можно поручиться еще десятка за два.

М.: Какие именно?

Х.: Их нетрудно припомнить по чертам семейным. Например, из лютиков: *Trollius europeus*, *Thalictrum flavum*, *Anemone dichotoma*, *Anemone alba*. Из гороховиков: *Trifolium repens*, *Lathyrus pisiformis*, *Vicia cracca*, *Caragana arborescens*. Из розовых: *Fragaria vesca*, *Rubus arcticus*, *Cotoneaster menalocarpus*, *Rosa cinnamomea*. Из гвоздичных: *Stellaria nemorum*, *Dianthus deltoides*, *Spiraea crenata*. Из многосторонних: *Rumex acetosa*. Из ростральных: *Geranium sylvaticum*. Из губастых: *Lamium album*. Из горечивок: *Menianthes trifoliata*. Из крестовидных: *Capsella bursa pastoris*. Из сложных: *Gnaphalium dioicum*. Из каменоломных: *Chrysosplenium alternifolium* и пр. Притом замечу вам, что если семейства наших растений немногочисленны, взамен того довольно плодovиты.

М.: Т.е. семьянисты, как и у людей бедные семьи. Все надобно признаться, что ваша весна не нарядна.

Х.: Умейте уважать характер подлинности в природе, какова бы подлинность ни была. Редовский искал в развали-

* Здесь надобно изъясниться, что мой тобольский травник был послан на просмотр к С.С. Шукину. Имена растений, утвержденные сим ревностным любителем природы и примерным в Сибири знатоком, не могут быть сомнительны.

нах Степанова хребта, а Турчанинов теперь ищет по Забайкалью растений не оренокских¹²¹, а своих, местных. Так бы надлежало и литераторам, гордящимся преобразованием пиитики, направлять дарование к подлинности, а не к вытязке в общую меру и форму.

М.: Тем самым вы и оправдываете остуду их к размеренному классицизму.

Х.: Как? Разве Шекспир и Камоенс¹²² думали быть не классиками? Разве водопад великана-классика*¹²³ перестанет шуметь, пока воображение не иссякнет в голове русской? Знаете ли, что дух литературного времени очень сбивается на дух пластической разработки золотоносных песков. Покамест легко рыться в них, к чему не требуется ни наука, ни соображение, ни нарочитый капитал, вот и бросились на пески. Посмотрим, что будут делать наши поэты, когда ошарят свои мечтательные клады, а до этого тупика не нужно веков. Идеальность, даже не жеманная, исчерпается скоро.

М.: Во всяком случае, нельзя не поздравлять новой школы с победою над единствами с провозглашением народности и с похоронами классических верований¹²⁴.

Х.: Ни слова против одержанных трофеев! Старый ли грек-деспот¹²⁵, или новый немец-судья¹²⁶ управляет дарованием и вкусом, место человека даровитого все не под знаменами эстетики, а под шлемом собственной головы.

Одна странность в глаза бросается: именно та, что в царствование «Илиады» и «Энеиды»¹²⁷, за честь коих стоят у нас явно и тайно, и больше тайно, мы имели одну образцовую поэму, да со времени новой аристократии¹²⁸ также одну «Полтаву» — высокую, несравненную поэму¹²⁹.

Х.: Что за поэма под именем первой образцовой?

М.: «Телемахида»¹³⁰, по всей справедливости. Пускай юморизм соберет все поэмы, начиная с холодной «Россияды»¹³¹, и назначит им генеральное чтение, кто бы не предвидел, на чьей стороне будет забавный хохот и на чьей храпение?

Х.: Решите ж между нами и вами! Мы видели самозванца в двойной маске: и в старой театральной, и в новой,

* Генерал Вельяминов (И.А.), говоря раз о Суворове, очень метко определил его сравнением: это такой же великан в военном деле, каков Державин в поэзии.

романтической, на статью Вальтера Скотта; решите, который из самозванцев вам кажется сноснее?

М.: Само по себе разумеется, может ли самозванец быть сносен?

Х

Взгляд на Тобольск с нагорного угла

После того, как Реомюр упал¹³² к вечеру на умеренную степень тепла, я сидел на высоком мысу, господствующем над городом и Иртышом, близ каменных зданий, в которых некогда, в пышное царствование Екатерины, жила наместник ее и правитель губернии, и которые ныне отделяются под места присутственные*. Солнце уже опускалось к заречному лесу, залегающему к хвосту Малой Медведицы — ви- сячей лампы Березова; воздух дышал освежающею прохла- дою, и я в тихом молчании смотрел на широкую картину, под глазами раскинутую. Каждую весну двадцати с лишком лет, думал я, доводится мне смотреть на эту картину, и она доныне не прискучивает! Оттого ли, что нечего другого ви- деть, или что совокупность положения привлекательна?

Совокупность действительно привлекательна. Сидишь на высокой нагорной дуге и видишь, как концы ее пра- вильно обгибаются отсвечивающимся Иртышом, второю катящеюся дугой, внутри которой, как в обширном отрез- ке, вмещается столько храмов, зданий, училищ, заведений, а посредине волнуется столько тысяч жителей. Видишь при- том рассеянные по заречному выгибу Иртыша деревушки, юрты и кладбища, задумчивыми рощами охраняемые; ви- дишь два мелькающих устья р. Тобола и несколько зали- вов, от весенней воды живописно образующихся, а самый Иртыш и мыс! Самый Иртыш и мыс, на котором теперь я освежаюсь, не говорит ли за себя?

Иртыш (оставим на этот раз купальни, перевозки, ply- вущие суда, смелые челноки и подобные мелочи), самый Ир- тыш, как сын Азии, так мечталось, будто бы, запылясь за границей в своем кочевании, купается в водах Зайсана, дабы явиться в приличии на краю державы европейской. Все, од-

* Прочность и красота отстройки помянутых зданий останется прият- ным воспоминанием попечительности г. губернатора В.А. Нагибина¹³³.

нако ж, с буйностью проходя между грозных и поэтических теснин нашего Алтая, он применяется к общежитию не прежде, как в Устькаменной, и подходит к нам в скромном течении с судами соли и монгольской пшеницы из Семипалатной. Мне уже видится, а не мечтается, что он силится держать свое направление к Уралу, прорезав на сей румб 26° западной долготы от месторождения до мыса Тобольского, но затрудненный поднимающеюся наклонностью Рифея¹³⁴, равно и напором рек его, он опрокидывается отсюда и отступает к северо-востоку до Обской губы на такое ж расстояние возвратной долготы. Вот физическое событие, без примечания оставляемое! Я бы отважился спросить: не представляется ли здешний мыс по большой аналогии углом равенства в падении и отражении жидких? Хотя условие сего закона и прикладывается к другим явлениям вещества, но постигнуто ли необъятное единообразие явлений, и подведены ли явления, часто прячущиеся от ошупи систем под свои общие законы? По крайней мере, здесь то достоверно, что положение урочища, на котором сижу, не может быть занимательным для соображающего карту переверотов земного шара.

В минуты, как размножалась таким образом идея естественной картины, Брегет шепнул¹³⁵ мне, что скоро будет 58 минут 9-го часа, и я взглянул на солнце, так как дело шло о любопытном удостоверении на расстояниях светила с нашим Севером*. Солнце уже садилось на вершины леса. Я взял черное стекло, дабы чрез бесцветную средину глядеть на неприкосновенное светило, которое и изобразилось круглою плоскостью, доступною для глаза, но все пламенеющею. Вскоре круг сей, опускаясь медленно, не блистал уже на маковицах и крестах в продолжение девяти минут, так что можно было смотреть на него и без стекла, а под сажею стекла он казался темен и мертв. Стало, тут было не солнце, а подобие, оставленное им на утеху глаза — это был нерукотворенный образ, без кисти снятый с лучезарного лика. Как это чудесно! Как живописно все это переломляется в уме христианском!

* Т.е. 11 июня солнце в Тобольске заходит в 58 минут помянутого часа. Без средств, без выкладки хотелось знать, сколько минут солнце остается по заходе на горизонте в виде призрака. Около девяти минут казалось по глазомеру. Не ручаюсь, подтверждается ли мое наблюдение наукой, зная, однако ж, что в Париже призрака солнца держится на горизонте 4 минуты.

После, как исчез призрак, лучи улыбнулись в тонких облачках сверху атмосферы, будто бы любовавшихся над простодушием наблюдателя, а горизонт кругом земли зарумянился самым нежным багрянцем. Несколько минут — и полоса гиацинтового багрянца кругом стала приподниматься, как занавес, по сапфирному своду, и отливалась в глаза темно-красным кошенилем¹³⁶. Что минута, то новая, неожиданная декорация. Кружало заката между тем пламенело шире и шире.

О природа! (Я не смею при рассроченной мысли звать к твоему творцу и творцу нашему). Как ты великолепна, прелестна, разнообразна даже в очарованиях неосязаемых! Не сама ли ты помогаешь нам жить в образе обаяния и мечтания? Заря вечерняя и вечернее привидение в сумраке, фосфоричество и сновидение, чувствительность разнеженная и радуга — не мечта ли это все? О, как счастлив вон этот поселенин, прямо меня за Иртышом с молитвою лежащий на мураве! Для него непреложная истина — труд и совесть, для него существенная свобода — уплата подати и свечка дома, пред иконой затепливаемая. Сколько поругано у нас утешных истин, сколько затуманено наследственных радостей, этим отважным умствованием XVIII века, этим глубокомыслием последней германской философии¹³⁷.

Возвратится ли время, когда опять вера стала бы утешать и просвещенного, и простолюдина во святилище откровения, или сановитому веку, веку анализов и преобразований суждено петь при алтарях: *Тебе Бога* то за торжество независимости, то за победу над злоупотреблением независимости и ублажать сердце человеческое чудными, не всегда гармоническими пробами романтизма? Действительно, великая судьба поэзии! Шахерзада утомлений и досугов, она всегда — с Омира до Державина, с Державина до Ламартина¹³⁸ — всегда напевает в уши народов славные были и поучения, как пророчества будущего; не все ей сочувствуют, не все с нею отдыхают, потому что скалы глухие откликаются только на землетрясения. О, как несравненна, как возвышенна против нее вера! Наперсница провидения, она беседует целому народу в годину Батыя и Мамаю¹³⁹, она успокаивает грудь его со знаменем креста и в годину свирепого владыче-

ства, а во дни славы и тишины — но мне ли изображать заслуги и благословения веры?

XI

Солнечный восход и Ивановское

Уже ли не увижу лишнего востока в торжественную эпоху солнцестояния, в этот годовой праздник, когда природа полушария мужается в развитии сил органических и матерински лелеет их светом и теплотою? Уже ли не увижу солнечного восхода на светлой неделе* нашей параллели? Так думалось накануне 14 июня, а в 2 часа пополуночи я же утренивал за валом на открытом поле. Прежде, нежели тяжелый брус поднялся на городской заставе, багряное облако, длинно развешенное, как полотно после окраски, рдело предо мною над востоком. На небе не выглядывало ни звезды, ни луны; один живой свет зари, живой, но нетвердый на поверхности тел, отливался смешанно на темно-зеленом покрове обеих рощ. Он представлял дер. Завальную в каком-то жидком тьмо-свете и не разливал своего мерцания ни на церкви кладбищенской, ни на бронзах могильных, тщетно приписывающих имена, которые раз навсегда померкли для времени. И что не померкнет у людей?

Я ехал шагом для того, что чертог солнца освещался огнями на линии моего пути, левее гумен Онисимовой. Какая малая дуга, на которой опочил лучезарный владыка своей подсолнечной между заката и востока! Если бы, подобно ему, властелины земные так же мало почивали на своих ложах, какой ужасный мрак покрывал бы историю человечества? Тут я думал о Чингисханах разных веков и весело смотрел на смиренные растения, подле дороги дремавшие: на **попутник**, тысячелистник, подмаренник, белую и красную дятлину и на другие, уже знакомые. В конце архиерейской рощи, куда постепенно заманили меня взгляды ботанические, я увидел прелестный по виду и благовонный по запаху сибирский **салеп** (*Gymnadenia Sibirica*); цветки сии, то персиковые, то бело-кисейные, благоухали, как курильницы ароматные, около кустарников или посередке трав. Куритесь,

* В широте Тобольска можно без метафоры называть *светлою неделю* время с 8 по 15 июня, когда дни бывают самые должайшие.

куритесь, прекрасные цветы, на чистой земле, которая суб-
ботствует под нестяжательным посохом владельца-пастыря!

Между тем, как я бродил по росистой траве в свите комаров, прикладывающих то к руке, то к уху, и следил растения от березы до березы, от кустарника до боярышника, хоры певчих пернатых продолжали, без условий музыкальных, свободный, романтический концерт. Без намерения, без надежды, а так, я долго поджидал, не покроется ли тонический разлад нечаянным финалом неподражаемого певца-классика. Напротив, только иволга брала несколько нот на певческий лад соловья*.

Лучи сквозь развесистые ветви берез проникли до меня с васильковым красавцем в руке (*Polemonium coeruleum*), я взглянул на Брегета, он подтвердил 3 часа, и солнце осматривалось уже на горизонте в своем великолепии. Вожденная минута просмотрена на небе, и мне осталось искать вознаграждения на земле. Поедем же к Ивановскому!

Теперь эта дорога представляется аллеею ландшафтною. Деревья различного возраста, различной вышины, разных семейств, разной физиономии, все они обвернуты в зелень если не в блестящую майскую, так в пребогатую, роскошную. Это такая драпировка, о которой не смеют и грезить в странах персиков и гранатовых яблок, где еще при улыбке весны все поражается желтизною, и где самые плодовые деревья цветут в наготе без украшений зелени. По ивановской дороге промежутки деревьев усажены сплошными зеленеющими кустами, которые почти сряду как бы вышиты пунцовыми розами, а там, где есть пустош, видите или лог, приятно выгнутый, или прозрачный перелесок, разноцветными растениями испещренный, инде же видите заодно со спесивым боярышником пышную калину, величающуюся цветами круглыми и блестящими, наподобие звезд кавалерских. Мне казалось, что если можно жить счастливо без мыслей, так на этом переезде требовалось для счастья одно только зрение. Спешите, спешите сюда, городские любители развлечений, в сетках, с завтраками, с самоварами и загляните в нестареющую Ивановскую рощу! Нет нужды, что про-

* Соловьи привозятся в Тобольск из Тюмени и Томска. Охотники увидят в приложениях сей книги известие о певчих птицах тобольского городского выгона под бук. В.

секи ее заросли, пруды высохли, великорослые березы местами вырублены, и пасущиеся млекопитающие унижают старое достоинство назначения; все она напоминает о былой красе своею вышиною и признаками садовой обработки*.

Чем ближе подъезжаю к подгорью, в котором скрываются монастырь и деревушка, тем более расцветает воображение. Два светлых креста — и ничего другого, два светлых креста, из-под горы возносящиеся немного повыше дороги, всегда шевелят мое сердце, как бывало шевелили его алтайские белки, издалека о чем-то сказывающие. Смотрите вправо! Вон утлая 70-летняя беседка, полная надписей и воспоминаний. Пока осенялась густыми соснами, по временам в ней бывали тайны размышления, беседы доверенности, и для чего бы не сказать, пирушки приятельские. Там же, где утром разматывалась, может быть, нить чистого, духовного созерцания, в вечеру при хохоте и беспечном разговоре пенилась бутылка игривого вина за ароматною наливкой.

Вон покляпая башня, мимо которой прошли сотни тысяч злополучных, осужденных законом**, и она все не тронулась в основании. Дай Бог здоровья душам, похожим на эту башню! Вон знакомые благородные кедры, прекрасно с просинью зеленеющие. Они осеняют ныне алтарь храма, некогда бывшего жилищем добродетельного Варлаама¹⁴⁰. Сродники ливанской фамилии¹⁴¹, удивительно, как они поражают образцовою прямизною, которую неуклонно удерживают во все времена года, скрывая зимою только деликатную, изумрудную оттенку. Малодушный, ползающий червь! Ты не смеешь взглянуть на их вершину, превосходно зеленеющую, и я тебе, низкому, прошаю во имя сана человеческого.

Перейдем мост и вскарабкаемся на глинистую гору, где, слышно, скрываются бродяги-грабители. Поделится платьем и советом, более сего не хотел бы я быть для них полезным. Радуюсь, очень радуюсь — помысел опасения покрывается припоминанием видения, случившегося на этой горе еще

* Ивановский Межугорский монастырь на 10-й версте от Тобольска по летней Иркутской дороге был за 25 лет загородною архиерейскою дачей.

** Счет не увеличен. Ибо в последние 15 лет прошло колодников до 100 тысяч, а в прежние 55 лет, полагая только по 2 тысячи на год, выйдет другая сотня тысяч. Жаль, что нельзя отыскать подробных перечней за 100 лет, дабы видеть, в каких обстоятельствах и от каких побуждений наиболее или наименее были преступаемы законы в России.

в моем ребячестве. Вон там, над Иртышом, в Татарской роще, раз застал мусульманина, среди могил стоявшего на коленях с брошенными к небу руками. Где эти благоговейные руки, и теперь мне мечтающиеся ниже ветвей березовых? Где этот друг могил, так усердно молившийся? Спустился ли он к почившим родным и спит ли под общим наметом их, или инде покрыла его тьма смертная? О, друзья крови, если вы еще живы в это утро, не походим ли мы на цветы, какие сегодня пришел я, как смерть, собирать в свою корзину? Так ли нам будет неловко на том свете, как цветам в травнике? Ведь я буду их сперва разглаживать, корни всполаскивать, провяливать, притискивать, потом укладывать, развертывать, пересматривать не 5 и не 10 раз.

Кстати, вот кукушкин сапожок, или кукушкины слезы (*Corydalis macranthos*), в прелестных формах, под прелестными красками! Если подумать об этих остроумных именах, вымышленных сельскими цветочницами, нельзя не по удивиться словарю наших *Ореад*¹⁴² и не сделать вопрос: для чего они в пригожих подарках весны видят слезы и в кукушке злополучную заколдованную деву? Вот деликатный вопрос, который относится столько ж к народной мифологии, сколько к истории простодушного деревенского сердца.

О, как я удалился от восхода солнечного! При всем, однако ж, уклонении от единства, могу ль не пожелать, чтобы добрые поселянки тех юрт и деревень, которые навещал я зимою и летом, увидели сего дня восход солнечный без слез и без грусти сердечной. Могу ль не пожелать, чтобы поселянки-матери не бросали своих птенцов на удачу за глаза, как делает печальная знакомка их, разбрасывая яйца по чужим гнездам.

ч

ХII

Развалины Куткинской заимки

Подчас бывает удовольствие осматривать развалины заведений, имевших всю известность. Старики любят посещать такие места, нередко из тайной гордости, что мы пережили предприятия многих, и что если бы основатели посоветовались с нами, то заведения их и теперь бы процветали; молодые, напротив, если являются на развалинах, так не для того, чтобы выставять свои

счета ума и опыта, а для того, чтобы везде распространять невмещающееся чувство своей юности. Для чего бы и не так, если пульс жизненный в подобных уклонениях не воспламеняется, и если румянец не отцветает? Ведь не всякому на роду написано быть Гракхом¹⁴³ или Юлием Цезарем, чтобы заботиться водворять колонии на развалинах какого-нибудь Карфагена¹⁴⁴.

Под влиянием ли стариковского побуждения, или того неугомного духа, который водит меня в 1830 г. вокруг Тобольска, я пустился 12 июля на Куткинскую заимку. Дорога была такая ж приятная, как и везде около города, по нагорной стороне. Веселые березники, деревушки беспечные, поля с наливающимися хлебами, луга, усеянные цветами, и особенно высокорослые кипрей (*Epilobium spicatum*), вдоль изгород и поскотин алеющие, или особыми займищами семейно красующиеся, пленяли меня, потому что давно я не видал подмосковных поместьев. Наконец, чрез 12 верст путешествия въезжаю в очертание былых ворот, вижу на одной стороне опустелые жилища мастеровых, на другой — разрушенные кладовые, далее развалившийся господский домик, далее внизу многоводный пруд с одним действующим жерновом, с потонувшею купальнею и с обмелевшими плотиками; далее, ниже плотины, вижу разные мастерские, следы ткацких, крупчатки¹⁴⁵ и кожевен. Вы думаете, что все тут развалины!

На горе между домиком и красивым портиком¹⁴⁶, в наружном размере уцелевшего, с колоннами в полуионическом вкусе¹⁴⁷, видны еще очертания искусственного цветника. Просеки и дорожки парка, доводившие до нечаянных положений (сюрпризов), теперь завалены лесом и поленицами дров. Аллея из акаций, продернутая по верхней черте косогора, вовсе исчезла. Я не видал заимки в цветущем состоянии, но видел ее лет за 20, когда заведения, в действии остановленные, удерживали свою целость, а сам владелец* продолжал оставаться в нерешенном состоянии.

* Генерал-майор Ф.Т. Куткин родом сибиряк. В Сибири не было до сих пор мануфактурного заведения, так хорошо устроенного, как заведения Куткинской заимки, но надобно сказать, что заведения эти погрешали против возможности многообразlichem занятием. Как можно было затевать ткань шелковых чулок.

Заимки сибирские суть то же, что земли, давно занятые, на которых бывают строения для жительства и хозяйства, особливо, где есть крепостные люди. Это дачи.

Ужели все тут, чтобы взглянуть на развалины, сорвать молча посреди их царские кудри (*Verbascum nigrum*), любоваться колокольчиками ультрамариновой краски (*Delphinium suneatum*) и ускакать домой без отчета сердцу? Нет! В собственных колокольчиках сердца отозвались те приветные речи, какими почтил меня лет за 40 благоденствовавший сын Сибири, те ласки и рассказы, какими он умел занимать своих гостей за хлебом-солью. Это опять развалины! Да что тут не развалины, когда и на могильном кресте владельца заимки, уже не борющегося и не поборовшего, лет 15 читают: *и прямизна тебя не спасла.*

Муж скорби успокоившийся! Если надпись, которую читают над воротами твоей вечности, написана кистью истины, то нам, живым, остается болезновать, что она переключается только с твоими развалинами, а не с твоими лилиями, которые унесли надеждами в чужой климат и которые отцветут не на своей земле. Пожелаем же, чтоб эта надпись сохранила покровительствуемое имя от забвения и надолго осталась уроком, какими чистыми, какими недрожащими руками следует носить кристальную вазу службы царской.

Ч

ХП

23 июля, с припискою

Какое одушевленное движение, какая общая жизнь разливается по всему Тобольску в этот день¹⁴⁸! Группы жен и девиц, по-дорожному одетых и сопровождаемых отцами семейств, старики и юноши, скромные дрожки и богатые колесницы, чепчиками и шляпками усаженные, все спешат на гору по первому зову колокола. Храм собора тотчас наполняется, и сонмам многочисленным приводится ожидать то на площади, то по краям горы. Кто не поймет святой цели ожидания и кто не оценит христианских чувств волнующегося на горе народа? Он слухом считает звоны, сближающие его с минутою ожидания, а взором стережет появления священных хоругвей.

Хоругви с пеленами наконец колеблются, пение духовное раздаётся вне храма, движение кипит по площади, колокольни оглашают воздух громогласною славою, и чудотворный образ Пресвятой Девы несется в напутствии первосвященника и всего духовенства. Все сливается в одно чувство,

в одно торжественное бытие, и необозримое шествие стелется по улице, по дороге за город, к Ивановской обители.

Тысячи являлись и проходили, пока мы стояли на балконе загородной роши в намерении поклониться святыне и смешаться в потоке шествия. Коль скоро икона поклонения, золотыми херувимами приосеняемая и знаменуемая хоругвями, приблизилась к нашему месту, невольно помечталось, не сама ли Приснодева невидимо грядет по земле в кругу благородных жен и непорочных дев, которые заранее обреклись посменно нести ее образ на нежных руках. Между тем, как по сторонам шествия молебствия походные отправляются для жаждущих, в средоточии несущемся не престаёт духовная песнь возноситься, и очереди прекрасного пола продолжают служить святому бременю, продолжают до тех пор, пока чудотворный образ не вступит в церковь обители. Пусть обрекающиеся служительницы всегда носят образ Пресвятой Девы в душах своих, пусть они, вдохновенные верою и любовью, споют нам высокую песнь, подобную той, какую воспела Мариам-пророчица со дщерями Израиля¹⁴⁹, пусть, но среди сего изливания пробежала во мне струя холодная. Что слышу около себя? Шепот духа времени.

Этот книжник тихонько подсказывает, что число вольнодумцев не так ограничено, как думают, что они и присутствуют в процессиях духовных, и входят в притворы храмов, и наружно молятся наравне с христианами. Что ж из того, я сам обращаюсь к духу времени? Не готовят ли они себе несравненно большей опасности, нежели какой подвергались бы рабы, дерзающие в чужом одеянии взойти в царские чертоги вместе с избранными подданными на званый праздник? Если бы действительно число вольнодумцев было велико, уж ли здравый смысл обязывал бы благомыслящую часть людей сообразоваться по условному уставу с большинством легкомыслия, нововведения? По мне пусть вся вселенная перельет свои заблуждения, свои свободные мысли в кумиры или в идеалы нового боговедения, я один омываю свою голову, дабы дух, в котором воплотилась необъятная идея Христа упование славы*, остался вовеки живою рукописью его.

Мудрецы века, уделите час от своих высокоумных занятий, не более, как час, и удостойте всмотреться в чув-

* Посл. к Колосс. Гл. 1, ст. 27.

ства, с какими прикладываются к образу Приснодевы, в продолжение обедни загородной, прощальной, если смею так сказать. Вольнодумец, лишь бы был чувствителен, едва ли выйдет отсюда без негодования на холодный деизм без смягчения в гордом самоведении, и если он еще поет, то может подарить нас трогательными сценами христианских обычаев. Что касается до меня, я также выхожу не тощ, ибо в душе своей несу набожную, статную, прекрасную незнакомку. Я видел, как она три раза падала к подножию иконы, три раза отиралась и не могла унять каплющих слез. После нее прикладывались сотни простолюдинок и крестьянок, но слезы незнакомки, я уверен, не затопчутся ногами христианок пеших. Точно не затопчутся! Они будут гореть с елеем в лампаде пред всевидящим оком.

Вот вам я приподнял один край пелены и показал только полдня! Но сколько протекло дней с 8 июля, с того дня, в который чудотворная абалакская икона вносится* в Тобольск при многочисленном стечении поклонников и поклонниц, приходящих со всех краев губернии и от подошвы Урала! Сколько протекло ночей, которые проведены избранными душами во храме в предстоянии духа и тела! Не новый ли Валаам, скажут с издевкою¹⁵⁰, является у нас для благословения тех, которых предает нареканию Валакдеист¹⁵¹? Но когда истинная вера скрытна, а неверие говорит за себя явно, пусть хотя ослица Валаамова проговорит¹⁵² виденную в полночь тайну святых; этого и довольно будет для назидания многих жаждущих. Истина не всегда прямо сказывается, как Самуилу, спящему во храме¹⁵³, как Невтону, лежащему под яблонью. Есть души пронизательные, души недремлющие, которые и в страшном реве сиамангов**, при восходе и закате солнца всегда воющих, слышат как бы повторяющийся глас вопиющего в пустыне.

* * *

П.П. После обедни мы пошли освежиться в старой беседке, где уже было довольно отдыхающих и поглядывающих на чайные приборы. Вскоре увидели идущую к нам же незнакомку, в церкви замеченную; ее называли в беседке

* Из Абалакского монастыря, отстоящего от города в 25 верстах.

** Из породы обезьян гиббонов.

приезжею Генеральшею. Одни хвалили ее красоту, а другие рассказывали о ее добродетелях. «Красота и добрая слава, соединенная в таком органическом теле, есть полная драма», — сказал один тоболяк с твердостью.

«Полно, благонадежны ли эти Магдалины, в коих не побывало еще седми бесов»¹⁵⁴, — спросил с дерзостью и с чухонским выговором рыжий человек, который в углу хлопывал по своему голенищу хлыстиком в такт.

«Да-да», — бормотал лекарь в очках с жидовским произношением и сам язвительно смеялся, поглаживая свою легавую. Недостаток речи всегда у него заменяется дешевым смехом.

Никто не успел изъявить досады ни тому, ни другому, как Генеральша уже приветствовала всех легким взглядом и с двумя военными кавалерами поместилась в беседке на особицу.

«Как мне всегда нравятся, — сказала Г., — эти старинные, полупрозрачные беседки с просвечивающими видами! Вот там еще мелькает большая река».

Кав. 1: Вкусы, как страсти, приходят к нам шутя. Старым нравятся убежища веселые, а молодым противные.

Кав. 2: Вот это-то и означает всегдашнюю нашу странность не любить себя в своих летах.

Г.: Слово военное! Можно ли не любить себя?

К. 2: Извольте посудить, любим ли мы себя в моем толке? Старики истертые ищут должностей или веселостей, молодые прячутся и думают думу, а детям мерещится большой свет, если взглянуть на кампанию их кукол. Впрочем, это вариация темы камарада.

Г.: Легкие пробы обоих камарадов становятся занимательным пассажем, мыслью светлую.

К. 1: Полно, не помутится ли светлая мысль, если взглянуть на нее поближе?

Г.: Например?

К. 1: Офицер, бросающийся на неприятельскую батарею, конечно, высоко себя ценит и высоко себя любит, но кому вздумалось бы утверждать, что подобный подвиг делается не в своем возрасте?

Г.: Явная ненависть к доброй мысли!

К. 2: Пример не в пример, потому что мужество не оставляет русских во всех возрастах.

Г.: В качестве судьи я не знала бы, кому из вас, господа, присудить спорное яблоко, но я сама не беспристрастна к одной стороне. Моя приятельница при расставании со мною твердила, что она со времени замужества вовсе разлюбила себя, полюбя мужа. Я смеялась и толковала ей в моей лекции, что она-то и любит себя до забвения, до восторга.

Нем. (На ухо лекарю): Слышишь, о чем толкует набожная Магдалина.

К. 1.: Сушая правда, ваше превосходительство! Когда изволите увидеть мою полковницу-сибирячку, не угодно ли будет и ей повторить ваш пересказ, чтоб она училась так же забываться, как приятельница военнопленная.

Т. (Смеясь): Образчик любезного бескорыстия мужей!

К. 2.: Странно, что иным мужьям нравится головной чад! Для чего бы не довольствоваться добродушием, испытанным свойством сибирячек?

Тоб.: Такой драгоценностью, на которую добрый муж мог бы променять все сантименты нарядные.

Г.: Я сама люблюсь свойствами и характером сибирячек. Так набожны и в беседе так скромны!

Нем.: От незнания света, ваше превосходительство.

Лек.: А может быть, от боязни обнаружить свою совесть.

К. 2. (К ним обоим): Для чего бы вам, господа, не поделиться своею светскостью и своею совестью? Или имеете и вы боязнь обнаружить ту и другую?

Г. (В ту же минуту посмотрев в лорнет на немца и лекаря, казалось, лучом диоптрическим вдавила одного глубже в угол, а другого заставила перевернуться в позиции): Действительно, надобно уважать здесь иностранцев, коль скоро они приносят подарки европейской образованности.

Тоб.: В Сибирь, Мл-я Гд-ня, стоит только приехать откуда-нибудь и кому-нибудь, чтоб иметь шаг впереди.

Г.: Так добродушны и уважительны!

Тоб.: Ныне, однако ж, с знатным числом пришлецов этот обморок проходит.

К. 2.: И Сибирь начинает смотреть на пришлецов в лорнет? Пора!

Г.: (Вставая): А твои глаза, милая крестьянка, давно прильнули ко мне, быть может, не без нужды.

Кр-ка: Ничего, боярыня. Не видала генеральши, так смотрю и не насмотрюсь.

Г.: В самом деле? Покажи же мне свою руку. (Кладет бумажку и уходит, подав руку кавалеру первому).

Кр-ка. (Перекрестясь): Дай ей, Господи, детей таких же добрых, как сама! Мне, замужней, грешно принимать благодать, я отдам бумажку невестке-солдатке и порадую бедняжку вестью, каковы генеральши.

«Ведь не все таковы», — сказали в голос в беседке. Тут застучали чайными приборами, и подносы заходили на при-волье.

Кого-то теперь злословит немец с хлыстиком, и кого-то осмеивает некресть с легавой? Почему знать, когда будут перестраивать беседку, не выдернется ли кто-нибудь из сегодняшней компании, который бы поохотился изображения двух собеседников поставить во впадинах новой беседки во вкусе кариатид¹⁵⁵, первых еще в Сибири.

XIV

Журнал лета

Июнь

Еще в те дни, как солнце стояло на горном месте северного поворота и любовалось своими дарами — от нежной гвоздички до благородного кедра, многие растения отживали свою весну. Сколько уже поблекло чашечек, венчиков, тычинок, пестиков, вообще цветков, которые были изукрашены с лучшим вкусом, чем сам Соломон во всей славе; и сколько еще разовьется новых подле состарившихся предшественников! Семьи растений во многом походят на семьи человеческие, так же свод небесный каждые сутки вертится над ними, как и над нами; так же дышат, питаются и растут, только умирают иначе. Умирают, оставляя залогом многочисленных поколений, а мы рано или поздно вымираем целыми родами, целыми царствами. Где род Кучума и Дежнева — последнего повелителя здешних правоверных и первого мореходца, обогнувшего угол чукотский? Но теперь не до людей, Бог с ними!

14 и 15 июня цвели *Mayanthemum bifolia*, *Galium boreale*, *Galium uliginosum*, *Silene nutans*, *Dracocephalum*

Ruischiana в изобилии, *Crepis tectorum*, *Ranunculus polyanthemus*, *Lychnis flos cuculi*, *Lychnis viscaria*.

19-го злаки озимого хлеба, дней за 10 колосившиеся, замечены в цвету, равно и деревья липовые (*Tilia microphylla*) цвели и богатели листьями и прицветниками. Спустя день, лесная земляника появилась в продаже, и с сих пор до самой осени будут лакомиться ягодами переменными.

21-го замечены растения: *Plervospermum Uralense*, *Carum carvi*, *Prunella vulg.*, *Lathyrus pratensis*, *Myosothys arvensis*, *Hypochoeris maculata*, *Nepeta cataria*, *Chrysosplenium alternifolium*, *Lychnis dioica*, а в медиц. саду *Fumaria offic.*

26-го появились в продаже огурцы с открытых гряд, а не из парников.

28-го сорваны в поле *Hypericum quadrangulare*, *Alectorolophus cristacgalli*, *Inutasalicina*, *Galium mollugo*, *Pyrola rotundifolia*, *Veronica spicata*, *Archangelica offic.*, *Veronica longifolia*, *Platanthera bifolia*, *Hernunium Monorchis*, *Orchis maculata*, *Gymnadenia conopsea*, *Convallaria majalis*, *Asarum evropeum*, *Chrysanthemum Levcanthemum*, который покрывал своими гребешками прочие цветы, и *Spiraea ulmaria*. Последнее растение здесь называется сибирским чаем, который за- пасается в это время жителями низшего состояния и также привозится в город на продажу крестьянками окольными.

Июль

Начало сего месяца есть торжество растительной жизни, знаменующейся полнотою, силою и богатством развития; стоит только взглянуть на липу, на акацию, уже обвевившуюся стручками. Злаки озимого зерна также наливаются. Все это есть следствие оживотворения, какое почувствовала земля с приближением солнца.

2-го по окрестностям красовались *Contavrea Scabiosa* в великом изобилии, *Geranium pratense*, *Potentilla pensylvanica*, *Trifolium Lupinaster*, *Trifolium arvense*, *Melampyrum pratense*, *Valeriana offic.*, *Lychnis githago*, *Pimpinella saxifraga*, *Galium Ruthenicum*, *Artemisia glavca*, *Campanula persicifolia*, *Polygonatum vulgare*, *Inula britannica*, *Equisetum sylvaticum* во множестве, *Carex viscaria*, *Scutellaria galericulata*, *Origanum vulg.* в изобилии, *Campanula cervicaria*, *Plantago major*, *Calamagrostis*

sylvaticum, *Lysimachia vulg.*, *Scirpus sylvaticus*, *Hieracium sibiricum*, *Cirsium canum*, *Achillea millefolium* белого и румяного цвета во множестве, *Tussillago farfara* также в изобилии, *Erodium Stephanianum* *Sonchus sibiricus*, *Inula Helenium* и в медиц. саду *Sinapis arvensis*.

12-го — *Thalictrum vulg.*, *Linaria vulg.*, *Heracleum sibiricum*, *Campanula glomerata*, *Convolvulus sepium*, *Ornithogalum minimum*, *Pedicularis palustris*, *Polygonum amphibium*, *Alchemilla vulg.*, *Artemisia vulg.*, *Paris quedrifolia*, *Asparagus offic.*, *Ledum palustre*.

19-го — *Tanacetum vulg.*, *Pimpinella saxifraga*, *Centavrea jacea*, *Centavrea phrygia* в изобилии, *Iris sibirica*, *Erigeron acre*, *Achillea ptarmica*. Если бы центавреа в эту пору не украшала наших окрестностей, можно бы сказать, что флора уже не печется о изящности и красе цветов. Да и какая в том нужда, когда вместо живописи, ласкающей одному зрению, мы в то же время увеличивали свои наслаждения лакомыми ягодами в непрерывающемся порядке: именно вслед за земляникой являлись клубника, морошка, княженика, голубица, малина, смородина черная и белая, черемуха.

21-го озимые хлеба совершенно дозрели, и с сего дня началась их жатва. Яровые хлеба также готовы под серп, и, следовательно, полное возрастание последних, начиная со дня посева, продолжалось 82 дня. Нынешние хлеба и сенокосные травы по засушливому лету тощи и не тучны*.

26-го — *Epilobium palustre*, *Nimphaea alba*, *Geum urbanum*, *Geum rivale*, *Gypsophila muralis*, *Solidago virgavrea*, *Lythrum salicava*, *Bidens cernua*, *Polygonum hydropiper*, *Calla palustris*, *Hieracium species nova*, *Medicago sativa*, *Gentiana Pnevmonanthe*. Последнее растение из семейства горечавок еще порадовало собирателя своею светло-синиею краскою.

Август

2-го собраны: *Sedum telephium*, *Rumex acutus*, *Evphrasia offic.*, *Erisimum cheiranthoides*, *Aconitum Napellus*, *Evphrasia odontilis*, *Artemisia frigida*, *Potentilla argentea*, *Potentilla anserina*, *Potentilla tormentilla* и в медиц. саду *Borrago offic.*

* Урожай ниворослей в Тобольском уезде, если губернские таблицы составлялись верно, выводится из 10-летней сложности следующий против посева: ржи — более в $3\frac{3}{4}$, пшеницы — в $3\frac{3}{4}$, овса в $4\frac{1}{15}$, ячменя — в $4\frac{1}{5}$, картофеля — в $4\frac{1}{4}$, гороха — в $3\frac{1}{4}$ и льна — в $2\frac{1}{2}$.

Сего дня после поворота солнечного видел я во второй раз вечернюю зарю без покрова облачного, в полной красе. Сперва по нижнему омету неба она разливалась в золотом цвете, потом через час алела бледновато и в 11-м часу вовсе потухла. Она бывает не меньше прекрасна и тогда, когда над золотую полосою нависнут густые облака; тогда-то кресты с куполами, перспективно достигающие груды синих облаков, представляются отлично живописными. Уже начинают на небе нашем сверкать звезды.

10-го — *Gentiana pratensis*, *Crepis pulcherrima*, *Anchusa offic.*, *Linum sibiricum*, *Veronica chamaedris*, *Aster tripolium*, *Vaccinium vitis idaea*. Сии и другие из прежних растений, у которых цветки были или бледно-желтоваты, замечались в конце августа.

К числу прежних плодов остается прибавить следующие ягоды: боярку, калину, шиповницу, рябину и медвежьи ягоды с жимолостью и крушиной. А клюква впереди!

Сентябрь

3-го. Несмотря, что бесцветность становилась общим характером развившихся растений и что сильный иней сего утра задавил огородную зелень, мне случилось еще полюбоваться трехцветною фиолью (*Viola tricolor*), на открытом воздухе сохранившею всю нежность органов и всю свежесть красок.

Еще раз я ездил по окрестностям городским и видел вновь возникающие поколения весеннего лютика, гребешков и попутника. Мне попалось на глаза растение, прежде не замеченное, хотя оно зеленело во множестве. Г. Шукин, признавая в нем *Galium*, не решился без цветка наименовать мою находку. О, как желал бы я дожить до нового августа, застать этот подмаренник в цвету и привить бессмертие своего имени к так плодовитому и вечному семейству.

Зелень по земле все еще свежа, но нельзя не видеть, что мантия лесов вообще оказывается поношенной и в пятнах. На берегах зеленеющих видны большие крапины желтизны. Листья на боярышнике порыжели. Осинник покрывается киноварью. Папоротник свернулся и побурел. Верхушки кипрея, некогда так прелестного, обмотались своею хлопчаткою и т.п. Давно ли тьма-темь кузнечиков гремела, по сторонам дороги звучное стокато на вкус Хандошкина, но теперь все

смокло. Нигде на деревьях не слышать веселого отголоска весенних певцов, только и слышишь молотки дятлов, постукивающих около лесин. Муравьи, эти труженики и соревнователи добрых поселян, спрятались со своих террас. О, какая глухая, дичающая пустыня раздвигается вокруг города!

Я видел молодого крестьянина с собакою без ружья, с одним силком на шесте, обманывающего белку, а белка ловца. То, растянувшись вдоль по ветви, притаивалась она, то при подъеме силка перепрыгивала на противное дерево. В пустыне осенней — и такое красноречивое иносказание!

Эта широкая пустыня хотя и не всегда осенняя, давно расстилается около меня. Там и там вдали разноместной я вижу несколько мыслящих человек, они мелькают, как песчинки, по туманным краям пустыни. Я чувствую их и в печали, иногда улыбкой просияющей, кличу: «Сюда, сюда!» — и не докличусь. Так-то глохнет звук мысли и дружбы в пространстве безлюдном!

XV

Осеннее равноденствие

Она прошла сегодня еще при румянившейся на востоке заре! Издалека слышал я важную поступь ее и, зевая, смотрел на благородное лицо, полное девственного равнодушия. Она прошла насквозь через мой садик в мантии лимонного цвета с зеленеющими по подолу травками, в головном покрывале, с выпусками веселой глазницы и прекрасной скирды (*Evphrasia odontilis et Crepis pulcherrima*). Деревья садовые при проходе ее колыхались и сыпали под ноги листья, будто бы в мед обмакнутые. От бессонницы и, быть может, из любопытства я последовал направлению осени к югу: она была уже в рощах и в 6 часов утра почтительно обнималась с родителем света и теплоты под завесой кошенилевого облака, по краям облитого золотом. Неравнодушно смотрел я на третью деву солнца¹⁵⁶ и на самое солнце; смотрел и видел то ее ширинку шафранного цвета¹⁵⁷, брошенную на ветви, то соломенную корзинку, висящую с северными пунцовыми ягодами, то золотые лучи, играющие в оранжевых листьях осинника. Беспечные чижи, чечеты, синики, собирающиеся восвояси зимние, летали вереницами с деревьев на деревья, как

бы в честь гостыи. О, время, ты еще все красивее меня! О, осень, ты уже не сестра моя! Природа, и ты не мать мне! Точно так я другого, высшего, а не вашего поколения, ибо и под куржаком горит в голове моей огонь неугасимый.

Воротимся же в город, сказал я в себе. Ведь везде осень сегодня (11 сентября). Везде солнце восходит и заходит в один такт, нет не такт, а в одну цифру часового круга. Первый утренний и последний вечерний луч сегодня загорается и гаснет, одновременно, на ели березовской, так и на пальме оренокской. Не больше и не меньше, солнце освещает сегодня и зевающего князя Обдорского¹⁵⁸ и задумчивого Боливара на берегу Колумбии¹⁵⁹. Курящиеся ласипы¹⁶⁰ сопки Авачинской и Жорулло* сегодня озаряют свое небо одинаковым уроком времени.

Возвращаюсь в город. Схожу с дрожек в Пиляцкой и поворачиваю на луг по направлению к Соляной каланче. Иду против солнца и вижу, что луг, как и нагорное поле, за несколько минут виденное, отливает также желто-зеленым, восчаным цветом. Это не новое, но есть нечто и новое. Между каланчой и соляным магазином заиртышные деревья, с другой точки едва заметные, показываются здесь в игривой обрисовке и в прозрачной рассадке, а при корнях их будто бы разливаются воды. Я обрадовался находке и посвящаю ее памяти осеннего равноденствия. Это не то, что видают на равнинах Африки и Египта; все, однако ж, видение светящееся, оптическое**.

Но dokonчим день равноденствия запросто. Под вечер навестил меня скромный П., и первый вопрос ему: видел ли он осень-красавицу?

П.: Даже наслаждался ею в полдень, притом в кафтане, потому что полдень был майский.

Х.: Как поутру была она свежа, румяна и полна! Древние изображали осень, как подругу грации, а незнающие

* Жорулло на западе от города Мексики.

** После я имел случай многократно увериться в неизменяемости оптического видения с известной точки зрения и притом до полудня. Луг городской в данном направлении простирается версты на 2, и посредне его есть перелом или возвышенность, на которой уже исчезает кажущееся видение. Следственно, глаз обольщается от преломления и отражения лучей по причине выпуклости луга, отчего видимые предметы и становятся выше и игривее.

Сибири, представляют нашу осень не лучше Сократовой Ксантиппы¹⁶¹. Можно ли, чтобы при равенстве кисти разность широты могла делать такую разницу в изображениях?

П.: Мне неизвестно, плавали ли облака осенние, облака дебелие, навислые в широту тех древних, которыми выдуманы грации и горы¹⁶²?

Х.: И вам думается, что покрывала атмосферные такого-то колера прибавляют тяжесть головам чистым? Да разве мысль поэта или писателя не может быть свободна, светла и среди туманов? Разве Державин пел осень под облаками флеровыми¹⁶³?

П.: Зато, надобно же сказать, Державин и спел осень русскую, а не подругу грации. Как можно забыть, что даже весенние наши облака, облака прозрачные, высоко в синеве плавающие, расширяют мозг и придают какое-то парение. Ничего не видя, радуешься при мартовском равноденствии.

Х.: Но помните ли, когда прошлую осенью были мы в Онисимовой и как среди параллельных скирд — длинных и высоких, представляющих открытую галерею, будто бы под небом баснословных гипербореев, мы читали и сидели на ворохе свежей, недавно обмолоченной соломы? Можете ли из мартовских прогулок, когда видите только сиротскую наготу да белый повсеместный саван, припомнить подобный перипатетизм ученого вкуса, подобную роскошь умного жителя? Но отложим спор о временах, которые приходят и уходят, как гости. Посмотрите лучше на вечерний океан пламенного света, а влево на серебряный серп! Помиритесь и полюбуйтесь, в каком благородном расстоянии луна держится от закатившегося светила!

П.: Бесподобно! Только жаль, что при таком нарядном зрелище нельзя без свеч пользоваться чтением, а времени не более $6\frac{3}{4}$ часа.

Х.: Да, $6\frac{3}{4}$ часа до полудня делают $12\frac{1}{2}$. Довольно, очень довольно еще божьего света и для жадных молодых глаз, чтобы начитать и насмотреться. А то еще не в счет, что теперь смотрим на прекрасную полосу, по низу неба алеющую. Знайте наперед, что она перейдет в темно-малиновый цвет и потом уже потухнет; это сбудется не ранее $7\frac{3}{4}$ часа. Я занимаюсь подробностями вечерней зари для того, что постепенности ее удивительно как соименны и созвучны с жизнью человеческой.

П.: В том, конечно, смысле, что когда потухнет пышный человек, вынесут его так же под темно-малиновым покровом?

Х.: Уж ли прекрасный закат равноденствия стоит только оборота жестокого, сатирического? Я бы не позволил себе подобной остроты и потому, что видение зари согревает самый холодный грифель математика*.

XVI

Тобольск в разных отношениях

Урок, какой предположил я себе для занятий загородных, весь пройден по мере средств и сведений, а между тем подоспела и северная суббота растительных сил. Два великих работающих семейства растений сдали природе живые семена будущих возрождений, или обвив их в тонкие плевы, или запечатав в нарочитых хранильницах, а сами опочили в вечном лоне первобытного творческого глагола: да произрастит земля¹⁶⁴. Верно и непреложно, что земля произрастит все нарицаемое и в грядущее лето, хотя она с 1 октября замерла и оделась снегом. К сему видимому явлению присовокупим, что через 9 дней и Иртыш подернулся льдом. Обратимся же на досуге еще раз к судьбам самого Тобольска и посмотрим на него с прочих сторон.

1. В отношении государственном

По завладении Кучумовым ханством в 1581 году станоме сбродных казаков, оставаясь владыкою робкой страны, не приняло имени Искера, резиденции ханской, а назвалось *Сибирью* вместе со странюю. Ермак-завоеватель погиб; к счастью, оставалось на месте одно уstraшенное безначалие варварства, доколе новая дружина казаков, предводимая законным старшиною, не явилась на старом устье р. Тобола. Тогда родилось имя *Тобольска*, и Тобольск был как бы станицею; он вскоре перенесся с устья на гору в свое деревянное укрепление. С прибытием первого воеводы, в лице которого надобно разуметь и правителя, и военачальника, город сделался военным лагерем обороны и расширения державы, также расправы и сбора ясачного. Тобольску предле-

* Речь сия относится к тому, что вычисление времени, когда бывает самая кратчайшая заря в той или другой широте, считается в математике важною задачею и важною выкладкою.

жали важные подвиги в стране, по сказкам знаемой, но неизведанной: то направление завоеваний к р. Енисею, то решение споров между северными городками и острогами о праве, кому, где собирать ясак; то неприятели, оживавшие в лице четырех сыновей откочевавшего Кучума и союзников их ногайцев, то мятежи татар, волновавшихся к юго-востоку в надежде на пособие джунгаров, то бунты вогуличей на западе или остяков на северо-западе. Среди толикой борьбы, начавшейся с 1600 года, когда бы надлежало уже пользоваться плодами дешевого завладения, Тобольск следующие 25 лет проводит на страже и в боевом порядке, пока остальное гнездо Кучумова сына, последнего хана, не взято у *Семипалат*, пока предок исторического Контайши, хана Джунгарского, и другой предок владельца торгоутов (живших после между Яиком и Волгой) не присягнули на подданство России. Воеводство Тобольское, окупив свое водворение ценою воинской деятельности и, уверясь в тишине соседей, бросает любопытный взор на Алтын-хана монгольского и обсылается с ним больше для показу и разведывания, чем для убеждения его к подданству.

Толь скользкое положение дел, независимо от учреждений и обычаев века, должно было присвоить сибирскому воеводе и всем его преемникам характер военного управления; и оттиск сего характера гравировался впоследствии времени тем смелее, чем пространнее становилась рама Сибири. Произвольные и бесчисленные заточения изгнанников в страшное десятилетие *слова и дела* более уполномочили сибирских губернаторов в широте власти. Так и продолжались двести лет Сибири русской! Так и жили наши предки, о которых история может то же сказать, что сказал некогда в Вифсаиде евангельский слепец: «*Вижу человека, яко древияходящия*»¹⁶⁵. Истинно сибиряки тех времен ходили на деревья, не могущие со своих листьев спahнуть и личинок, которые их пожирали.

Сибирь, в состав которой тогда входили большие отделы двух западных губерний, ныне называющихся *Пермскою* и *Оренбургскою*, разумелась, кажется, у самого правительства колониею и управлялась действительно как колония, потому что следствие, суд и исполнение происходили в губернской канцелярии¹⁶⁶, где слово губернатора было приговором

неоспоримым*. К печальному предупреждению тогдашних жителей, что *Сибирь не Россия*, немало содействовало и установление особой медной монеты с чеканом двух стоячих соболей под сибирскою короною; и монета сия, как бы в подтверждение отдельной самобытности, не имела обращение на западе Урала далее Ачитской крепости, как границы сибирской**. Беда была не в том, что монета запертая переливалась в домовую посуду, а в том, что когда сибиряк не имел никакого понятия о правах местной власти, а власть не признавала других прав, кроме своих, почетный чекан страны вдавливал в его душу не впечатление гордости, а безутешное уныние. Счастливый потомок поймет ли ныне, как тяжело было предку его или выносить, или в другом сердце измерять безотрадные **ЧУВСТВА**, какие подразумеваются в смысле народной пословицы: *до царя (де) далеко, а до Бога высоко?*

Открытие двух **наместничеств**¹⁶⁷, слава Богу, сделало Сибирь недалекою от царя и верховного правительства. Озаренная светлым понятием о властях, ясно определенных во всеобщем, классическом Учреждении для управления губерний и обрадованная человеколюбивым наказом философического пера, Сибирь-сирота наравне со своею матерью увидела для всякого подданного законную защиту на суде и покровительство в особе наместников. С 1782 г., с сей благодатной эпохи, когда созданы многие новые города, как поручительства труда и людскости, когда правосудие, дотоле **воеводское**, стало изрекаться в приговорах, с законами соображаемых, притом с правом переноса, или под опасением протеста от особой блюстительной власти,

* Все это было, так сказать, *накануне* открытия наместничества в Сибири, после чего мнимые дворяне променяли свое имя на право вступления в службу. Кстати припомнить, что тогда же исчезли в Сибири *дети боярские*, вероятно, причислявшиеся к тобольской митрополии. Помню, однако ж, что в 1815 г., когда я был по делам службы в Якутске, еще попался там рядовой казак, писавшийся из детей боярских.

** Подобное явление, нимало не зависящее от учреждений, замечается ныне над серебряною монетою, которая вовсе не имеет хода в народных руках по Сибири, начиная с границы Вятской губернии. Чему это приписать? Изобилию ли медной монеты и мелких бумажек? Органиченности ли сделок между жителями низшими, или отсутствию предметов роскоши, в другом месте невзначай обязывающих к карманным расходам, или доверчивости гостиного двора к покупщикам? Если взглянуть поточнее, не правильнее ли изыскать этот вопрос безнаследственностью родовых имений в Сибири, неделностию рук и, следовательно, бездежностью карманов? Это согласовалось бы с практическим замечанием, т.е. с медленным сбытом товаров для потребления. — С.

когда уполномочились съезды поселян в города на торги, когда крестьяне стали обмениваться на понятия публичные и толмачить о значении властей и цели обществ, когда дети простолюдинов знакомились с училищами, по наилучшему способу образованными, и когда всякому нравственному существу даны право и сила действовать в общей жизни человечества, с сей умственно-политической эры Тобольск сделался одним из четырех наместнических городов. Казалось, что древний город, гордившийся властью своего начальника, из руки которого некогда неслись грозные предписания то в Камчатку, то за Урал, утратил в обширности влияние, но с органическим устройством губернии и уездных городов¹⁶⁸ не мог он не почувствовать новой живости в гражданской жизни и быстроты в самой промышленности. Старая торговля, конечно, не возвратилась к нему, но она давно и рассталась с ним, потому что основывалась на ложном порядке, на взимании внутренних пошлин, также на преграде сообщаться с большими торжищами и на старом вкусе к китайским шелковым изделиям. Сведем счеты и заключим, что когда впоследствии времени наместник предпочел иметь свое пребывание в Перми¹⁶⁹ и когда Тобольской губернии надлежало по порядку зависимости обращаться за Урал, в умах нашего края нечувствительно отстоялась новая уверенность, показалось, что Урал упал, что между Тобольском и столицей открылась равнина. Понятия возносятся сами собою.

Я не могу расстаться с событием тобольского наместничества, чтобы не примолвить несколько слов, может быть, лишних. Оно врезалось в моей памяти небывалою торжественностью открытия¹⁷⁰ и новым содержанием оды, поднесенной наместнику¹⁷¹, равно и замысловатой речи, говоренной ему ректором семинарии¹⁷². Захотят ли дослушать, как все это ожило недавно в душе? Лет за пять встречаю в Тобольске невестку того наместника¹⁷³, который при важных занятиях преобразования края, верно, принимал равнодушно и поэзию, и витийство муз зауральских. Встречаю ее, как странницу, просящую подаяния в пособие злополучному ее сыну¹⁷⁴. В самую минуту, как она изъясняла свое положение, я невольно взглядывал то на нее, то на огромные развалины наместнического дворца, из которого знаменитый тесть ее за 43 года смотрел на великолепное освещение и на прозрачную картину, и как недалеко он видел!

С 1797 г. высшие лица управлений упразднены¹⁷⁵, и Тобольск остался в своем отдельном круге, на общем основании губерний, без идеи о высшей степени посредничества у престола.

С началом нового столетия и нового царствования и с переходом к современным идеям¹⁷⁶ монарх в 1802 г. по высоким соображениям признал за благо разложить бремя государственного управления на разные рамена министерств; и сей же органический дух, усматривая непобедимые трудности от отдельных управлений в отдаленных краях, прибегнул в прежнему началу сосредотачиваемой доверенности. Почему Сибирь в 1803 г. и вверяется одному блюстителю¹⁷⁷, но и сей порядок, как оказавшийся неравносильным или недовольно определенным, сам собою не оправдался, что и подтверждается долговременным отсутствием сибирского генерал-губернатора¹⁷⁸.

В 1819 г. был человек послан свыше¹⁷⁹, и имя его (кто забудет имя М.М. Сперанского¹⁸⁰?) останется незабвенным в летописях всей Сибири, потому что обдуманное благорасположение к особе человека и делами засвидетельствованное есть сочувствие любви общей и славы. Три года своего управления провел сей государственный мыслитель в усмотрении, соображении и в систематическом начертании законной книги для управления страны обширной и истинно достойной благоустройства. Правительство услышало чрез проникательного посредника важные истины и в мудрости своей издало в 1822 г. особое Учреждение для благоденствия Сибири¹⁸¹. Учреждение, стеснив пространство личного самовластия и обуздав страсти подчиненных властей преградами надзора, утвердило в стране на двух ее краях две высшие силы восстановления и возвания ко благу, два высшие покровительства у престола. Таким образом, Тобольск сделался средоточием западной половины края, местом двух совещательных советов и военною главою для всей Сибири¹⁸². Очевидно, что город выигрывает от прибавочного приумножения капиталов, какие обыкновенно являются вслед за усиленным продовольствием и за другими потребностями светскости. В самом деле, город до 1822 г. старившийся, или по крайней мере опустившийся (хотя купечество его и не роптало на кяхтинскую торговлю), ныне обновляется во внешнем поклазе, строится по лучшим чертежам и, вероятно, улучшит гнилую почву, на которой так давно сидит и страдает физически.

Счет жителей обоего пола должен простираться не выше 20 тысяч, а счет домов — до 1900, если не более. Каменных церквей 17, не считая двух крестовых при доме архиерейском и одной при тюремном замке. Заметим и то, что все приходские церкви внутри украшены благолепно, а кресты и маковицы храмов блистают позолотою. Такого благочестивого усердия со стороны жителей не видно ни в одном из сибирских губернских городов, хотя Тобольск давно не в числе мест торговых. Сии черты христианские вносятся сюда для того, что страна христианская, как Сибирь, должна считать сии народные выражения за истинные основания своего политического бытия. Что радостного, что общественного было бы тогда, когда бы распространяющийся эгоизм, замкнув богатые сундуки, твердил таким же окованным хозяевам, как сундуки, отливать сияние сокровищ не выше своих мезонин и не далее своих оконниц?

Вот сокращение изменений главного зауральского города! Согласимся наперед, что формы управлений в правительстве отеческом, где не могут они быть стеснительными или макиавеллическими¹⁸³, редко действуют на жизнь народной промышленности, которая пусть и живет своею свободою и собственным смыслом; согласимся с агентами светскими и в том, что не всегда от сдачи добрых карт, а от характера и благоразумия тех, кто и как играет, зависит удовольствие игры, и потом спросим: будет ли Тобольск богаче и торговее, когда окончательно устроятся степные округа и заселятся трудолюбивыми переселенцами? Будет ли он общим местом сибирского просвещения, или не иначе, как в средоточии страны откроется университет, под который в 1803 г. положен был первый камень благородною рукою Демидова¹⁸⁴? Как бы ни содействовали судьбе города начальственные распоряжения, но с естественным тяготением людей к местам умеренной температуры и плодородной почвы он никогда не взойдет на степень значащей населенности и должен сочесть себя счастливым, если, поняв свой клад в водах обского лимана, улучшит соление обской рыбы и икры и распространит продажу сих продуктов далее в России, не ограничиваясь Уралом.

2. В отношении археологическом

Если б надлежало коснуться Тобольска в отношении обширно-археологическом, я бы заметил две важные древности:

одну, что горсть казаков и другая горсть промышленников, сии, так сказать, пригоршни были рассыпаны от Урала до Камчатки и в 250 лет произрастили с другими прививками миллион шестьсот тысяч жителей; *другую*, что в этом долговременном и сложном поколении, ежегодно подновляемом еще всяческими прививками, неизменно продолжается первый стяжательный дух завоевателя, как физический толчок, сообщенный ряду упругих шаров. Может быть, мысль, что с поездкою в Сибирь идут впереди лишения светской жизни и приятностей, невольно опиралась в душе на **предусматривание** будущих вознаграждений, чему надоумливает и беззащитность местных жителей. Может быть, и сами жители, прежде с избытком довольные, задабривали своих начальников приношениями, дабы привлечь покровительство к своим безвестным лицам, но что стяжательность была нравственно-древнее в Сибири, поверье, нетрудно бы подтвердить это как **последованием** начальников, которые недаром не были надолго оставляемы царями при кормиле Сибири, так и другими прещениями позднейшего правительства, в разные времена гремевшими против старого духа. Но я ищу в Тобольске только вещественные остатки древности и сему материализму археографическому жертвую **многими*** драгоценными воспоминаниями, в числе которых были бы первые имена двух иерархов XVIII столетия: митрополита Иоанна Максимовича и архиепископа Варлаама¹⁸⁵. Погрешил бы я, впрочем, против радости христианской, если бы смолчал о мужах евангельской жизни, о мужах, которых память продолжают чествовать и потомки их паствы*.

В обыкновенном археологическом понятии старший памятник Тобольска есть сам Тобольск. Он основан в 1587 г. Внутри нагорного укрепления, сперва деревянного, потом замененного каменною зубчатою стеною к площади на север, была Троицкая церковь, каменная ж, но при расшире-

* М. Иоанн, от жителей чествуемый донныне панихидами, известен также и богословскими трудами, которые в свое время были в печати. Он архиепископствовал с 1711 г. по 10 июня 1718 г. Архиепископ Варлаам, достопамятный евангельскою душою и праведною жизнью, архиепископствовал 1769 по 1803 гг. Он был брат Гавриила, Санкт-Петербургского митрополита, которому Екатерина II посвятила перевод Велизария Мармонтелева. Гавриил, сверх ума и уважения своего времени, славился краткими приветственными речами, самодержнице **говоренными**. Мысль и тонкость были характером их. Я увлекаюсь примолвить, что сей архипастырь известен и ныне своим благочестием в общежительных российских монастырях.

нии дворца наместнического разобрана, а стена крепостная разломана.

Прочие древности, в «*Письмах из Сибири*» упомянутые, суть следующие:

1. На двух колокольнях тобольских два колокола: один угличский с годом 1593-м, привезенный в заточение за то, что при убиении Димитрия-царевича били в него набат, а угличане, смущенные звоном его, переселены в Пелым, как будто соумышленники звучного орудия. Мог ли вообразить хитрый министр смиренного царя, что он историю злодеяния сам делает так слышную? Другой колокол — амстердамского литья с годом 1699-м — неизвестно как достался в Сибирь.

2. В кафедральном соборе: а) крест серебро-золоченый, привезенный первым сибирским архипастырем, б) посох с именем патриарха Филарета, также митра и панагия, приложенные к концу XVII столетия.

3. Царские врата, в бывший женский монастырь, подаренные от имени царевны Софии; они окованы серебром.

4. Каменные храмы собора и Знаменского монастыря, постройкою относящиеся ко времени Петра Великого. Обе сии церкви суть четырехугольники с тремя выпускными к востоку дугами в копированном ломбардском зодчестве, чем Россия старая обязана вкусу итальянских мастеров, вторичных наших учителей после прежних византийцев.

5. Каменное здание над спуском горы между архиерейским домом и присутственным местом, выстроенное на трех арках с тремя крепостными воротами. Это была работа шведов военнопленных, из-под Полтавы пришедших. В сем здании помещается ныне губернский архив последнего времени, а не тот, из которого Миллер частью почерпал материалы для сибирской истории, потому что старый архив весь сторел вместе с городом от пожара, в 1788 году случившегося. Надобно добавить для будущей археографии, что общее злополучие, как обыкновенно случается в делах вековых, было начальным наставлением просторной расколотки улиц и правильной постройки домов.

Устраняя случайность, нельзя не поражаться всеместною археологическою мыслью, именно: если бы русскому вздумалось начать свое путешествие от гранитной горы, положенной в подножие Петра I Екатериною II, и идти вплоть до Камчат-

ки, до Берингова пролива или далее, везде бы на этом необъятном пространстве нашелся памятник и первого и второй, при котором бы душа путешественника могла отдохнуть и всладость размыслить. О чем еще размыслить? О том, что умный русский, о том, что вся ваша Россия и наша Сибирь по XIX столетие есть мир, сотворенный двумя венчанными главами. Петр, как творец, разлучил между тьмой и светом и явил новую твердь для России; разлучил между воды и воды и назнаменовал крепкую сушу и каналы, повелел быть войску и флоту, и они явились, как два светила в знамении в лета, а потом бысть вечер и утро. Велика была ночь между вечером первого и утром второй, но зато день ее был красен. Бог создал человека по образу и подобию своему, а Екатерина создала русского по образу и подобию человека. Не забывай, умный русский, что предки твои назывались до 30 декабря 1701 года холопами, а до 11 февраля 1786 года — рабами. Не забывай двух древностей, что славу России услышали в Европе при Петре, а имя человека услышали в России при Екатерине. Признавай помянутый день праздником, эрой и с нее начинай считать свое благоденствие, свою свободу.

3. В отношении промышленности

Представлять оборот промышленности края или губернии в числах есть самая льстивая проблема, всякий арифметик надеется решить ее легко, но пусть докажет приближительность решения. То, что выходит великим в итоге общем, показывается малым в раздроблении, хотя мнимое малое чаще бывает величиною истинною. Тут-то выкладчик поражается изумлением и снова увеличивает итог причислением итогов повторительных под другим каким-нибудь именем. Почему чем обширнее объем статистических таблиц, тем подозрительнее их достоверность; одно рассмотрение входящих чисел могло бы вести к правдоподобному вычислению оборотов. С сею недоверчивостью я смотрю на итоги промышленности, мало полагаясь на статистические таблицы, не всегда с достаточным разумением составляемые.

А. Промышленность рукодельная

а) Деление сей промышленности

Она делится в Тобольской губернии: на грубую животную, на грубую растительную и на грубую минеральную.

Грубая животная делится на рыболовную и скотскую. Первая состоит в летнем засоле на р. Оби*, а вторая — в салотоплении, мыловарении и кожевничестве.

Грубая растительная — в выделывании писчей бумаги, в прядении канатов и в выкурке хлебного вина. Последняя статья не войдет в наши итоги.

Грубая минеральная — в стекле зеленом и в делании винтовок. Ломка соли озерной также не войдет в итоги.

По заведениям всех сих делений местные искусства замечаются в самой нижней степени, а потому и рукодельная промышленность Тобольска справедливее может называться посадкою. Такова промышленность и по всей губернии! Красная и черная юфть¹⁸⁶, тюменская или тарская, и полужелтое ялуторовское стекло не дают права на другое лучшее имя.

б) Величина рукодельной промышленности

Величина рыбного засола.

На первом судне, вмещающем до 42 тысяч разных рыб и засол икры, выходит по продажной в Тобольске цене на 13500 р.

На судах мелких — 10000 р.

На четырех туринских меньшей меры — на 20000 р.

Весь рыбный засол, не считая мелочного улова, выходит по всей губернии на цену 273000 р.

Величина скотской выделки на десяти заведениях в Тобольске — 83000 р.

На трех заведениях стекла и бумаги по Тобольскому уезду — на 22700.

Ружейного дела по тому же уезду — на 8000.

Следственно, из прочих царств природы, не повторяя итогов животного, выходит по Тобольскому уезду на 30000 р.

На 57 заведениях прочих городов из трех царств природы — на 711000 р.

* Для рыбной ловли отправляются на судах различной величины хозяева их с работниками на реку Обь и откупают у туземных остяков удобные берега, начиная с Березова до Обдорска и далее. Предприимчивость сего рода находится в руках промышленников березовских, тобольских и туринских; занимаются и крестьяне сим промыслом, но дело их, как незначительное, не входит в настоящее соображение. Суда, отправляющиеся на Обь в мае, возвращаются в Тобольск к половине октября, если не застигнет их заморозь.

От рыбаков стало известным, что иногда заходят в Обь и китовые породы. В 1817 году между Обдорском и Березовым появлялись дельфины близ рыбацких песков, и рыбаки были изумлены столбчатым извержением воды.

На 44-х заведениях уездных во всех царствах природы — на 98000 р.

Следственно, вся рукодельная промышленность губернии, в видных заведениях являющаяся, выходит на 1165700 р.

Присовокупляя к тому, что по всем сим заведениям употребляется годичных работников 680 да временных в рыбном промысле до 1100 человек и, кроме сего, не имея ни к себе, ни к другим столько доверенности, чтобы сметь высчитывать чистый доход, получаемый с поименованных заведений, мы покрываем сию статью общим замечанием, что рукодельная животная промышленность не выходит из переделки, определяемой указанием физического питания и необходимостью одевания, а чтобы завладеть ей искусствами лучшего преобразования в царствах растительном и минеральном, к сожалению, нельзя скоро ожидать успехов по причинам, вообще известным. Почему и заключим статью совместным доброжелательством:

1) чтобы промышленники рыбные, если хотят следовать вкусу потребителей и с тем вместе распространить продажу своих промыслов, убедились в необходимости приобрести искусство засолов;

2) чтобы тобольским капиталистам, везде вытесняемым из пограничной меновой торговли, пришла, наконец, добрая мысль приняться в сотовариществе за большие приморские промыслы в Обской губе; и

3) чтобы в южных уездах, где родится прекрасный лен, вместо винокуренных заводов, угрожающих там опустошением лесов, равно и вместо приисков золотоносного песка, донныне не удающихся ни в Курганском, ни в Туринском уездах, подумать о ткацком искусстве для полотен большой ширины.

Б. Промышленность торговая

а) Направление ее

Источники торговли собственно тобольской и всей губернской могут быть рассматриваемы:

по закупке сырых товаров в губернии, также на ярмарках Ирбитской и Нижегородской;

по участию в кяхтинской меновой торговле;

по участию в мене на линии сибирской от Семипалатинска до Троицка;

по закупке красных товаров в Ирбити, Н. Новгороде и Москве;

по продаже лавочной в городах и на уездных ярмарках.

Именуя одни пути движений торговли внешней и внутренней, я бы мог только сказать относительно первого: положение тобольских торговцев на спорном кяхтинском поприще, где состязаются ныне нарочитые капиталы российские, уменьшилось в последние годы и в счете, и в величине.

б) Рассмотрение статистических итогов внутренней торговли

В таблице Г. торговый оборот г. Тобольска написан в 509370 р. Если разделить сию сумму на число жителей обоего пола, то каждому лицу довелось бы быть потребителем на 26 р. $60\frac{1}{2}$ к., разделяя же на число домов, каждый дом издерживал бы 268 р. Оставим сих делителей и по способу другой вероятности попустим проживать в год пятидесяти духовным лицам по 500 р., 105-ти осьмиклассным чиновникам — по 1500, а 149-ти купцам — по 3000; тогда увидим, что одни сии лица, кроме прочих чиновников и мещан, могли бы своими расходами не только поравняться с итогом таблицы, но и превзойти его сотнею тысяч. Что же сказать о статистической таблице?

По первому положению происшедшее среднее число дает обывателю с женою возможность покупать из лавки на 53 р., да удвоив надобность покупки из земледельческой промышленности, надлежало бы этой городской паре иметь для годовых издержек запаса денежного 159 р., сумму весьма возможную при малом труде или при маловажном ремесле. По второму положению происшедшее среднее число заставляет сомневаться в общей возможности, потому что надлежало бы каждому дому расходовать еще на покупку из земледельческой промышленности, по крайней мере, столько же, сколько на лавку. По третьему положению явно выказывается невозможность. Следственно, рассматриваемый итог таблицы может в силу первого положения быть признан за вероятный, но с тем изъяснением, что не следует в нем подразумевать ни привоза земледельческих статей в город, ни лавочной покупки со стороны окольных земледельцев, а при смешении всего итог вышел бы ложен и не согласен с опытами. Следственно, рассматриваемый итог погрешает в недостатке.

Возьмем итог торговли, показанной по Тобольскому уезду в 30 тысяч рублей. По числу жителей обоего пола выходил бы на каждое лицо участок в торговле на $49\frac{1}{2}$ копеек, участок невероятно малый; по числу же домов участок сей поднялся бы до $3-16\frac{1}{2}$ к. В обоих положениях средние числа оказываются равно недостаточными, потому что в каждом из них изображается частное число, происходящее из двоякой суммы и лавочных, и земледельческих статей. Но так уменьшенное участие в двояком торге совместно ли с известностью о промыслах крестьян Тобольского уезда, пользующихся из озер обильною продажей свежей рыбы и получающих каждую неделю за дрова, за деревянные поделки, сено, рогожи и пр., и пр. хорошие деньги? Не забывая притом укоризны, что они слишком радеют о кассе питейного откупа¹⁸⁷, все утверждать должно, что второй итог таблицы написан без основания.

Если взять из таблицы итог внутренней торговли всех городов, кроме Тобольска, то выйдет среднее число, по которому каждый посадский и без жены давал бы движение торговле в $44\frac{1}{3}$ рубля, но такой достаток уездных граждан, превосходя вдвое досужество граждан губернского города, был бы по одному сравнению несбыточен. Из чего явствует, что или итог таблицы преувеличен, или перемешан с другими ветвями народного богатства, т. е., кроме торговли лавочной, надобно подразумевать земледельческую домашнюю и земледельческую в соседственные губернии. Догадка последняя подкрепляется переездами сопредельных жителей в торговые по городам дни.

Возьмем в последний раз из таблицы сумму общей губернской торговли, за исключением городской, и припомним, что та сумма = 2715000 рублей. Разделяя сей итог на число деревенских домов, досталось бы каждому дому участвовать на 30 р. 36 к., а разделяя на число тяглых душ, т. е. на $\frac{3}{5}$ всего мужского крестьянства, довелось бы тяглою душе иметь долю в обращающемся богатстве на 17—20 копеек. То и другое среднее число может представляться умеренным и даже уменьшенным, когда вообразим в каждом из них двойную или еще тройную торговлю, как недавно замечено.

После дробных рассмотрений присовокупим, что крестьяне обыкновенно ездят на сельские ярмарки не иначе, как

везут с собой статьи продажные, которые бы содержались в покупаемых статьях больше или меньше. Уездный торг губернии есть подобие мены азиатской, из чего и рождается еще вопрос: в каком смысле пишутся в губерниях статистические таблицы земледельческой торговли? В одном ли итоге покупки, или в цельности взаимной мены, подобно как при покупке дома, проданного за 5000 р., представляется на обеих сторонах — и продавца, и покупателя — по пяти тысяч, но у правительства записывается сделка в 5, а не в 10 тысяч. Если бы надлежало высчитывать торги уездные в сем смысле, а не изображать всю наличность обращающегося обменного капитала, то не должно ли сбавить половиною итоги уездные?

Из всех прикинутых проб явствует, что статистические таблицы внутренней промышленности: 1) пишутся не в порядке понятий, или без всяких понятий о предмете, по сказкам, на удачу; 2) объемяют обороты то смешанно, то раздельно и 3) в ту минуту, как хотелось бы вам знать итог торговли гостинодворской, невзначай подкладывается итог земледельческий, и напротив. А дело в том и состоит, чтобы различать торговлю мануфактурную от земледельческой, дабы наблюдателю найтись окинуть круг мануфактур и способности покупателей, сильны ли последние по количеству требования, нуждаются ли или прихотничают? Иначе же, какая польза в итогах, когда они сказывают число, а не прогрессию к повышениям в способах к богатству.

Впрочем, здесь место признаться, что нелегко учитывать торги уездные, когда известно, что крестьянин может совершать свою сделку у ворот или на полатах избы. Сами ярмарки уездные, как колеи одних и тех же колес, попеременно вертящихся по разным торжкам не одной даже губернии, не могут быть показателями богатства губернии, а только бывают слагаемыми числами места и времени. Так точно весною видят разлив реки на такое-то расстояние, но из каких источников и в какую именно меру вода прибыла, определить невозможно. Все убеждает нас повторить, что числовые выражения народного богатства, изображаемые грифелем скорописцев и неповторяемые ученою методою, часто бывают обоюдными логогрифами¹⁸⁸.

Что касается до проверок, пробные наши способы пока не скажут лучших, по-видимому, не излишни там, где требует-

ся определительность, но проверка будет более правдоподобною в городах чрез число жителей, а в оборотах уездных — чрез число домов или тяглых душ. Да и тут надлежало бы предварительно определить различные значения городов и различные условия крестьянского быта, и сии определения, как алгебраические формулы, прикладывать при проверках.

4. В отношении физическом

а) О средней температуре и магнетизме

Рассматривая географическое положение места, очень естественно начинать дело с *теплоты*, как краеугольного камня всех сил и влияний, какими она действует на жизнь рассматриваемой точки. Теплота есть вторичная причина творения животного, растительного и, быть может, даже ископаемого; она есть мать и мачеха человеческой рождаемости, смертности и всей жизни органической. Благоговей к неизреченной премудрости зиждителя, к сей неизмеримой пучине сущностей и бытия, смею ли произнести, что и повивка и пеленание умственной способности благословляется на руках той же вечной няньки?

В тобольской широте $58^{\circ}11'43''$ житель в течение почти каждого года совершает чрезвычайное путешествие в термометрическом пространстве 60-ти градусов от мороза к жару и обратно, потому что таково бывает наибольшее изменение в термометре, хотя в 1830 г. по необыкновенной мягкости температуры изменение и не выходило за пределы 56° . Не будь шубы зимою и легкой ткани летом, легко бы, кажется, сердцу человеческому обледенеть или растопиться, подобие воска. При всей важности суждения можно принимать непомерную разницу тепла и холода за ту физическую причину, которая и изменяет органический первообраз жителя и увлекает к небрежению правил диетических. Если в этом заключении нет опрометчивости, нетрудно будет разгадать, отчего самоед наш, сберегаемый своею широтою от насильственного перехода между мороза и жара, остается свеж и румян, и отчего также все северные инородцы бывают так падки к горячим напиткам. Они, кажется, и физически, и психически ищут перейти в пропорциональный климат теплоты.

Имея в предмете одно рассмотрение Тобольска, я собираю свое внимание к сей только точке. Почему и делал себе

вопрос предварительный: как глубоко промерзает здесь земля зимой? Нашлись условия промерзания таковы:

а) в зиму раннего снега: на горе — 6 четвертей, под горою — 5 четвертей, под горою в иловатой почве — 9 четвертей;

б) — в зиму малоснежную: на горе — 8 четвертей, под горою — 7 четвертей, под горою в иловатой почве — 12 четвертей.

Во втором случае земля под верхним слоем остается неталой до 20-х чисел мая. Сим-то обстоятельством надобно объяснить наблюдение над третьим колодцем*, взятое 3 апреля, когда температура колодца стояла $-0,5^{\circ}$. Действительно, подгорная земля Тобольска, как иловатая, глубоко промерзнув зимой, поздно превращается в тесто жидкое.

Из сего легко заключить, как неблагоприятна для жительства атмосфера и почва подгорная. Смъртность подгорная к нагорной содержится в Тобольске как $\frac{6}{5}$, при разных числах, в то время, когда из 10-летней сложности (если только она выведена верно) извлекается самая печальная достоверность, т.е. что общая тобольская смъртность содержится к рождаемости как $\frac{17}{13}$.

Что ж такое наш город, как не предместье кладбища, если только таблица статистическая безошибочна?

Приступим к делу. Из метрологической выписки Д., извлеченной из наблюдений 1830 г., веденных под надзором г. Кунавина¹⁸⁹, можно видеть, что средняя воздушная температура целого года выходит в Тобольске по термометру Р. ** $+1,5^{\circ}$; по вычислению того же Кунавина, географическая темпера-

* Смотри в прилож. записку Е.

** Наблюдения в здешней гимназии несколько лет ведены были по ртутному термометру Р. мастера Кони, но в настоящем году, возложив на себя строгую отчетность по изданию сей книги, я доставил случай г. Кунавину поверить гимназический термометр с двумя термометрами: одним ртутным Р. и другим спиртовым степенником, из коих первый был оставлен одному медицинскому чиновнику для наблюдений от доктора Эрдмана¹⁹⁰, сотоварища Ганштенова, а другой от барона Гумбольдта. Сообразно проверке, деланной в разных пределах температуры, введена поправка в прежние наблюдения сего года, а в наблюдениях почвенной температуры иногда употреблялись термометры гг. Эрдмана и Гумбольдта.

Когда-то придет время, чтобы жители наши надумались выписывать из столиц физические инструменты по примеру, как выписывают наряды модные? Нельзя сказать, чтобы здесь не имели термометров и ба-

тура Тобольска — $+3,04^{\circ}$, а почвенная, чрез весь год наблюдениями преследованная, — $+4,10^{\circ}$, о чем подробно излагается в приложении Е. Следственно, разница между температурой воздушной и почвенной выходит $+2, 51^{\circ}$, а между географической и почвенной — $+0,97^{\circ}$. Результаты сии не противоречат тем заявленным требованиям, что в больших широтах температура почвенная должна быть выше против воздушной и что температура воздушная на севере должна упадать к востоку, как это и подтверждается известными сравнениями температур, какие на западе и востоке относительно к меридиану тобольской долготы определены в Казани, на Северном Урале и в Иркутске г. Шукиным.

Не вдаваясь в велеречие, утомительное по сей части даже под пером самих ученых, я прибавлю собственно для своей точки два замечания: а) что средняя воздушная температура здесь должна быть ниже той, какая вышла в настоящем теплом году, и что, впрочем, она со временем может опять повыситься, когда осушатся окрестные болота, как охлаждающие атмосферу, особливо в августе и сентябре; б) по моему мнению, подлежит еще вопросу: может ли температура почвенная, выведенная из наблюдения родника железистого, а не пресноводного, почитаться прямою указательницею истинной почвенной теплоты? Надобно для отчета сказать и то, что воздушная температура около колодца 5 генваря мною замечена была -16° , как в то же время городская воздушная стояла -19° , из чего можно судить о степени влияния родника на окружающую атмосферу, и сего времени брались наблюдения над воздухом уже в городе, а не около колодца. Я помещаю статью о средней температуре не в виде притязания ученого, а в чистом, бескорыстном намерении напередки привлечь внимание просвещенных земляков к занятиям толикой важности.

Другой важный предмет, соприкосновенный с теплою, заключается в вопросе: земной магнетизм есть ли содействитель ее, или только спутник? Без надежды на решение мне хотелось бы ознакомить своих земляков, видевших гг. Ганштейна и Гумбольдта с современными сведениями в приблизительном к вопросу порядке. Первое таин-рометров, но какие? Не ближе ли университету Казанскому залучить мастера для делания верных инструментов и распространять их в продажу на пользу наук и для ознакомления жителей с ними? Где же мы найдем книги и инструменты, если не будет их в продаже?

ство в мистике магнитной есть *наклонение* стрелки, потом *отклонение* и, наконец, *напряженность*.

Начинаю тем, что наклонения не замечено около земного экватора, и стрелка там покоится горизонтально, как будто размагниченная, но сие явление проявляется не линиею правильною, а кривою, раза 3 или 4 перевивающеюся чрез экватор и отпрядывающею инде от него до 14°. Эта *линия без наклонения* названа *магнитным экватором*, которого полюсы или те противоположные точки, где наклонению надлежит быть наибольшему, находятся на севере под 76° ш. около 25° западной долготы и на юге под равным градусом широты при 225° той же долготы*. Но после англо-морских путешествий 1818 г. один из полюсов не нашелся на показанном месте. Теория Гумбольдта и Биота¹⁹¹, утверждавшаяся на предположении двух магнитных средоточий в середке земли и встретившаяся с другими еще темнотами, должна была искать подкрепцы в новых изъяснениях, как обыкновенно водится у теорий, второпях составляемых.

Точно так же, как усмотрена полоса без наклонения, нашлись полосы или *линии без отклонений*. Они не следуют направлению меридианов, хотя и прорезывают свой экватор, проходя из одного полушария в другое. Так, одна из сих линий есть атлантическая, которая, облизываясь около Парагвая и потом прокрадываясь по берегам Бразилии, идет до Каены, а отсюда, повернув на северо-запад к Штатам, проходит далее чрез северный материк. Вторая, начинаясь в южном океане, пересекает Н. Голландию и Инд. море и тянется чрез мыс Коморин в Персию и в Западную Сибирь к Лапландии. Замечено, что эта линия раздвояется у азиатского многоостровия и проходит чрез Китай в Сибирь Восточную. Четвертая линия, намекнутая Куком на Тихом море, подтверждена выводом Гумбольдта, как законодателя по части магнетизма. Скажем мимоходом, что в линиях без отклонений замечено меньше постоянства, и особенно в атлантической, чем в магнитном экваторе, но есть опять точки, где они около 140 лет остаются неизменными. Соображение сих меридианов немагнитных, как легко понять, заставило Ганштеена-норвержца выдвинуть из земной середки магнитные средоточия и отбросить их не по одному,

* По меридиану парижскому.

уже по паре на концы обоих полушарий в промежутки полос без отклонения.

Наблюдения над напряженностью магнитной силы начаты тем же Гумбольдтом, и он первый выговорил, что явление возрастает от экватора к полюсам.

За сим докажем остальное и старое, и новое: а) что явления магнитные были дознаны Биотом и Гей-Люссаком на высоте аэростатической¹⁹², без чувствительных изменений; б) что отклонение суточное усиливается между полуднем и трех часов пополудни, что оно направляется от меридиана к востоку с весеннего равноденствия до летнего солнцестояния, и что в прочее время года поворачивается к западу; в) что при северном сиянии магнитная стрелка возмущается и оказывает неправильности. Второму из сих усмотрений подлежит и наклонение с некоторыми только отменами. Не меньше замечательно и то, что, кроме железа, стали, никеля и кобальта, сильно намагничивающихся, могут приходиться в магнитное состояние и другие вещества, если им дано будет известное положение. Стрелочки золотые, серебряные, стеклянные и деревянные, лишь бы сделаны были не длиннее восьми миллиметров и не толще полумиллиметра, будучи повешены на шелчинках между противоположными полюсами двух магнитов, принимают магнитность. Из чего заключают, что или все существа в природе способны намагничиваться, или все они составлены из частиц железа и других металлов, которые имеют средство с магнетизмом.

Вот сокращение, извлеченное мною из Биота! Из него видно то состояние, в каком находилось учение о магнетизме до приезда в Сибирь гг. Ганштеена и Гумбольдта со своими товарищами. Им нужно было собрать наблюдения опытные, дабы решительно установить теорию магнетизма; и мы скоро увидим, не останется ли затем больших пробелов в мистицизме магнитном.

Не зная, встретились ли ученые путешественники со второю *полосою без отклонения*, пролегающею чрез Урал к Лапландии, мы можем из месяцеслова на 1831 год судить только о том: а) что третья немагнитная полоса проходит близ Троицкосавска с левой руки, а подле Селенгинска по правой стороне и опять с левой подле Витимской слободы; б) что сила наклонения в северных Сибирских местах вообще является больше 70°. Неизвестно, для чего в месяцеслове

пропущены силы напряженности, хотя, по моему мнению, можно бы и без разбора принимать число наклонений за число напряжений, установив между ними содержание. Ибо не одна ли причина выражается двумя разными приемами, двумя поверками? Впрочем, при всей справедливой недоверчивости к себе и при всем уважении к любой из обеих гипотез я не могу скрыть недоумения, отчего на поверхности земли пролегают полосы без магнитного ознаменования, когда под ее поверхностью не престаёт действовать однородная причина в виде наклонения или напряжения? Уже ли земная кора в силах разобщать действие одной и той же причины?

Уволю себя от повторения наблюдений г. Ганштеена, уже выставленных в словесном, я помешу здесь полученную в Тобольске из его рук выписку об одной постепенности напряжений: в Стокгольме — 1,386,1; в Петербурге — 1,410,5; в Тобольске — 1,560,1.

После всего остается воротиться к вопросу: не магнетизмом ли поддерживается в глубоком Севере теплота почвы, так как земли и щелочности содержат в своих основаниях металлоиды и так как возрастание наклонаемости и напряженности возвышается к северу? Как бы приятно было князю обдорскому увериться в лестной мечте, что когда-нибудь этот содействователь усилится и снова прольет далее устьев Оби и Колымы без физических переворотов ту благотворную теплоту, какая бывала во время оно у гипербореев, владевших стадами мамонтов.

Когда я оканчивал статью, вдруг пых ко мне почтенный муж, сидящий на первом стуле в своем месте. «Верно, вы, — приветствовал меня, — мараете что-нибудь о Сибири?».

Х.: Нет, Иван Никитич, я всполаскиваю Сибирь, которую марают другие.

О.: Да о чем вы пишете?

Х.: О средней температуре и естественном магнетизме.

О.: Что вам пришло в голову писать о средней картине? Пусть о магнетизме — это дело девятое. Жена моя сохнет, и я, право, желал бы найти мастера, который бы помагнетизировал ее.

Х.: Чтобы намагнитить, ведь надобно наперед вытянуть ее в пластинку и повесить на шелковой нити, дабы ей повернуться в магнитный меридиан.

О.: Что за ахинея? Вы, видно, не читали Вилламского?

Х.: Будучи полномочным представителем сибирского просвещения, не притворяетесь ли вы, Иван Никитич, что будто не понимаете учения о магнетизме? В определенное время уметь, говоря технически, кувыркаться пред *австральным элементом* — не значит ли очень хорошо раз-
уметь свойство *инклинатора*¹⁹³? В обратном содержании *квад-
рата расстояния* от поклоняемого элемента знать прийти *в вертикальное положение* пред другими, или дома пред просителем растянуться в пласт горизонтальный, будто не станет вас и будто это не прямое знание магнетизма?

О.: Какая нам нужда до этой ученой блажи, да и вам не по летам и не по чину заниматься бы пустяками. Надобно, сударь, уметь быть исправником, окружным начальником, советником, председателем, надобно уметь управлять людьми и судить их — вот в чем важность. Прощайте!

Что управлять и судить есть дело важное, очень важное, действительно сказал правду этот добрый человек. Управлять прихожею, дворнею, домом сколько требуется благоразумия, равнодушия, справедливости, а управлять округою 30 тысяч крестьян, чтоб они могли сообщать благоденствие и радость 30 тысячам семейств, какой требуется ум, воля, характер! Рассудить между тремя слепыми нищими, делящими брошенный им грош, сколько требуется снисхождения и веселости, а быть готовым судить губернию в спорах собственности то затеянных, то перепутанных, или в проступках то с умысла уменьшаемых, то злобно увеличиваемых, какое требуется здравомыслие, праводушие, беспристрастие, ведение! Если ошибешься в суждении о средней температуре, другой, подстрекаемый строгой наукою и гордостью ума, тотчас перечтет по пальцам погрешности, но когда напроказит хитрый судья, скоро ли поймашь ежа? Действительно, науки физические, как египетские пирамиды, возвысились пред знаниями статскими, и сами подают возможность осматривать свои бока. Притом, что за беда, если 4 магнитных средоточий, Ганштееном водруженных на краях полушарий, рано или поздно погрязнут в пучине гипотез; что за беда, когда потонут одни мнения, а выплел с его наблюдениями не оставит подхватить сама *Урания*¹⁹⁴? Такого поручительства нет в предметах судебных. «А юриспруденция?» — молвил бы Иван Никитич. Юриспруденция дошла до Урала

и повернулась к Сибири спиной. Что мне там делать, сказала наотрез, когда судей не баллотируют сословия и когда я не видала их на экзаменах.

б. О растворении и движении атмосферы

Не повторяя о качестве почвы Тобольска, о чем уже было мною упомянуто в другом месте сего сочинения, поступим теперь к непосредственным следствиям естественных перемен географической теплоты в выражениях общих.

Март бывает довольно холоден, а был бы сноснее, если бы не веяли пронзительные ветры с румбов между северо-западом и северо-востоком.

Апрель иногда походит на март с постепенным смягчением в холоде и с изменением в напряжении ветров. Нередко бывает тепел и благорастворен, как май. В последнем случае ветры веют с пределов юго-востока и юго-запада.

Если вследствие ранней теплоты апреля воды Иртыша и Тобола ранее разливаются по заливам и лугам подгородным, то в мае и июне, до 20-х чисел последнего, нагорные жители Тобольска наслаждаются особенным благорастворением. Воздух, насыщенный водою, разлагаясь, дышит в нагорных слоях приятною и легкою свежестью. В эту особенно пору Тобольск подгорный чувствует разность положения и тем не менее продолжает 250 лет питаться удушливыми испарениями болотистой и навозной почвы, которая тем еще тлетворнее, что и покатые стоки естественных водопроводов запираются безрассудностью некоторых жителей, а каналы уличные остаются пренебреженными. Одно из вечных городских болот — благодарение главному начальнику — нынешним летом было спущено, и работа стоила двухсот рублей.

В конце июня бывают обильные дожди с громовыми грозами и с сильными перекатами звука. Нет сомнения, что сии явления происходят от чрезвычайно разряженного жарамы воздуха и притом пресыщенного водой, так как разлитие вод перестает не ранее 20 июня. Надобно прибавить, что грозы сего времени ополчаются против города с пределов западных, с той болотистой стороны, которая слывет у жителей *гнилым углом*.

Теперь следует упомянуть о метеорологической загадке, ожидающей изъяснения, именно: с 10 июля здесь по-

что постоянно настает дождливая погода и продолжается до половины августа. Это одна из причин, охлаждающих летнюю температуру; и если, с одной стороны, проигрываем в приятности времени и в успехах полевых работ, с другой, выигрывает безопасность от распространения сибирской язвы, с жарами усиливающейся. Между тем, дабы не скрывать атмосферического непостоянства здешней широты, должно припомнить, что в лучшее летнее время иногда завертывается ветер с севера и дует сутки и более.

Конец августа и сентябрь по большей части бывают сухи и здоровы. Иногда и октябрь мало разнится от них, а другим годом подвергается припадкам зимы.

Термометр Р. начинает опускаться к -20° почти всегда около 20 ноября. Вот время, в которое, не обинуясь, начинается тобольская зима и в напряжении морозов, посменно усиливающихся или смягчающихся, она продолжается обыкновенно до первых чисел февраля. Само по себе разумеется, что тогда господствуют ветры с северо-запада до северо-востока. Вот перечень тобольской температуры и перемещения воздушного.

Должно ли в нашей широте делить времена года на 2 или на 4 по примеру средних широт? Поелику растительная сила начинает работать через месяц после весеннего равноденствия и продолжает свое влияние на созревание некоторых растений, как то: брусники, клюквы и пр. — за предел равноденствия осеннего, то следует отрезки времен до солнцестояния и после равноденствия принимать за весну и осень. Где ж начало весны и где конец осени — вот другой вопрос, до которого доводят наши притязания на титул порядочной параллели! Появление и исчезновение зелени, равномерно развитие цветов и листопад, который оканчивается у нас в ноябре, не могут быть приняты за явственные межи как между зимой и весной, так между осенью и зимой; астрономические же точки созвездий не скоро дождутся быть нашими затесями времен. Я решаюсь утверждать, что большие линии таяния и замерзания, не в строгом термометрическом смысле, должны представляться самыми естественными границами в обоих случаях. Посему вскрытие Иртыша, как ноль или первая ступень восходящей лестницы теплоты, равномерно покрытие его, как ноль или первая ступень опускающейся лестницы холода, должны быть разу-

меемы началами и весны, и зимы. Если и в сих двух народных хронометрах есть предварения и запоздания своих небольших эпох, то опять в каком порядке времен, хотя лунных, хотя солнечных, хотя всемирно-небесных, существует точная неподвижность шествий? Что ж касается до видимого неравенства в нашем положении, то в вознаграждение сего небольшого возмущения предлагаемые мною указания носят характер всенародности и некоторой далее торжественности, ибо тут открываются новые пути сообщений, новые способы жизни народной. Трудолюбивый житель Тобольска или становится на палубу судна, дабы вскоре возвестить городу свое радостное отплытие и свободу приветствием выстрелов, или при оцепенении вод садится на сани и прокладывает дороги по расписанию житейских надобностей. Река в самом естественном назначении есть великая мера жизни общественной.

5. В отношении к изящным искусствам
(Разговор в Екатеринбурге в доме г. Т.)

«Когда так, то на святках, Анна Николаевна, непременно скатаемся в Тобольск послушать и посмотреть изящных искусств», — так говорил хозяин дома, когда ставили на стол закуску и графины.

Хозяйка: Очень рада посмотреть Азию.

Тобольк: Как будто не всегда она в ваших, сударыня, глазах. Разве город ваш не в покатоности азиатской?

Х-ка: Вот прекрасно! Если бы дом Расторгуева* покрыть на два ската к востоку и западу, уж ли бы стали говорить, что в нем живут пополам с Европой и с Азией?

Х.: Чего не говорят? Но отложим прение Тобольска, когда наслушаемся и насмотримся изящных искусств.

Советник: Каких изящных искусств?

Х.: Да! Вы не слышали, что там с 20 генваря 1829 г. начались по праздникам большие инструментальные и вокальные концерты.

Сов.: Диковинка!

Тоб.: Нимало не диковинка, когда поэзия уха и сердца управляется талантом известного музыкосочинителя Алябьева¹⁹⁵. Это наш Россини¹⁹⁶.

* Сей дом выстроен на горе великолепно. Незабвенный путешественник Александр¹⁹⁷ изволил в нем останавливаться в сентябре 1824 г.

Бергейстер: Это ваш Орфей¹⁹⁸, правильнее бы сказать, потому что, верно, стоило ему не меньшего труда, как и первому, заставить деревья и камни себе аккомпанировать. Кто ж у вас вписался в каталог музыкального бессмертия?

Тоб.: Немногие и не многия.

Сов.: Публика ваша, видно, беспристрастна, когда так судит, как вы изъясняетесь.

Х-ка: Верно, есть у вас собрание?

Тоб.: И многочисленнее и блистательнее здешнего, если не бросят мне перчатки за смелость сравнения.

Х-ка: Полно, нужна ли многочисленность и блистательность для приятности?

К-ва: Доходят ли до вас моды?

Тоб.: Это то же, как хотеть бы спрашивать, есть ли у сибирских красавиц вкус?

Сов.: Вы решаете важную задачу, что будто бы красота и вкус не смеют развестись с модою?

Х-ка (смеясь): Прошу не забывать, что это решение если бы и довелось перенести, все перенесется не в Горное правление.

К-ва: Откуда получают у вас модные наряды?

Берг.: Без сомнения, из ближайшей столицы, сиречь, Бухары или Пекина.

Тоб.: Разница 600 верст вправо ли приветствовать такую пекинскую гордость?

Берг.: Среди важных вопросов можно ли удержаться не спросить: умеют ли тобольские щеголихи шить, вышивать и править хозяйством? Это полезнее бы для небогатых невест и для нашей братья женихов.

Х-ка: И эгоизм, и гастрономия?

К-ва: Как будто две новые науки горного искусства.

Х.: Для чего не спросите о других искусствах?

Сов.: В самом деле, есть ли у вас живописцы?

Тоб.: Как не быть? Где есть банковые подлинники, там всегда к услугам рисунок и живопись. Если бы вы посмотрели, как расписываются у нас цветами потолки и фриз¹⁹⁹!

Берг.: Как еврейский камень²⁰⁰, думаю.

Тоб.: Нет, сударь, как Делилевы сады²⁰¹.

Берг.: (*подхватывает*): Развешенные над головами и под карнизами! Мне очень нравится такая просушка Делилевых садов в болотном краю.

Тоб.: Да! Он делает разные утвари, разные антики²⁰³, урны и вазы древнего стиля и украшает их самую изящною резьбою из той же глины, какая бы идея ни была ему дана. Масса, окончательно выработанная и обожженная, принимает у него вид и твердость лавы Везувиевой. То, что есть необыкновенного в искусстве сего ваятеля, это есть емкость глины, которая *принимает острые углы в карнизцах и подобных остроконечных линиях и еще на матовом колере отливает высокие оттенки света* без всякой металлической примеси или глянцеватого вещества. Я не говорю уже о том, что художник, имея ум образованный, есть и не последний сочинитель в своем роде.

Х.: Слышите ли? Наша гранильня рисует превосходно на яшме все приличные украшения, но не дошла до того, чтобы разнообразить свет на мате камня.

Х-ка (гостю): Я усердно прошу вас заказать сделать для меня медальон по рисунку, который вам вручу при вашем отъезде.

Тоб.: Готов принять подобные поручения и от других дам, дабы хотя числом скудельных наших сувениров заплатить за пирамиду Ермакову, которую Тобольск начал ожидать еще с прошлой Пасхи.

Берг.: Уж ли у вас не воображают, что для высечения пирамиды из мрамора требуется больше времени, чем для намалевания какого-нибудь тобольского гения? Но мне пришла мысль, и очень справедливая, что при обмене пирамиды на глиняные изваяния все выигрыш останется на стороне Тобольска. Там поставят памятник нашего искусства на мертвом глиноземе, а тамошние легенькие скудели лягут на чувствительных бюстах наших дам.

К-ва: Почему знать, может быть, ваша будущая закажет урну, а не медальон?

Х.: Где будет поставлена у вас пирамида Ермакова?

Х-ка: Помните, Александра Александровна, мы видели в Горношитском заводе, как обтесывали мрамор для тобольского памятника.

Тоб.: На горе, на горе, а где именно, еще не решено*, равно неизвестно и то, откуда взять потребную сумму на гранитовое подножие.

* Во время разговора еще не было решено, что трехгранной пирамидой Ермаковой должно стоять на мысе Чукмане над речкою Курдюмкою, с

Х.: Пора, давно пора памяти завоевателя Урала и Сибири, который на своих плечах переносил военные снаряды через все хребты, успокоиться на почетном граните.

Берг.: И очень кстати! История азиатского человечества увидит в своем, так сказать, фасаде два замечательных обелиска: один Албукерков на южном конце в Армузе, а другой — Ермаков на конце северном в Тобольске.

Сов.: Да! Можно бы пополнить пиитический фасад и другими бывалыми памятниками, но не о том хотелось бы думать. Мне, право, всегда казалось удивительным, что дерзкое дело сошло Ермаку с рук в свое грозное время и дожило еще до памятника, а сколько подобных отважных дел повешено у современников, хотя в потомстве и были украшаемы обелисками, или иногда быть могло наоборот! Прошу ж теперь при таком скептицизме то времени, то потомства дознаваться о приговоре истины для славы или беславия.

Тоб.: Очень легко по приговору истории.

Х-ка: А если историю пишут те же люди?

Берг.: Мой любимый проект: не лучше ли бы предоставить писать историю дамам, потому что мужчины суть действователи, а дамы, как нейтральные державы, прямее судили бы актеров исторических.

Х. (хохочет): Вот была бы история новая, действительно новая во всем пространстве слова! Тогда усидели бы мы — чудесные эпохи гражданственности, эпохи головных уборов, эпохи талий, эпохи перетяжки и пр. Вот образцовый проект, прежде которого ни одна барыня, ни барышня не выискалась быть подругою Каллиопы²⁰⁴!

К-ва: Что тут забавного? Проект делает честь нашему полу.

Тоб.: И, следственно, остроумию! Очень приятно желать, чтобы дамы сделались историками как особы, которые умеют чувствовать влияние власти домашней и, следственно, общественной, которые сами могут иметь влияние на дух публики не прямое, не менее, однако ж, действительное.

которою соединяется и ручей от родника, служившего к измерению почвенной температуры. Но другие судят, что если бы памятник был поставлен на Панином бугре, видели бы его со всех частей города и даже с подъезда к городу. Вышина пирамиды вместе с тумбою, кроме исподнего подножия, назначена в рисунке 7 саж. На ней означится год завоевания Искера, а барельефы будут углублены в египетском стиле.

Х. (гостю): С рисунком Анны Николаевны не возьмете ли от нас и проекта.

Тоб.: С удовольствием, но для чего?

Х.: Чтоб один вручить, а другой положить на тобольских туалетах для утверждения.

Тоб.: Из уральских произведений, надобно признаться, имеют у нас свой курс только склаважи²⁰⁵ аметистовые, перстни тяжело весовые и подобные минеральные безделушки, которые смотрят вечностью, а завивки остроумия чуть ли не то же, что отслужившие папильоты²⁰⁶.

Сов.: Вы заставляете нас думать против воли не так, как бы вам нравилось. Можно ли, чтобы там, где внутреннее мнение привязано к ценности вещей, а не к чертам веселого остроумия, где туалеты чванятся дорогими нарядами и где, следственно, в беседе нет приятной шутливости или плавности мыслей, чтобы там были близки к эпохе изящных искусств? Искусство приходит подражать туда, где есть мысль, а мысль умеет себя сказывать. Случайно ветром нанесет гармонию концертную, случайно забредет ваятель, декоратор, волтижер²⁰⁷, но если в самом городе еще не разогрелись свои способности, если еще не принялись, еще не цветут природные таланты, то, наверное, тут не зажили своею жизнью.

Тоб.: Вы готовы потушить и первые искры нашей жизни. Воля ваша, вы судите строго, очень строго.

Берг.: Но справедливо. Чем разнится существо, блестящее нарядом, склаважами, лентами, перстнями и испаряющееся одними благовониями, а не тонкостью ума или изящностью чувств, чем разнится от алебастрового бюста, увешенного случайно драгоценностями? Да, впрочем, как и ожидать основательной образованности там, где человек наперед спрятался в формы внешней светскости как будто для того, чтобы образованность не знала, где найти его?

Х.: Видите ли, в чем хочется уверить себя этим господам? В том, что артистам не скоро удастся быть магнетизерами сибирских душ, что эти души, будут ли или не будут концерты, ни отощают, ни подбирают от того?

Тоб.: Все это я принимаю за тот вежливый поклон, какой вы посылаете со мною соседке Сибири. Самолюбивые русские, живущие ближе к академиям, университетам, институтам и пр., и пр., наконец скажите, в чем ваше преимущество? Не в

том ли, что свет европейских продажных библиотек приходит к вам скорее, подобно как у нас солнце всходит ранее в сравнении с вами? Но не странно ли гордиться выгодою, для которой бывает своя очередь у вас и у нас? Позднее получасом у вас, позднее полугодом у нас, и мы, и вы пользуемся равным светом в своих относительных надеждах.

XVII

Журнал осени и частью зимы

После осеннего равноденствия сего срока, далее которого плодородие на поверхности земли у нас останавливается, журнал, изменяясь в должности, ограничится одним, так сказать, прозаическим замечанием температуры и движения воздуха в пополнение четвертой статьи, в XV отделении помещенной. Сей журнал, когда с наступлением зимы температура будет падать чувствительнее, не преминет замечать по степеннику ее движения в два часа пополудни, а направление ветра тогда же, да еще в 8 часов утра. Притом, по праву принятой свободы, журнал заметит все встречи, сколько-нибудь любопытные*.

15 сентября на середке Иртыша, против Заостровных юрт, замечена песчаная коса, вновь оказавшаяся выше горизонта воды.

В первые две трети сего месяца время стояло свежее, сухое и около полудня ясное. 21-го мы долго и с приятностью прохаживались в одной из загородных рощей. Березник весь уже пожелтел, дорожки устилались листьями, но ветви густо еще украшались остальными.

На 22-е ночью выпал первый снег и покрыл землю на вершок толщины. Лишь только солнце выглянуло, синики, порхающие по березкам моего садика, напомнили о себе скромным припевом. Они показывались по утрам почти до конца месяца, пока могли, кажется, находить спрятавшихся насекомых.

* Наблюдения над температурою, которые предположено начать с 17 ноября, будут помещены в особой таблице 3 вместе с наблюдениями над ветрами. Стоепенник употребится тот же самый, который оставлен бар. Гумбольдтом. Замечание ветров я должен был принять на себя для того, чтобы дом гимназии, находясь подле горы и притом при самом устье ущелья, признан, наконец, ложной точкою для флюгера. Наблюдения обоего рода положил я продолжать до 18 генваря, как известного предела жестоких морозов.

В следующие трое суток температура смягкла, перепадали дожди, и 25-го не было уже снега.

Октябрь

1-го земля вторично покрылась снегом на $\frac{1}{4}$ аршина толщины, и охотники катались весь день на санях. Какая разительная противоположность нынешнего 1 октября с прошлогодним! Тогда в вечеру этого ж дня мы с приятностью прохаживались по лугу до Подчувашского перевоза в летнем платье.

На 10-е при температуре -11° по стостепеннику Иртыш покрылся льдом и поутру ж ходили через реку. На другой день зимняя дорога открылась повсеместно.

С 17 до 25-го температура пошла вверх и восходила до $+4^{\circ}$. В этот промежуток перепадали дожди. Дорога слиняла, и проезд по льду сделался опасен. С 28-го зима подновилась прибылым снегом. Стостепенник показывал -3° .

Ветры с 16 октября до 2 ноября дули с юга к западу, нередко с юга, юго-запада.

Ноябрь

2-го ветер по непостоянству соответствовал своему имени.

4 и 5-го ветер дул с севера, но температура не понижалась.

С 6-го до полудня 10-го ветер был западный при той же температуре.

С полудня 10-го до 16-го ветер по утрам был северный или северный к западу, а в течение самих дней дул то с северо-востока, то с севера к западу, или с севера к востоку.

11-го стостепенник показывал -8° , а 15-го при северном к западному в первый раз $-14,2^{\circ}$.

16-го при западном ветре температура была -8° .

Нынешней осенью крестьяне-охотники пользовались в ельниках чрезвычайно изобильною стрельбою рябчиков, тетерь и пр., иные хвалились, что на охотника доставалось по 500 и даже по 1000 штук дичи.

20-го стостепенник показывал в первый раз $-23,2^{\circ}$; и в течение всего месяца спирт ниже того не опускался.

17, 18 и 20-го были сильные ветры, которые начинались с полуночи и стихали к вечеру.

Вообще ноябрьские ветры переходили по румбам одного полукружия между севером и югом, а на дуге между севером и востоком почти не показывались.

Картина небесного свода в течение ноября казалась безжизненной и загроможденной в сплошной чугунный цвет с просинью к горизонту. Очень редко удавалось солнцу при своем восходе или закате пробрасывать лучи рдяные, которые и пламенели на облачных скалах заревом пожарным. Только дважды — 20 и 28-го — солнце зашло под горизонт при чистом небе, и заря румянилась в первый вечер до 18 минут 6-го часа, а в последний — около 25 минут того же часа. Я бы хотел заключить, что срок кратчайшей зари уже промелькнул у нас, в чем и в прежние годы я уверялся особенною, оживающею физиогномиею вечерней зари около 30 ноября, но смею ли утверждать без строгой поверки своих часов?

Оканчиваю сей месяц известием, что 28, 29 и 30-го происходила Юровая ярмарка и вместе ловля рыбы²⁰⁸. Что за ярмарка? В пятидесяти верстах ниже Тобольска есть по Иртышу омут, или глубокое место, в котором красная и белая рыба, пользуясь теплотою глубины и почвы, на зиму залегает большими рунами. Лишь только утвердится на реке прочный лед, назначаются дни лова в этой оброчной статье и освещаются окольные жители, дабы приезжали со снастями и условливались с откупщиком вправе на ловлю. Вдруг по данному знаку в тысяче местах делаются проруби на реке, и рыба, от стука всполохнувшись, поднимается со дна и попадает на брошенные крючки. Тут же на льду бывает продажа рыбы гуртом и дробно, на каковой конец и приезжают из города мещане и чиновники. Они в деревушке наслаждаются свежешою ухой и подчас играют в карты. Удовольствие везде приютится, где есть промышленность.

Декабрь

В течение месяца пять раз были замечены ветры с порывами, метелью и вьюгою.

Ветры дули поутру в тех же пределах, как и в ноябре, а пополудни шумели и на дуге между севером и востоком.

13-го в четвертом часу пополудни был дождь со снегом на короткое время.

26-го в вечеру, с 10-го часа до полуночи, в два приема продолжалось северное сияние с движущимися столбами бе-

лого цвета. К сожалению, не случилось видеть этот метеор тем, которые умели бы пересказать свое видение обстоятельно и взглянуть на колебания магнитной стрелки, по крайней мере, до меня не доходит порядочный пересказ.

31-го, начиная с прошлой полуночи, начал валиться без перемены густой снег, что доставало для обыкновенной тобольской зимы.

Надобно прибавить, что и в декабре нельзя было похвалиться ясностью неба. Раза три поутру и в вечеру развивающиеся из труб волны дыма красиво атели в воздухе, как нарядные паволоки на синем море.

Холодная температура, начиная с -18° до -21° , замечена только три раза, а -23° — однажды; следственно, переводя на Реомюра, мы в декабре греческого стиля однажды днем чувствовали холод $-18,4^{\circ}$, да и по утрам в 8 часов холод малым чем разнился. Такое состояние термометра по сухости зимней тобольской атмосферы очень легко для дыхания, даже и -25° Р. без ветра здесь нетрудно сносить.

Наконец, смею ли похвалиться отгадкою необыкновенно мягкой зимы, какая действительно ныне случилась? Лето было жаркое и сухое, осень также была скудна дождями; почему, придерживаясь мнения тех физиков, которые полагают причину жестоких морозов в избыточном разложении воды, парообразно в воздухе растворяемой, я заранее предсказывал своим приятелям, что ныне не будет сибирской зимы*, и к моей удаче немало поспешествовали ветры западные и южные. Хотя характер зимы и начинает быть более строгим, но мы уже не боимся сей угрозы, потому что солнце становится к нам добрее, и приходит пораньше, и уходит попозже. Притом

* Характер настоящей зимы и в 1831 г. продолжался тот же, ибо в январе однажды в 2 часа пополудни было -27° 36 Р. Утренники до половины февраля иногда нисходили до -27° Р., но к полудню температура чувствительно смягчалась. В марте, 11-го, поутру было $-23, 5^{\circ}$ Р. и 18-го в последний раз $-20,5^{\circ}$ Р., а после того по утрам термометр Р. начал приближаться к 0. Не теряя, однако ж, из виду означенной стойкости зимы до 20 марта, чего не случается в суровые зимы, можно поддаться на ту вероятность, что в борьбе сложных сил температуры есть как бы известный итог холода, который ранее или позже должен быть израсходован в данной широте. Везде прилегают к человеку границы **недомышления!**

и толстая настилка снегу, в последние сутки навалившегося, не даст земле остынуть более, если бы и нахлынули морозы сверх чаяния.

Из рассматривания двойного столбца ветров, в таблице 3 записанных, я мог вывести только то, что метель бывает накануне падения или возвышения термометра, что и естественно.

Теперь я все кончил. Еще остается с полчаса до назначенного за год свидания, и я с радостью, на свободе мыслей, готов принять строгую, немногим нравящуюся маску. Как бы ни представляли сию собеседницу, необходимость времени, хотя нелюдимкою, хотя старую монастырскую, но у меня на уме не перекоры, а как бы дожидаться конца: посетит ли она меня, в каком виде посетит и исполнит ли свои обещания? Вопросы сии не замедлят решиться так или сяк, но при возбужденном любопытстве знаю наперед — минуты покажутся часами. Остановим же часы, дабы усыпить нетерпеливость, и предадимся простоте, безрасчетности мысли, так как мысль сама есть благороднейший символ времени. Пусть останусь я один без маятника, без сего наушника, как в пустоте, как в вечности.

Что ж? Я жду каких-то открытий от человека, будто бывали когда-нибудь открытия, которые дарили бы целую наукою. Разве забыл я, сколько волов принесено в жертву глубоким Пифагором за проявление одной теоремы? Начиная с грифеля до паяльной трубки, не всякое ли открытие стоит равносильных жертв, считая труды и усилия? Целую жизнь я искал истины, целую жизнь воевал с мнениями и сколько раз бывал у них в плену. Начиная ли с недоумения, как Сократ²⁰⁹, дабы достигнуть ведения; начинал ли с сомнения, как Декарт²¹⁰; начинал ли с врожденных понятий, которые растирает в пыль Локк и Бакон²¹¹; пускался ли от Кантовой проблемы о праве познавательности²¹², от личного зенита, я или, наконец, от средоточия безусловного, самосущного — везде сперва тянулись тропинки, а потом приводили к трущобе или к пустоплесью важные. Вопросы в учении духа останутся вечными проблемами человеческой недомышляемости. Было дикое время, когда я взобрался на утесистую, голую скалу и положил пред собою один свой

компас. И что вышло? То покрываемый туманом, то колеблемый переменными дуновениями я был столько еще силен, что гордился своим беззащитным, бедовым положением, но, к счастью, изнемог в существе духа. Где ж укрыться, думал я, и как бы случайно наткнулся на прохожего самарянина²¹³, который указал гостиницу и навещал меня с любовью. Тут в скорби и во вздохах сердца я измерил всю безнадежность ума, всю бездну, близ которой он шатался и в умилении простер руки к просвечивающему лучу. Тут я узнал, что та опытная мудрость, которая открывается ищущему истины, даже на краю всех дерзких заблуждений, есть дочь Откровения, есть Вера. Тут из чаши Нового Завета, обвивающейся колосьями жизни и лозою виноградною, я напился и сладко успокоился. Чу! И притом распространяется какое-то озарение! Не маска ли? Добро пожаловать, хотя я и не в том уже расположении.

А! Это ты, неразлучное воображение! Ты опять зажигаешь прежний пламенный выдумки, ты опять готовишься представить святочную личину, теперь не так необходимую. Впрочем, я готов, но, чур, с условием: в какой бы она ни предстала мантии, наперед поручись, удовлетворит ли эта говорунья моему чаянию и развязке разговора? Сомневаешься? По всему видно — сомневаешься! Так пускай она не является на глаза, пока не надумается. Очаровательность без цели есть история без философии, теория без существенности. Я могу не видаться не только с маскою, но и с существенным лицом, коль скоро оно приросло к автомату, хотя бы великолепному да механически говорящему. Пускай же исчезнет небылица, хотя навсегда, хотя на время!

XVIII Приложения

Записка о температурах колодцев в разные времена 1830 года, наблюдаемых в Тобольске старшим учителем гимназии И.С. Кунавиным

В Тобольске есть три колодца, удобнейшие для наблюдения их температур: первый близ города, истекаю-

щий из ущелья нагорного кряжа к северо-востоку по дну песчано-глинистому на низу кряжа. Глубина сего родника по верному измерению от дна до поверхности воды, стоящей наравне с почвою, — 4 фута 5 дюймов английской меры; он подвержен всем непогодам, после вычерпывания наполняется скоро, вкус воды в нем железно-купоросный, на стенах его красный железистый осадок. Второй колодец — в саду, принадлежавшем прежде гимназии, по измерению от дна до наружного отверстия — 14 футов 2 дюйма; почва его сверху болотистая, внизу песчано-глинистая, вода солоноватая, от действия ветров совершенно закрыт своею глубиною, строением и деревьями. Третий, при так называемом Качаловом мосту, глубиною от дна до наружного отверстия около 8 футов, находится близ болота в почве частью болотистой, частью песчано-глинистой; вкус воды солоноватый, от ветров и непогод защищен очень мало.

Наблюдениями температур трех описанных колодцев предполагалось открыть: не имеют ли они, подобно многим источникам, из-под земли вытекающим, постоянных, или, по крайней мере, близких к тому температур во всякое время года? Каковое открытие повело бы кратчайшим путем к познанию средней годовой температуры, от географического положения зависящей. В сей цели, начав наблюдать температуру колодцев тобольских, я употребил и необходимые при сем предосторожности, именно: временами наблюдений избраны не снежные, пасмурные или дождливые, но ясные дни, дабы снег, сырость или дождь, мешаясь с водою источников, не могли изменять подлинной их температуры; термометр был держан около четверти часа и на дне, и близ поверхности воды как для большей уверенности в точности показаний, так и для узнания, не изменяется ли температура поверхности от соприкосновения с наружным воздухом; в то же время вне колодца замечалась температура самого воздуха с намерением увидеть, не имеет ли она какой-либо зависимости с температурою колодца. Что ж касается до верности термометра, то по недостатку лучшего употреблен термометр работы Кони, выверенный впоследствии с двумя термометрами, уже известными.

* * *

Здесь прилагается таблица всех наблюденных температур, в градусах Реомюра исправленного. Температуры сии одинаковы и на дне, и при поверхности колодцев.

Из малого числа наблюдений во втором и третьем колодцах ничего заключить нельзя, кроме того, что в те же дни температура первого колодца была гораздо возвышеннее, нежели во втором и третьем, что должно приписать, вероятно, особнным качествам почвы. Из наблюдений же первого колодца видно, что температура его, возвышаясь постепенно от 2,5 до 6,5 градуса (отбрасывая +1 в 7 апреля, как число, по причине смешения воды со снегом, ненужное), начала понижаться на пределе двух градусов; итак, +6,5 есть наибольшая, а +2 — наименьшая температура источника. Средняя же температура источника, как видно из таблицы, составляет 4,01°.

Физики утверждают многими наблюдениями, что температура источников на значительной глубине почвы постоянно равна средней годовой температуре, зависящей от географического положения места. Хотя и нельзя сего в строгости применить к наблюденному колодцу по ничтожной его глубине и изменяющейся температуре, но как сие изменение, несмотря на непогоды, общие Сибири, невелико и медленно, так что имеет вид некоторой постоянности, а сие предполагает начало источника на значительной глубине во внутренности земли; следственно, найденную выше среднюю годовую температуру его можно бы считать довольно близкою к средней температуре Тобольска, зависящей от географического положения. Проверим сию догадку вычислением.

Товий Майер и Кирван нашли, что средняя температура почвы какой-либо географической широты на одном и том же меридиане изображается следующей формулою: $t = m - n \sin^2 w$, где t означает температуру, приличную широте w , m и n — величины постоянные. Итак, для определения постоянных m и n тобольского меридиана соединяем наблюдения Г. Купфера в Киснекееве и на Богословских заводах, как местах, довольно близких к меридиану тобольскому, и будет:

$$m - n \sin^2 (54^\circ \frac{1}{2}) = 4,7$$

$$m - n \sin^2 (60^\circ) = 2,3,$$

где $54^\circ \frac{1}{2}$ — широта Киснекеева, а 60° — широта Богословска.

Откуда находим: $m=22,9$ и $n=27,5$; поставляя сии значения в общую формулу, получится для тобольского меридиана $t = 22,9 - 27,5 \sin^2 w$.

Широта w составляет здесь $58^\circ 12$, почему $t=3^\circ,04$. Отсюда видно, что наблюденная температура почвы тобольской разнится на $0^\circ,97$ от температуры, найденной вычислением, каковая разность должна произойти не только от того, что меридиан Киснекеева и Богословска шестью почти градусами далее меридиана тобольского, но и от степени возвышения почвы над поверхностью моря, о чем, к сожалению, не имея здесь сведений, мы не можем сделать и должной поправки температуры, найденной из опыта.

• **Известие о вскрытии Иртыша и покрытии льдом, в Тобольске**

Вскрытие	Покрытие
В 1812 году — 00	на 17 октября
В 1813 году — 00	— 19 октября
В 1814 году — 00	— 16 октября
В 1815 году — 26 апреля	— 18 октября
В 1816 году — 25 апреля	— 19 октября
В 1817 году — 14 апреля	— 17 октября
В 1818 году — 29 апреля	— 18 октября
В 1819 году — 26 апреля	— 26 октября
В 1820 году — 18 апреля	— 22 октября
В 1821 году — 26 апреля	— 22 октября
В 1822 году — 9 апреля	— 24 октября
В 1823 году — 25 апреля	— 13 октября
В 1824 году — 27 апреля	— 27 октября
В 1825 году — 10 апреля	— 16 ноября
В 1826 году — 12 апреля	— 1 ноября
В 1827 году — 17 апреля	— 11 октября
В 1828 году — 30 апреля	— 2 ноября

В 1829 году — 2 мая	— 8 ноября
В 1830 году — 19 апреля	— 10 октября

Примечание:

1. Разность вскрытия — 24 дня, а разность покрытия — 30 дней.
2. При вскрытии предварительно бывает суток за шесть и за сутки движение льда и иногда очищение небольшого на реке промежутка, но в нашем столбце означены дни полного против города очищения. Напротив, покрытие бывает решительнее после заберегов и после покрытия реки Тобола, а снег падает и прежде, и после, и в самый день покрытия, держась своей указательницы — точки замерзания.

Таблица
наблюдений над температурой и ветрами, самим
издателем веденных в зимнее время в Тобольске

1830 год

ноябрь

декабрь

Стостепенник спиртов. в тени		Ветры	
Числа	В 2 ч. по- полудни	В 8 ч. утра	В 2 ч. по- полудни
17	-14	С. кЗ., сильный	Тоже
18	-21	С. кЗ., сильный	С., сильный
19	-20,1	Ю.	Ю. к В.
20	-23,2	С., сильный	Тоже
21	-9	З.	З.
22	-10	Ю. кЗ.	С. С. З.
23	-11,3	З.	С. С. З.
24	-6,4	Ю. Ю, В.	С. З. непостоян.
25	-7,5	Ю.	Ю.
26	-10,3	З.	З.
27	-14,1	Ю. кЗ.	В.
28	-16	Ю. З. Ю.	Ю.
29	-15	Ю.	Ю.
30	-15,5	Ю. кЗ.	Ю.
1	-8,9	С. С. З.	Ю.
2	-4,4	З. кС.	Ю. З. Ю.
3	-7,5	Ю. кЗ., порывист.	С. З. С.
4	-20	С. кЗ.	С. к В.
5	-11,3	Ю.	З. кЮ.
6	-2,4	З.	Ю. З.
7	-5,1	Ю.	Ю. З. Ю.
8	-6	Ю.	Ю. З.
9	-3	Ю.	С. З. С., порывист.
10	-21	безветрие	В. к С., легкий
11	-18	В.	С. В.
12	-12	В. кЮ.	Ю. кЗ.
13	-5,6	Ю. к В.	Ю. З. Ю.
14	-2,5	З.	Ю. З.
15	-2	Ю. В. Ю.	Ю. Ю. В.
16	-3	С. З.	безветрие
17	-10	Ю. В. Ю.	В. Ю. В.
18	-13,1	Ю. Ю. В.	Ю. З.
19	-12	Ю. З. Ю.	С. кЗ.
20	-9,5	Ю. В.	Ю. Ю. В.
21	-16,5	В.	В.
22	-15,5	В. кЮ.	Ю. В.
23	-9,3	Ю. В.	В. кЮ.
24	-15	Ю. В. Ю.	Ю. В. В.
25	-23	Ю. В. В.	В.

декабрь

1831 год

январь

Столбчатник спиртов. в тени		Ветры	
Числа	В 2 ч. по-полудни	В 8 ч. утра	В 2 ч. по-полудни
26	-10,3	Ю. Ю. В.	Ю. кЗ.
27	-16	Ю. З., легкий	З.
28	-19	Ю. З. Ю. перемен.	Ю. Ю. В.
29	-13	Ю. Ю. В.	З. к С.
30	-9,1	Ю. В. Ю.	Ю. к В. легкий
31	-5,1	Ю. к В. порывист.	Ю. Ю. В.
1	-23	З. вьюга	З. к С.
2	-17,5	В. к Ю.	Ю. В. В., метель
3	-19,1	З. к С.	З. к С.
4	-17,8	В. к С.	В. к Ю., вьюга
5	-24,1	З. к С.	С. З. С.
6	-22,4	Ю. В. Ю.	З. Ю. З.
7	-25,5	В.	В. Ю. В.
8	-22,3	В.	С. З. С., метель
9	-34,2	Ю. З.	Ю. к В.
10	-20,2	З.	З. кЮ.
11	-14,2	Ю. В. перемен.	З. Ю. З.
12	-17,4	Ю. З.	Ю., легкий
13	-22,5	В. к Ю.	Ю. В. В.
14	-23,1	С. С. З.	С. С. З.
15	-23,6	легкий, С. кЗ.	Ю. Ю. В.
16	-19	В. Ю. В.	Ю. В. Ю.
17	-17,5	В. Ю. В.	Ю. В., метель
18	-13,3	Ю. В.	С. кЗ.

Примечание. По переменчивости в тобольской широте легко догадаться, что не все их перемены были замечены в предложенных наблюдениях. Чтобы решиться удовлетворить безусловному ожиданию, надлежало бы смотреть на флюгер не дважды и особенно по ночам, когда молодежь Эолова любит здесь шалить.

Таблица статистическая

о населении, земле и источниках народного богатства

	Названия уезда и губернии	Пространство земли в десятинах	Общая населенность		Число селений вся-	Земля в десятинах по родам употребления			
			П. мужеского	п. женского		пахотная	луговая	лесная	неудоб-
1.	УЕЗД ТОБОЛЬСКИЙ	1417374	29484	30816	940	34120	84932	118842	1222392
2.	ГУБЕРНИЯ ТОБОЛЬСКАЯ	94154087	262023	279080	3432	1252419	22314950	43667900	23244071

по Тобольскому уезду и Тобольской губернии, кроме городов за 1828 год

Число озер		Из 10-летней сложности					Количество				Оборот внутренней торговли в руб. асс-	ок т с я р м д
рыбных	соляных	годовая смертность	годовая рождаемость	годовая брачность	общее количество Высев. зерен в четвертях	общее количество собираемого зерна в четвертях	рогатого скота вместе с городами	лошадей вместе с городами	овец	свиной		
205	—	1735	2339	451	40380	158785	44963	40445	29347	15917	30000	—
1550	108	14376	25040	4999	592446	2428349	447404	410232	424381	171700	2714405	91

Примечание. В сию таблицу внесены те только числа, которые признаны меньше сомнительными или по свойству предмета, или по известной вероятности.

Таблица
окольных около Тобольска селений с показанием населения и сельского хозяйства

СЕЛЕНИЯ	ДВОРЫ		Земля на Душу в десятинах		ДУШИ			ИСТОЧНИКИ ХОЗЯЙСТВА
	число домов	число домов	пахотная	сенокосная	ре-визские м. п.	на-лич-ные по счёту м.п.	души обо-его пола	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>а) За р. Иртышом</i>								
1. Кугаевское село В его выселках	12 32	3 3	2		120			Небольшая пашня, рыбный промысел по р. Иртышу, доставка в город деревенских произведений и мелочный торг.
2. Дер. Савина	13	2		2		2	37	
3. Юрты Чуклемские	37	3		5		80	60	Продажа дров и сена, а главное — торг по праву бухарцев.
4. Частная фабрика писчей бумаги	Один дом фабриканта и строения фабричные		Земли лесной и сенокосной у фабрики до 200 д.			40 Из припис-ных и ссы-льных		Выделяется бумаги от 1,500 до 3,000 стоп трех сортов, из коих лучший годится только на конверты. Фабрика действует только летом и осенью по местным причинам. Фабричные пополняют свое содержание ремеслами и работами.
5. Шишкина, село	13	2	2	На-нима-ют у татар и в об-роч-ных стат.	37		30	Малая пашня, сено, дрова, рыболовство и извозничество.
6. Медянки татарские	36	4	земли	мало		103	60	Пашня малая, дрова, рыбная ловля у ясачных и служивых казачков, а у бухарцев торг и извозничество.
7. Юрты заостровные	8					20	8	Те же способы, как и в Медянках, только в меньшем значении.
8. Медянки русские	9	1	2	3	28		21	Малая пашня, дрова для города и фабрики стеклянной, сено, извозничество, масло и сливки.
9. Бизина	17	2	3	3	61			То же хозяйство, как и в Медянках русских.
10. Юрты Будалин. с мечетью	18	2	3	3		40	20	Те же способы, как в Медянках татарских.
11. Юрты Носов. с мечетью	13	2	5	6	31		30	То же.
12. Юрты Иртышские с мечетью	48	2	2	3		105	50	То же.
13. Варагушина	9	Нанимают землю			22			Хозяйство то же, как в Медянках русских, кроме продажи дров.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
14. Юрты Исеньевские с мечетью	37	3	1 $\frac{1}{2}$	1 $\frac{1}{2}$		65	30	Здесь главный промысел в извозничестве и мелочном торге.
			Прим. 148 дес., кроме того, принадлежат по грамоте бухарцам					
15. Саусканы с мечетью	56	4	} Земли мало			150	100	Способы те же, как в Исеньевских юртах. То же.
16. Саусканы малые	18	2				36		
17. Частная стеклянная фабрика		2 И завод.	Земли отведенно	Земли отведенно			20 вольных наемных	Припасы фабрики: соломенная зола, озолки с кожевенных заводов, песок и огнепостоянная белая глина, получаемая из Челябин. Изделия заключаются в стекле для аптеки, питейного откупа и для крестьянского буфета.
б) Нагорные								
18. Иванов. с двумя храмами в ограде монастыря.	21	4	На земле монастыря	На земле монастыря			65 примерно	Жители, будучи служителями дома архиерейского и монастыря Ивановского, дополняют оную окладную плату деланием кирпича и другими небольшими способами.
19. Серебрянка	19	3	3	3	65			По пространству угодий в земле и в лесу большие средства к продовольствию, нежели в прежних подгородных деревнях.
20. Онисимова	16	2	Земли довольно		59			Средства к хозяйству довольно по количеству земли, но пашня малая по известной беспечности подгородных крестьян.
21. Защитина	6	1	Земли не возделанной немало		32	С приписными поселянцами		Дрова и пашня, но распашка земли так мала, какова была за 50 лет при губернаторе Чечерине.
в) По сю стр. Ирыша								
22. Филатова и Козлова	30	8	$\frac{1}{2}$	2 $\frac{1}{2}$	94			Малая пашня, рыбный промысел в р.Оби, извозничество, делание ружей, заказываемых из Томска и Енисейска, тканье рогож, продажа масла, сливок и ягод. Последние три статьи принадлежат крестьянкам.
23. Маркова	14	3	$\frac{1}{2}$	3	45			Те же способы хозяйства, как и в Филатовой, кроме ружейного мастерства.
24. Зырянова	21	3	3	5	60			То же хозяйство, как в Марковой.

Примечания.

1. Я разделяю домостроительство деревенское на дымы и дома, дабы тем ближе и правдоподобнее определить состояние и степень водворения.
2. Опускаю показывать меру лесных угодий для того, что не нашлось вероятного исчисления лесных пространств и что притом во всех поименованных деревнях и юртах, даже и за их межами, нет леса строевого, кроме мелкого, годного на дрова и на обстройку дворов. Вообще строевой лес получается в Тобольске из Туринского и частью из Тарского уездов.

Таблица

в губернском городе и уездных вообще городах Тобольской губернии за 1828 год

ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД И ИТОГИ ВСЕХ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ ГУБЕРНИИ	Число жителей	Среднее число из 10-летн. сложности			Число домов		Число купцов в общем числе жителей			Число ярмарок	Число в общем	Число в означенном числе купцов	Число питей	Число питей			
		в мужском полу	в женском полу	в мужском полу	в женском полу	в мужском полу	в женском полу	1	2						3		
Тобольск	5305	9114	10000	961	835	226	17	1880	5	7	137	509370	1	2842	5 на 190	5	29
Спрочими 8 уездными городами																	
ВСЕГО	35622	21264	22840	1810	1824	488	38	6404	5	22	333	1719820	13	9686	14 на 309	9	64

Примечания.

1. Древнее всех городов Тюмень и новее Тюкалинск. Первый основан в 1586 году, последний — с 1823 г.
2. С 1829 г. счет капиталистов двух первых гильдий изменился, а с 1830 г. население города Тобольска увеличилось одним батальоном и жильством штаба Сибирского Отдельного Корпуса.

Выписка

*из метеорологических наблюдений в Тобольске
за 1830 г. при Тобольской гимназии*

НАЗВАНИЕ МЕСЯЦЕВ	Средняя температура	Число дней теплых и холодн.	Число дней ясных	Число облачных и пасмурн.	Скол. дней со снегом	Скол. дней с дождем	Скол. раз был гром	Скол. раз шел град	Наибол. измен. термометра	Maximum et minimum
Генварь	-12,69	-31	4	27	3	0	0	0	20°	-23,5 -3,5
Февраль	-7,16	+2 -26	5	23	6	1	0	0	17	-13,5 +3,5
Март	-2,8	+30 -1	17	14	2	3	0	0	21	+10,5 -10,5
Апрель	+4,38	-2 +28	3	27	5	7	0	0	12	+10,5 -1,5
Май	+10,68	-2 +29	9	22	4	14	3	0	28	+23,5 -4,5
Июнь	+18,62	+30	21	9	0	6	5	0	15	+25,5 +10,5
Июль	+19,62	+31	6	25	0	9	4	0	20	+32,5 +12,5
Август	+13,01	+31	10	21	0	5	2	2	11	+18,5 +7,5
Сентябрь	+1,86	+19 -11	1	29	13	1	0	0	17	+9,5 -7,5
Октябрь	-2,08	+8 -23	2	29	11	3	0	0	16	+3,5 -12,5
Ноябрь	-8,1	+2 -28	10	20	5	0	0	0	24,5	+1,5 -23
Декабрь	-8,75	+0 -31	3	28	18	0	0	0	17,5	-18,5 -1
	+1,5	из 790 наблюдений								
<p><i>Прим.:</i> в гимназии термометр Р. в сем году наблюдался два раза в день, т.е. в 8 часов поутру и в полдень, а с 1 ноября до конца года прибавлено наблюдение в 4 ч. пополудни.</p>										

Время наблюдения		Температура на воздухе	Температура в колодце
В ПЕРВОМ КОЛОДЦЕ			
Апреля			
3	Окрестность источника начинает таять	+4,5	+2,4
7	В колодец текли ручьи тающего снега	+9	+1
21		+10,5	+2,5
Мая			
8		+12,5	+2,5
10		+15,5	+2,5
17		+15,5	+3
23		+18,5	+3
Июня			
3		+22,5	+3,5
13		+23,5	+3,5
20		+25,5	+4
30		+32,5	+4,5
Июля			
8		+25,5	+5
15		+28,5	+5,5
23		+20,5	+6,3
29		+18,5	+6,5
Августа			
4		+17,5	+5,8
15		+19,5	+5,8
21		+15,5	+5,5
25		+18,5	+5,5
Сентября			
13		+3	+5,3
Октября			
31		-1	+4
Ноября			
30		-14	+2,5
Декабря			
10		-16	+2,5
24		-15	+2,5
Генваря 1831			
5		-19	+2,5
Февраля			
15		-16,5	+2

Итак, среднее для 1-го колодца . . . . . +4,01*

ВО ВТОРОМ КОЛОДЦЕ

Августа			
15		18,5	+3,5
25		18,5	+3,5

В ТРЕТЬЕМ КОЛОДЦЕ

Апреля			
3		+4,5	-1

* Температура в колодце по наблюдению 8 марта составляла 2,1°. Следовательно, с сего числа снова стала она повышаться, а потому 2 градуса означает минимум.

*Описание певчих птиц, в окрестностях
Тобольска замеченных*

Название птиц по роду и виду	НАРУЖНОЕ ОТЛИЧИЕ	Чем питается	На каких местах вьет гнездо	Улетает или остается на зиму	По сколько выводков птенцов
1	2	3	4	5	6
<i>I. Под Fringilla</i>					
1) F. Spizus. Чиж.	Цвет перьев иззелена-желтый. Молодые чижи подражают голосу канарейки и научаются петь песни по органу. Очень ручные.	Конопляным семенем и березовыми сеерожками.	В борах на самых вершинах деревьев.	Остается.	По 4.
2) F. Carduelis. Щегленок.	Лоб и горло червлёные, правильные перья, желтые с белизною на концах.	Конопляным семенем и шишками с репейника.	В борах среди деревьев.	Остается.	По 4.
3) F. Caelibis. Зяблик.	Спина черно-серая, хвост и крылья с косыми белыми струями. Пение многообразное и очень приятное. Пужлив.	Рыжиком.	На деревьях в мелких лесах.	Улетает.	По 5.
4) F. Montifringilla. Вьюрок.	Имеет крылья желтые.	00.	В лесах.	Улетает.	00.
5) F. Domestica. Воробей.	Темно-серого цвета спина и светло-серое брюшко.	Семенами разных растений.	Под кровлей жилых строений.	Остается.	Помногу.
6) F. Linaria. Чечет.	Цвета серого, как воробей, но зоб, темя и головка красные. Весной во множестве появляется прежде всех на проталинах.	Конопляным семенем.	В щацах и по кустарникам.	Остается.	По воробыному.
<i>II. Motacilla</i>					
7) M. Rubicula. Реполов.	Цвета серого и зоб желто-красный. Забияка.	Тоже.	На деревьях.	Улетает.	00.
8) M. Phaeopisulus. Горихвостка, иначе в Тобольске называется гористовка.	Цвета темно-серого, а брюшко оранжевое. У носу белая перевязь. Меньше и тонее воробья, голос приятный.	Муравьиными яйцами.	По дуплам и под крышами пустых строений.	Тоже.	По 6 и 7.

1	2	3	4	5	6
9) <i>M. Troglodites</i> . Крапивник.	Цветом перьев сходен с малиновой. Поет очень громко.	Тоже.	По низким местам и в крапиве.	Тоже.	По 5 и более.
10) <i>Motacilla</i> . Трясогузка серая, иначе называется в Тобольске синицей.	Цвета серого, подходящего к пепельному. Беспорывное движение хвостом дало ей название.	Насекомыми.	По сырым местам.	Тоже.	00.
///. <i>Parus</i>					
11) <i>P. Major</i> . Синичка.	Зеленоватого цвета, голова черная, щеки белые. На органе и флейтраверзе научаются высвистывать песни различные. К клеткам нескорю привыкает.	Конопляным семейным.	В борах на деревьях.	Остается.	00.
12) <i>P. Caudatus</i> . Малиновка, хвостовка.	Дымчатого цвета, больше пеночки, а хвост длиннее всего тела.	Муравьиными яйцами.	Вьет гнезда на малиннике и бывает весной во множестве в Медицинском саду.	Улетает.	По 5.
13) <i>P. Caeruleus</i> . Лазоревка.	Самого темного цвета, а под горлом высокого лазоревого.	Тем же и насекомыми.	По глухим местам и редко видима.	Тоже.	00.
IV. <i>Turdus</i>					
14) <i>T. Musici</i> . Певчий дрозд.	Дроздов два сорта: 1) темно-серого цвета, подходящего к черному, называется <i>елнишным</i> ; 2) светло-серого с крапинами, называется <i>рябинником</i> . Подражает в пении соловью.	Конопляным семейным и насекомыми.	На деревьях в борах.	Тоже.	По 5 и 7.
V. <i>Sturnus</i>					
15) <i>S. Vulgaris</i> . Обыкновенный скворец.	Черного лоснящегося цвета с белыми стрельчатыми полосками, нос желтый, шилообразный. Он, как и дрозд, перенимает песни соловья и других птиц, а также подражает и человеческому голосу.	Хлебом, творогом и тараканами.	В дуплах.	Тоже.	По 6 и 7.
VI. <i>Emberiza</i>					
16) <i>E. Hortulana</i> . Овсянка.	Их два сорта: 1) серая с белыми около глаз полосами; 2) желто-серая.	Овсом.	Под кустами около корней.	Остается.	По 4 и 5.

1	2	3	4	5	6
17) T. Milvina. Подорожник. VII. Alauda	Цвета серого, летает при дорогах.	Тем же и просом.	В кустарниках.	00.	00.
18) A. Arvensis. Лесной жаворонок. VIII. Loxia	Цветом светло-серый. Поет нежно и приятно.	Насекомыми и муравьиными яйцами.	На земле около берез.	Улетает.	По 5 и 6.
19) L. Perghula. Снегирь, в Тобольске называется жуланом.	Спина дымчатая, головка черная, брюшко красное.	Коноплянными семенами и насекомыми.	В глухих местах.	Остается.	По 4.
20) L. Curvirostris. Клест. IX. Ampelis	Имеет нос наподобие ноженца.	Коноплянными семенами.	В березовом лесу.	Тоже.	00.
21) A. Garulius. Свиристель обыкновенная. X. Hirundo	Имеет спину красноватого цвета.	Тоже.	В чащах.	Тоже.	00.
22) H. Domestica. Домовая ласточка.	Цветом черно-сизая, лоснящаяся.	Насекомыми.	Около жилых мест и под крышами церквей.	Улетает.	По 6 и 8.
23) H. Riparia. Стриж. XI. Corvus	Цвета серо-белого.	Семенами и насекомыми.	В горах.	Тоже.	00.
24) Corvus corax. Иволга.	Самец прекрасного палевого цвета, самка желто-зеленого, крылья у обоих черно-бурые, ноги черные. Поет приятно, но выходка его мала. В садках не держится для того, что не выносит заключения, скоро издыхая.	Насекомыми и ягодами.	На деревьях.	Тоже.	От 5 до 7.
25) Печеночка.	Пепельного цвета, самая малая птичка в 1/2 горихвостки.	Муравьиными яйцами и насекомыми.	На ивах.	Улетает.	По 4.

1	2	3	4	5	6
26) Болотный воробей.	Спина серая, брюшко оранжевое, голова дымчатая, щеки около глаз черные.	Семенами и насекомыми.	На кустарниках около болот.	Тоже.	По 4 и 5.
27) Черемошник.	Сходствует цветом перьев с малиновкой, но различается по пению.	Муравьиными яйцами и насекомыми.	На черемухе.	Тоже.	По 5 и 6.
28) Варакушка.	Цветом темно-серая, горло лазоревое, а зоб оранжевого цвета.	Муравьиными яйцами.	Вьет гнезда на вершинах деревьев.	Тоже.	По 5 и 6.
29) Зорянка.	Спина серая, а брюшко от носа до ног огнистого цвета. Поет более на заре.	Тоже.	На деревьях.	Тоже.	По 4 и 5.
30) Еловник.	Спина серого, а под горлом красного цвета.	Тоже.	В еловых лесах.	Тоже.	00.
31) Синик.	Спина дымчатого цвета, щеки черные, брюшко белого цвета, роста малого.	Конопляным семенем.	В глухих местах на деревьях.	Тоже.	00.

Примечания.

1. Время понимания всех вообще птиц бывает весной.
2. Яйца бывают разноцветные и с крапинками.
3. Птицы под №№ 4, 5, 6, 10, 17, 22 и 23 по худому и неприятному пению в садах не держатся.
4. Для вышеозначенного описания цвет перьев бран с самцов, которые во всех родах птиц, а преимущественно в певчих, бывают красивее своих самок.
5. Сверх сего, из птиц соровых: сойка (*Corvus Glandarius*) краснобурого цвета, с голубыми крыльями, содержится в садках не за пенью, а за красотой перьев и потому еще, что легко подражает разным действиям человека, как то: смеху, плачу и проч., даже приучается выговаривать некоторые слова.

**О Петре Андреевиче
Словцове**

Петр Андреевич Словцов

Биографический очерк жизни историка, составленный в 1858 г. сотрудником и другом его Н.А. Абрамовым*

Петр Андреевич Словцов принадлежал к числу тех людей, которые бескорыстно посвящают себя на службу и пользу отечества и коим судьба определила испить чашу горестей. Неумомимое трудолюбие, опытность и честность раскрывали ему блестящую дорогу к почестям и славе, но эгоизм жить без покровителей, доверчивость к мнимым друзьям и зависть быстрому его возвышению по службе были причиною удаления его из Санкт-Петербурга в Сибирь. Но несчастье его доставило пользу этой отдаленной стране. Тридцатипятилетняя жизнь его здесь была употреблена на полезную службу по учебной части и посвящена прилежному изучению Сибири, коего результатом впоследствии явилось замечательное сочинение под именем «Исторического обозрения Сибири». Посему Словцов, как отличный судьбою от людей обыкновенных и достойно прошедший свое земное поприще на пользу службы и науки, заслуживает, чтобы о нем знало потомство.

Петр Андреевич был сын священника и родился 1767 года в Нижнеуссанском заводе Пермской губернии. Первоначально обучался в Тобольской семинарии. С ранних лет почувствовал силу своего таланта, стремившегося к обнаружению, и показал необыкновенные способности в учении. В

* Кроме этого очерка, помещенного в нашей газете назад тому 35 лет (1858, № 34) и давно уже обратившегося в библиографическую редкость, некоторые сведения о жизни П.А. Словцова заключают еще следующие издания: 1) «Северн. Пчела», 1844, № 27; 2) «Москвитянин», 1844, № 11; 3) «Москвитянин», 1845, № 10; 4) «Золотое Руно», 1858, №№ 43 и 44; 5) «Тобол. губ. вед.», 1871, №№ 18 и 19; 6) «Иркут. епар. вед.», 1872, № 45; 7) «Чтен. в общест. Истор. и Древ. Рос. сийск.», 1873, № 3; 8) «Сборник газеты Сибирь», 1876, т. 1; 9) «Пермск. губ. вед.», 1880, № 60; 10) «Восточн. обозр.», 1886, № 38; 11) «Календарь Тобол. губ. на 1893 г.» и мн. друг. — Ред.

1788 году, как отличный ученик, был отправлен в высшую Санкт-Петербургскую Невскую семинарию, впоследствии переименованную в академию. Здесь он встретился с учеником из Владимирской семинарии Михаилом Михайловичем Сперанским, который сделался его товарищем и искренним другом. По окончании учения Словцов возвратился на родину и в Тобольской семинарии занял место учителя красноречия и философии. Предназначался к духовному званию, но судьба отклонила его от сего предназначения.

В 1795 г. в Тобольском кафедральном соборе он произнес слово. В нем дозволил себе смело судить и открыто говорить о некоторых современных знаменитостях*.

По окончании литургии проповедь была найдена в его квартире, отобраана и представлена в Санкт-Петербург. Вскоре и сам сочинитель был увезен туда же. Отсюда отправлен в Валаамов монастырь на Ладожском озере. Здесь, соответственно познаниям, ему дали перевести с латинского языка некоторую душеспасительную книгу с намерением обратить переводчика к правильному суждению.

Между тем, как виновный томился в заточении, нашлись люди, которые дорожили им. Тобольский архиепископ Варлаам, под начальством коего Словцов обучался и служил в семинарии, отечески скорбел о молодом человеке, которого вольность мыслей и неопытность заставили преступить границы скромности. Он писал к брату своему, санкт-петербургскому митрополиту Гавриилу, ходатайствуя о прощении виновника. Митрополит предоставил защищаемому объяснитьсь. Вскоре Петр Андреевич возвращен из монастыря и с переводом душеспасительной книги явился к преосвященнейшему Гавриилу. Перевод рассмотрен и одобрен, а переводчик понят как человек ученый. По объяснении говоренного им слова в Тобольске он признан невинным и определен учителем красноречия в Невскую высшую семинарию. Здесь же М.М. Сперанский был префектом и учителем философии. Два друга еще более связались обоюдной приязнью.

Петр Андреевич, не желая оставаться в духовном звании, в июне 1797 года на основании Высочайшего рескрипта генерал-прокурору определен в канцелярию его и 4 октября

* Проповедь была цензурована ректором семинарии архимандритом Геннадием, но Словцов произнес ее с прибавлениями, сделанными после.

произведен в титулярные советники. Начальство скоро оценило замечательные качества человека, образованием своим и острым умом отличавшегося от других. Проходя служение с усердием и пользою, 22 апреля 1799 года пожалован чином коллежского асессора, а 25 декабря 1800 года произведен в надворные советники. В 1801 году 30 июня перемещен в канцелярию государственного совета помощником экспедитора. По высочайшему повелению был отряжен в Черноморский край для описания торговли и за исполнение сего поручения всемилостивейше награжден перстнем. Высочайшим указом, данным правительствующему сенату 20 февраля 1803 года, переведен в департамент министерства коммерции экспедитором. Пожалован в коллежские советники 29 января 1804 года. Награжден орденом св. Владимира 4-й степени 6 сентября 1807 года*. Словцов, как видим, быстро шел к повышениям, опираясь на одни собственные достоинства, и никогда не искал покровительства и связей. Он видел, что открылась счастливая карьера в его служебной жизни, и мог основательно рассчитывать на блистательную будущность. Нет сомнения, что при отличных дарованиях, дополняемых большой начитанностью и опытом на гражданском поприще, он успел бы со временем достигнуть высшей степени в государстве. Но зависть, избирающая себе жертвою отличных людей, захотела воспрепятствовать дальнейшему возвышению Словцова... Он неожиданно увидел сети, расставленные ему от мнимых приятелей**, и, естественно, должен был смутиться тем с большей горестью, что при уединенной своей жизни поставлял всю честь в бескорыстии и беспристрастии***!

С 8 января по 22 февраля 1808 года Словцов содержался под арестом. Испытал всю горечь чувствительной души. После того обвиненный по особому распоряжению от 18 февраля того же, 1808, года отправлен на службу в штат канцелярии сибирского генерал-губернатора.

* Из паспорта визитатора сибирских училищ П.А. Словцова, данного при отставке ему из правления Казанского университета 12 июля 1829 г. за № 3095.

** Словцов давно простил врагов своих, которые все, как и он, пошли в вечность.

*** Из записки, поданной Словцовым сенаторам князю Куракину и Безродному, ревизовавшим Западную Сибирь в 1827 году.

Печальный, покорный судьбе, в августе Словцов прибыл в Тобольск. Здесь, в стране родной, сделавшейся местом его изгнания, он впервые всего встретил опередившее его в путешествии письмо от М.М. Сперанского, писанное 22 июля.

«Письмо ваше, мой любезный Петр Андреевич, из Казани, я получил. Кто взял на себя крест и положил руку на рало, тот не должен уже озираться вспять. И что, впрочем, озираясь, он увидит? Мечты и привидения, все похоть очес и гордость житейскую. Великая разность, друг мой, идти путем умозрения и путем действительного терпения. Мы умствуем, а тебе милосердное провидение назначило действовать. Будь же его орудием верным и неразногласным. Человек с той минуты приобщается точно истинно Сыну Божию, везде присутствующему и вседействующему, и разделяет честь Божества, когда он прилагается воле Божией покорностью своей воли. В чем состоит то единое на потребу, коего требует любовь и без коего не может быть истинного соединения. Впрочем, царствие Божие близ есть. В миллионе веков, кои нам прожить остается, действительно настоящая жизнь есть мгновение: как же тут различить годы, месяцы и дни? Как найти в сей бездне расстояние Сибири от Петербурга? Как определить положение и предел различных мельканий, что мы называем участью и происшествиями нашей жизни?».

«Не соблазняйся, однако же, друг мой, приливом разных суетных помыслов, вспомни нашего доброго Фому Кемпийского. Сего утра я читаю: «Вся наша жизнь есть ряд перемен; то мы спокойны, то тревожны, то набожны, то хладнокровны, то степенны, то легкомысленны. Но разумный человек и хорошо знакомый с духовными предметами остается непоколебимым среди стольких угнетающих переворотов, не обращая внимание, с которой стороны дует ветер непостоянства, но устремляя свои взоры к лучшему концу, к которому должно все стремиться».

«Не удивитесь, что вместо петербургских новостей пишу вам вещи, так мало к Петербургу принадлежащие. Сия беседа есть единственно для меня и для вас интересная. Прочее все пусть идет, как может: мы знаем, что как бы колесо ни вертелось, а с оси Провидения не спадет и с пути своего не совратится. Впрочем, Учитель наш сказал: царство мое есть от мира сего, а следовательно, и новости его к нам не

принадлежат; вообще же сказать: старое идет по-старому. Прощайте, мой любезный! Душевно вас обнимаю, Божию благословению вас поручая. Не забывайте меня в ваших утренних размышлениях»*.

Находясь в канцелярии сибирского генерал-губернатора, Словцов никакой должности не занимал и надеялся скорого возвращения в Петербург к прежней должности. Иван Борисович Пестель в конце того же 1808 года, при отправке в Петербург, послал вперед Словцова со своею путевою канцеляриею. Обрадованный изгнанник известил об этом Сперанского. Но тот, зная, что враги не допустят его в Петербург, поспешил навстречу послать ему письмо:

«Письмо ваше, любезный мой Петр Андреевич, с известием о возврате вашем сюда много меня обрадовало. Нельзя еще теперь определить ни надежд ваших, ни страхов, ибо все с вами случающееся не входит в обыкновенные человеческие расчеты. Ваш путь особенный, и Провидение ведет вас совершенно по-своему. С сей точки зрения вы непрестанно должны смотреть на все происшествия вашей жизни, ничего не ожидать положительного и на все быть готовым. Я желал бы, чтобы в Москве, или где-нибудь сождали вы Ивана Борисовича, чтобы в Петербург приехать вместе и проч.»**.

И действительно, желание Петра Андреевича возвратиться в Петербург не исполнилось. С канцелярией генерал-губернатора он доехал только до Москвы и здесь опять получил письмо от Сперанского.

«Сам ты видишь, любезный мой страдалец, что трудно против рожна прати, лучше покориться. Бросим все замыслы, ничего не надеяться, не желать и не мыслить, как токмо о Едином. Верь, что Провидение ведет тебя особенно, ибо все человеческие способы и усилия противны твоему влечению, как брение сокрушаются. В Москве у Ключарева найдешь мое письмо. Советую тебе с ним познакомиться: он, может быть, утешит и несколько поднимет упавший твой дух силою веры. Других утешений представить тебе не могу, ибо, невзирая на разность положений, и сам их не имею. Размысли, что ты потерял? Случай гордости и пищу

* Из подлинных писем М.М. Сперанского П.А. Словцову; некоторые из них помещены в «Москвитяине» 1844 г. ч. V, стр. 387—390.

** Письмо от 18 января 1809 года.

самолюбия, а более ничего. Много можешь ты сказать мне в укоризну сих советов, но истина не относится к лицу, и я, который тебе советую в твоём положении, может быть, был бы еще прискорбнее и неутешнее. Прощай. Богу, вере, надежде и славе — Единому Существу тебя поручаю. О деньгах не пекися — долг будет здесь заплачен»*.

В Твери Пестель получил предписание, что не только он не может привезти с собой в Петербург Словцова, но что даже ему воспрещен въезд во внутренние российские города. Посему Петр Андреевич должен был обратиться в Тобольск. Новая, очень глубокая рана для чувствительного сердца. Считаясь на службе в штате канцелярии сибирского генерал-губернатора, он около полутора лет прожил в разных уральских заводах и на родине, усовершенствовался в науках и преимущественно здесь занимался минералогиею.

Но куда бы судьба ни забросила человека с познаниями и трудолюбием, какое бы поприще он не избрал для своей деятельности, везде он сумеет сделаться замечательным. В Сибири Словцов был испытан по делам службы и впоследствии в 1814 году получил отличное поручение обозреть присутственные места Забайкальского края, Нижнеудинского и частью Иркутского уездов и за полезные замечания по разным предметам управления получил признательность от иркутского гражданского губернатора. В 1815 году обозревал Киренский и Якутский округа и представил предположения о населении части Якутского края, за что ему также изъявлена благодарность от гражданского губернатора. В том же году пожелал определиться совестным судьей, и вскоре отличное поведение и познания доставили ему место директора училищ Иркутской губернии, а Казанское общество любителей словесности прислало ему диплом на звание своего члена.

Служба Словцова в звании директора училищ ознаменована была похвальными усилиями к распространению народного просвещения. По старанию его в Иркутской губернии открыто в разных местах шестнадцать приходских училищ. Гимназия доведена была до возможной степени совершенства по всем частям, так что преосвященный Михаил, епископ иркутский, ежегодно присутствовавший при годичных испытаниях в гимназии, в 1817 году почтил это заведение нео-

* Письмо от 5 февраля 1809 года.

быкновенною честью, отдав ему похвалу даже в архипастырском поучении, произнесенном в кафедральном соборе*.

Живя в Сибири, Словцов мог ли предполагать, что друг его М.М. Сперанский также пострадает и потом будет главным начальником сей страны? Сперанский перенес тяжкие испытания чрез завистников его возвышению и недоброжелателей**. С 1812 по 1816 г. он был в изгнании, сначала в Нижнем Новгороде, потом в Перми. В это время Словцов, привыкший уже к изгнаннической жизни, в свою очередь писал утешительные письма к своему другу, томящемуся в удалении от престола***. Но невинность рано или поздно оправдается. Михаил Михайлович из Перми отправил императору Александру (в 1813 г.) свое оправдание — сильное, красноречивое, которое не оставляло на нем ни малейшего подозрения. По возвращении из-за границы государь внимательно и строго рассмотрел поступки Сперанского и не нашел убедительных причин к подозрениям. 30 августа 1816 года Сперанский определен губернатором в Пензу. Потом в марте 1819 года наименован сибирским генерал-губернатором. Здесь полтора года своего управления провел сей государственный мыслитель в умозрении, соображении и в систематическом очертании законной книги для управления страны обширной. Правительство услышало чрез прощательного посредника важные истины и издало в 1822 году особое учреждение для благосостояния Сибири. Сколько между тем Михайло Михайлович явил дел снисхождения, сострадания и вообще любви просвещенной к ближнему!

В 1819 году Сперанский, обревизовав Иркутскую губернию, между прочим, удостоверился в правилах служения Словцова и об управлении им учебной частью отозвался училищному начальству с отличною похвалою.

Умножившееся число уездных и приходских училищ и необходимость поддерживать в них порядок, следить за методом преподавания и успехами учащихся требовали правильных и постоянных осмотров училищ. В 1819 году, 2 ноября, министру народного просвещения князю Голицыну дан был

* «Письма из Сибири 1826 года», стр. 2.

** «Москвитянин» 1846 года, ч. VI, стр. 148.

*** Одно из них писано стихами и начиналось так:

«Знаю, что любезный друг мой стонет;

На что стонать, когда стонать мы рождены...»

высочайший рескрипт поручить коллежскому советнику Словцову осмотр учебных заведений в губерниях Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской; равным образом и впредь употреблять его на службу по учебной части в губерниях, составляющих Казанский учебный округ, и вскоре назначен он визитатором училищ. Но Петр Андреевич уклонялся от этой должности, что доказывает письмо к нему Михаила Михайловича Сперанского от 13 сентября 1820 года из Тобольска: «Из письма Михаила Леонтьевича (Магницкого) усмотрите вы, любезный Петр Андреевич, что вам невозможно уклоняться от звания визитатора. По мнению моему, и долг, и пристойность требуют, чтобы вы вступили в сие дело положительным образом, т.е. по первому зимнему пути отправились бы, по крайней мере, до Тобольска. Здесь вместе мы посоветуемся, должно ли и удобно ли будет с вашим здоровьем продолжать путь до Казани. Не считайте совет сей пристрастным, хотя удовольствие видеть вас в Тобольске и имеет тут вид пристрастия» и проч.

Намереваясь вскоре оставить Сибирь, Михайло Михайлович из Иркутска писал Петру Андреевичу в Казань: «Посылаю вам, любезный Петр Андреевич, время и вечность: часы и библию. Пусть первые напоминают вам смерть и разлуку, а вторые верное наше соединение в Спасителе нашем. И здесь живущие его духом не разлучаются, а там и разлучиться не могут. Время было бы несносно, если бы оно не приближало нас к вечности. Для странников, измученных жизнью, бой часов есть голос друга, зовущего к покою. Прощайте, воспоминайте меня в лучшее время жизни, в молитвах и добрых размышлениях. Желайте, чтоб тихая рука смерти с верою, любовью и надеждою закрыла мне глаза, зрелищем ложного света давно утомленные. Сего желать вам не престану»*. В 1820 году Словцов вступил в должность визитатора сибирских училищ и пожалован в статские советники со старшинством с 30 января 1808 года.

Постоянно ревностный к службе и благу отечества, Петр Андреевич, чтобы привести сибирские учебные заведения в возможную ответственность с современным состоянием наук и с местными потребностями края, с неутомимою деятельностью направлял их к улучшениям. Гимназии и училища снабжались достойными наставниками и обогащались учащими-

* Письмо от 24 июля 1820 года.

ся. В 1826 году в трех сибирских дирекциях считалось уже более 2000 учеников, между тем как лет за десять их было не более 600. Кроме сего, он старался распространять и материальные средства, и учебные пособия. В это же время сибирские училища владели собственными капиталами до 231047 руб. ассигнациями, которых проценты по распоряжению начальства употреблялись частью на содержание благородных воспитанников, или на возвышение учительских окладов, и частью на большее приращение самих капиталов".

При безбрачной, одинокой жизни учебные заведения, можно сказать, были домом и семейством Словцова. Он был строгий и вместе с тем добрый начальник. Подчиненные трепетали за неисправность, но он никому не сделал зла. Многих облагодетельствовал, возвысил и осчастливил. Долго было бы исчислять все, что полезного сделал этот трудолюбивый муж для сибирских училищ в отношении учебном, нравственном и хозяйственном; скажем только, что Провидение благословило его успехами, заметными повсюду. Для достижения такого результата, без сомнения, необходимы были необыкновенные усилия, неутомимая деятельность и неусыпный надзор.

Высочайшие награды суть лучшие свидетели о его ревностной и полезной учебной службе. В 1824 году он награжден орденом св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями. В 1826 году пожалован в действительные статские советники. Казалось, что звезда его снова возблистала над ним. Вот что, между прочим, он говорил тогда в письмах своих о Сибири: «Решите вопрос психологический: почему наше воображение всегда в прошедшем, в котором смешивается, по крайней мере, поровну количеству огорчений и удовольствий, освещает одни приятные выдержки, а все черное или бросает в неприметной дали, или в тени погружает! Самые горести, самые слезы после того, как они обсохли, не представляются ли нам в радужных цветах? Вообще воспоминания, несколько крат переломившись, так сказать, в кристалле воображения при разных разложениях чувствительности, не подлежат ли метафизической игре цветных отливов, как и в атмосфере радужные дожди?»**. Но получая знаки монарших милостей и приобретши право на службу по всем губерниям, составляющим Казанский учебный

* Письма из Сибири 1826 г., стр. 110—112.

** «Письма из Сибири 1826 г.», стр. 4.

округ, Словцов смущался сомнением: имеет ли он право на жительство и службу в России без ограничения, если бы представлялась в том нужда. Посему генерал-губернатор Западной Сибири Петр Михайлович Капцевич, свидетельствуя об отличной службе Петра Андреевича, испрашивал у государя императора дозволения служить ему в России, но государю императору благоугодно было повелеть оставить Словцова на службе в том же месте. В сих высочайших словах Петр Андреевич полагал всемилостивейшее усмотрение полезной службы его на своей родине, но вместе с тем все-таки думал, что назначение служить в Сибири, последовавшее в 1808 году по одним вероятностям*, не могло ли разуться в виде заточения?

В 1827 году прибыли в Тобольск сенаторы Безродный и князь Куракин для обревизования Западной Сибири. Словцов, сознавая свою усердную и полезную службу, засвидетельствованную начальством, подал им записку об исходатайствовании отмены действия указа, состоявшегося 18 февраля 1808 года на имя сибирского генерал-губернатора. Сенаторы, удостоверившись в честном поведении и ревностной службе просителя, ходатайствовали за него у государя императора чрез генерал-адъютанта Бенкендорфа. В январе 1828 года последовало всемилостивейшее согласие продолжать Словцову службу в России, где пожелает, без ограничения**.

Получение сей монаршей милости обрадовало ожидавшего ее. Не из видов дальнейшего возвышения по службе, но единственно в удостоверение, что оправдан и невинен, Словцов намеревался отправиться в Петербург, где уже и было обещано ему одно из высших служебных мест. Многие из уважавших и любивших его лиц радовались и советовали ему продолжать служение в столице, но нашлись люди, которые были противного мнения. Один из них говорил: «Петр Андреевич! Пламень недоброжелательства врагов ваших в Петербурге, может быть, по-видимому, и угас, но подумайте, нет ли искр под пеплом, которые в присутствии вашем не образовали бы нового пламени. После бурной вашей жизни и приметах к старости не славы и чести, но покоя и душевного спасе-

* Из записки, поданной от Словцова сенаторам, обозревавшим Западную Сибирь в 1827 году.

** Список с отношения генерал-адъютанта Бенкендорфа гг. сенаторам Безродному и князю Куракину от 19 января 1828 г. за № 276.

ния следует желать вам». Сии слова, произнесенные из уст пресвященного и благочестивого мужа, глубоко пали на сердце Словцова и разрушили задуманный план его. С упразднением должности визитатора училищ в 1829 году он оставил службу и от правления Казанского университета получил аттестат с рекомендацией: «Под судом, в штрафах и отставке не был. Во время пребывания в учебном ведомстве проходил должность свою, равно и исполнял все деланные ему по службе поручения с отличным усердием и ревностью на пользу народного просвещения при примерной нравственности». Вскоре за отличное прохождение службы награжден орденом св. Владимира 3-й степени и пенсиею по 3000 рублей (ассигнациями) в год. По сему случаю предварительно писал к нему М.М. Сперанский: «Давно, мой любезный Петр Андреевич, собирался я к вам писать, но все отлагал до того времени, когда могу сказать вам что-нибудь приятное и решительное. Третьего дня князь Ливен мне объявил, что желание ваше и мое сбылось. Государь пожаловал вам полный пенсион. Зная, сколь нужна вам сия милость к устройению и успокоению вашему, от всего сердца вас поздравляю. Прослужив с честью и пользою государству, вам остается теперь дослуживать службу великую, но нетяжелую — нести иго благое и бремя легкое — Господа Спасителя. Сколько часто среди дел и сует, меня обуревающих, думая о вас, наслаждаюсь мысленно вашим положением. С тех пор, как мы расстались в Иркутске, мысли мои, слава Богу, в сих существенных отношениях ни в чем не изменились, и мысль, когда и приду, и явлюся лицу Божию, везде и всегда со мною. Поручаю себя вашим добрым воспоминаниям и молитвам и точно молитвам, ибо я в глубине души уверен в действии молитвы не только за себя, но и за других. Господь да будет с вами. P.S. Для чего бы вам хотя изредка, при большем вашем досуге, не написать ко мне строчку, сказать слово утешения. Это была бы сушая милостыня нищему, да бескорыстный, ибо отвечать я вам не в силах, но каждую почту рад читать ваши письма — не о Сибири и делах ее, но о вас самих и деле **Божием**»*.

Вот краткий очерк служебного поприща Словцова, несмотря на превратности его жизни, достоинствами и заслугами достигшего знатного чина и знаков отличия.

* Письмо от 3 октября 1829 года.

Теперь обратимся к ученым трудам его, которые доставили ему неоспоримое право на почетное место в истории русской литературы. Из переводов его с латинского и французского языков, оставшиеся в рукописях, известны: «Извлечение из Вильгельмановой истории о художествах, какие были у древних народов» 1810 года; «Муж жаждущий» — двадцать четыре тетради in fol, начато переводить в марте 1807 года, кончено в декабре 1808 года. Отрывки из книги «О служении духочеловека». Перев. 1817 г. Назидательные чтения из книги «Душа, возносящаяся к Богу посредством размышления и благоговения». Начато переводить 22 июня 1842 года; три тетради сии in fol.

В молодости Петр Андреевич не чужд был и поэзии. Из стихотворения его помещено в «Пантеоне Русской Словесности» «Китаец в Петербурге», есть немало и в рукописях: «Послание к М.М. Сперанскому»*, «Послание к М.М. Сперанскому в Пермь» во время нахождения его там в изгнании; «К Сибири»; «Переложение стихами канона Пасхи» и проч.

В «Казанском Вестнике», «Московском Телеграфе» и других периодических изданиях можно найти несколько статей, относящихся до Сибири. Отдельно изданные им сочинения: «Похвальное слово Иоанну Васильевичу IV», «Похвальное слово Пожарскому и Минину», печатанные в 1807 году; «Письма из Сибири 1826 года», посвященные Казанскому обществу любителей словесности; «Два дня из римской истории, или Двоесцинионов африканских», 1830 года — посвящено Ивану Ивановичу Мартынову, как заслуженному любителю классической древности; «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году». Но «Историческое обозрение Сибири» есть венец его сочинений. Не выгоды, но одно бескорыстное чувство священного долга в отношении к отечеству и любви к своей родине побудили Петра Андреевича предпринять в старости лет столь трудную работу. Как уроженец Сибири, объехавший ее от Урала до Камчатки и проживший в ней много лет, он коротко знал многие частности сей страны. Глубже и вернее других мог проникнуть во многие обстоятельства и собрать сведения для точного географического описания ее. Надо было видеть семидесятилетне-

* Это послание начиналось так:

«Еще с холодного пера текут чернила,
Еще кровь дружеская при гробе не застыла».

го автора, сидящего, сторбившись, над грудями книг и рукописей и нередко ночью при свете огня. Надо было подивиться примерному трудолюбию и терпению. Весь свой ум он употреблял на воспоминание своей родной страны и по возможности старался изобразить ее историческое обозрение твердою рукою мастера, ибо история Сибири была потребностью души его.

«Дщерь Азии, богато наделенна!
По статным и дорожным раменам,
Бобровою порфирой облеченна,
С собольими хвостами по грудям,
Царевна! Сребряный венец носяща,
И пестрой насыпью камней блестяща,
Славян наперсница, орд гордых мать,
Сибирь! Тебя мне любо вспоминать»*.

После Миллера и Фишера, его компилятора, с некоторым продолжением не было сибирского историка. Словцов дополнил сказания Миллера; для замещения пробелов, часто оказывающихся в пустоте сибирского быта, несмотря на многое множество писанного о Сибири, без связи и даже с противоречиями, поставил известное на своем месте, устранил мелочи, ничего не сказывающие, обошел противоречия и протянул чрез дальнейшее пространство времени нить историческую.

При таких условиях со стороны автора и при столь обширном изучении страны сочинение не могло не отличаться отчетливостью, хотя и не достигло большой полноты. Историческое обозрение Сибири состоит из двух книг. Первая, заключающая в себе события с 1588 до 1742 г., посвящена достопамятному имени Визлера, как писателя сибирской истории. Напечатана в 1838 году. Вторая простирается до 1823 года, или до издания Сибирского учреждения и открытия двух главных управлений — Западного и Восточного. Посвящена бессмертному имени графа Михаила Михайловича Сперанского, некогда бывшего генерал-губернатором. Вышла в свет по смерти автора — в 1844 году.

В сочинениях Словцова повторилась вся жизнь его. В них видно блестящее остроумие, образцовый взгляд, смелость говорить правду, почему в некоторых местах и проглядывает оригинальный и меткий критицизм, коим обнаруживал недостатки некоторых лиц в Сибири. Главные же черты «Истори-

* «К Сибири». Словцов.

ческого обозрения Сибири»: любовь к отечеству, нравственность и просвещение, какое было возможно в описываемое время. Новейшие писатели называют слог Словцова надутым, выражения необыкновенными, даже странными. Напротив, слог его сжат, как у Тацита, нет у него лишних слов, но периоды наполнены мыслями; читать его должно с толком и внимательностью. Кроме того, чтобы вполне оценить слог и выражения Петра Андреевича, их должно рассматривать и применять не к настоящему, но к тому времени, в которое он жил в молодости и под влиянием которого был воспитан и образован, ибо человек всегда есть плод своего времени.

Нет сомнения, что Словцов не мог изучить всех источников с равным вниманием. Пусть строгая критика находит недостатки в сочинении его, если оно не достигло полной исторической цели, но за всем тем оно будет лучшим и богатым приоткрытием к пространному произведению истории Сибири.

В некоторых журналах слегка упоминалось о выходе в свет «Исторического обозрения Сибири» и были помещаемы разборы, но полной добросовестной оценки этому замечательному сочинению еще не было. Сам автор в предуведомлении ко второй книге на отзывы об его сочинении говорил: «В IX томе «Сына отечества» за 1839 год я читал благородную рецензию на первую мою книгу. Книга обвиняется в сухости, в одной официальности и в устранении этнографического отдела. Все это имело бы место в концепте самостоятельной, а не областной истории. Умный рецензент, прочитав две страницы сего предуведомления, не рассудит ли послабить своею изыскательностью не менее и потому, что в моем плане надлежало быть кратким и достоверным, а не краснобаем, что здешняя история, как летопись правительственной опеки над сиротою, так сказать, совершеннолетней, должна поверять свои страницы актами, особенно при безгласности летописцев и бывальцев-писак, и что повторение этнографии истасканной завлекло бы меня далеко без нужды. Признаюсь, у меня нет счастливого дара оживлять обыкновенные житейские хлопоты простого быта, ни выдумать лучшую историю, как поэму, и проч. Читал также другие две критики: одну довольно жесткую о недостаточности единства, другую — довольно скромную о недостаточности системы. Благодарю обоих судей за их суждения, едва ли не излишние при первом обзоре и своде исторических происшествий

страны; но не пускаюсь в прения с притязаниями на ум, то эпический, то систематический. Я ограничиваюсь существенными вопросами к читателю: а) познакомлен ли он моею книгой с главными в Сибири событиями и с переменами по части управительной; б) правилен взгляд мой на общий ход дел страны, верны ли мои рассказы об особых происшествиях; в) высказано ли единство не техническое, но внутреннее, живое единство, которому по временам поучает голос народный и постоянно само правительство заботившееся: первое — прекратить неправды местные, второе — распространить христианство? Вот две неопровержимые истины, сказывающиеся в деле первых переводов — правосудие и православие? Впрочем, в духе целей страны или толпы, которая еще не сложилась, не видно общего света, а об оттенках было и будет замечаемо».

Довершим обзор наш из частной жизни Петра Андреевича. Он не был женат не потому, чтобы чуждался женщин, но превратность судьбы воспрепятствовала ему быть семьянином. «Ты видишь, — говорил он о себе в годах преклонных одному из уважаемых им лиц, — потухший вулкан и думаешь, что он всегда был покрыт льдом! В этом сердце перегорело много чувствований, много перекипело страстей: судьба одним разом их погасила, как мы гасим отгоревшую свечу». Словцов был честен, смел, враг притеснений и несправедливости.

По выходе в отставку Петр Андреевич постоянно жил в Тобольске, одушевляясь силою религии, был строг в образе жизни и чуждался всех светских удовольствий. Временем располагал с методическою точностью, а потому не проходило дня, который бы он бросил в жертву праздности. Но чтобы постоянное напряжение не могло вредить его здоровью, он разнообразил умственные труды свои. Поутру после молитвы, продолжавшейся около часа, читал несколько стихов из Евангелия, потом главу из Фомы Кемпийского или другого благочестивого писателя. Затем занимался чтением или письмом. Уделял несколько времени на прогулку и не более часа на отдых после обеда. Редко сам посещал некоторых и приверженных к нему лиц, которые в праздничные дни собирались к нему для умных бесед.

Так прошли тринадцать лет в отставке. Наконец недуги тела и преклонность лет начали расстраивать крепкое от природы сложение. Петр Андреевич начал чувствовать приближение смерти почти за год ранее. В таких мыслях от 31 августа 1842 года,

между прочим, он писал в Березов к одному из любимых и уважаемых им лиц, четыре года при нем каждодневно находившемуся в Тобольске для чтения ему книг и умного собеседования: «Н.А., желаю вам пользоваться долголетним здоровьем и благополучием. Что касается до меня, секира уже лежит при корени». В день ангела своего, 16 января 1843 года, подписал духовное завещание и, отдавая его И.П. Помаскину, сказал: «Болезнь моя усиливается, ничто не связывает меня с землею, книга о Сибири кончена, следует только отослать в печать (что и исполнил 24 февраля). Благодарю Бога за все благодеяния его в жизни моей и молю Бога, да успокоит меня, бедного грешника. Хотелось бы поболее заняться делом Божиим и, ежели сподобит Господь, то намереваюсь приобщиться св. тайн, потому что не знаю, доживу ли еще до поста и буду ли здоров», что и исполнил с теплой верою 18 числа того же месяца*.

Преосвященный епископ Владимир по прибытии из Костромы в Тобольск желал познакомиться с Петром Андреевичем, как другом родственника своего М.М. Сперанского. В праздник Благовещения совершал литургию в церкви прихода, где жил Словцов, и после обедни с гражданским губернатором М.В. Ладыженским приехал навестить больного. Пробыв несколько минут, преосвященный при прощании, благословив отходящего в вечность, сказал: «Молитесь Всемогущему, да облегчит ваши болезни, и я надеюсь вскоре видеться с вами»**. Назавтра больного соборовали св. маслом. Марта 28 Петр Андреевич скончался на 75-м году от рождения. Отпевание происходило 31 час в кафедральном соборе самим преосвященным Владимиром, который при сем случае говорил слово из текста: «Лазарь, друг наш успе».

Блажен, кто, расставаясь с сим миром, в последние свои часы мог отдать самому себе свидетельство, что, вытерпев стрелы зависти, давно душевно простил своих недоброжелателей, службою и учеными трудами был полезен человечеству, наконец, умными и нравоучительными советами укрепил благородные чувства во многих, особенно в сердцах, ему преданных.
2 августа 1858 года.
г, Семипалатинск.

* Из письма ко мне Ив. Порфф. Помаскина.

** Преосвященный епископ Владимир скончался 20 мая 1845 года после Словцова через 2 года, месяц и 22 дня.

К. Голодников

К биографии П.А. Словцова*

Сын священника одного из заводов Пермской губернии П.А. Словцов родился в 1767 году. Получив первоначальное воспитание под руководством отца своего, человека недалёкого в книжной премудрости, как и большая часть духовенства того времени, он на двенадцатом году от роду привезен был в Тобольск и сдан на казенное содержание в духовную семинарию, так как Пермская губерния принадлежала к Тобольской епархии. Окончив с отличным успехом курс семинарского учения, молодой Словцов отправлен был из Тобольска на казенный счет в Санкт-Петербург в главную Александровскую семинарию** и в этом-то лучшем в то время из высших духовно-учебных заведений в России он при необыкновенных дарованиях и прогрессивном направлении своем сблизился с сыном малоизвестного священника Владимирской губернии Сперанским, считавшимся уже по поведению и успехам своим первым студентом, подружился с ним и остался в переписке уже до самого конца его жизни.

По окончании курса в главной семинарии П.А. назначен был учителем философии и красноречия в Тобольскую семинарию, где, несмотря на свою молодость, скоро заявил себя одним из лучших преподавателей. Обладая большой начитанностью, остротою ума и даром слова, он нередко по желанию своего начальства говорил в Знаменском монастыре слова и

* Автор — двоюродный племянник Словцова (отец его матери был родной брат отцу Словцова) и ручается за верность сообщенных им сведений. Труд его основан преимущественно на собственных рассказах Словцова. Кроме того, материалами для этого труда послужили: «Тобольские губ. вед.» 1858 г.; «Жизнь гр. Сперанского и рассказы кафадрального протоиерея Фелицына».

** Что ныне С.-Петербургская духовная академия.

поучения, производившие на слушателей, по сказанию тобольских старожилов, весьма сильное впечатление. В одном из таких слов, сказанных 6 августа 1793 года на текст: «поят Иисус Петра, Иакова и Иоанна на гору Фавор и преобразился перед ними», молодой проповедник решился позволить себе в добавление к рукописному тексту, просмотренному и одобренному ректором семинарии (архимандритом Геннадием), несколько резких выражений насчет испорченности нравов вообще и некоторых из петербургских вельмож в особенности и затем, увлекаясь более и более, коснулся наград знаками отличия, называя их «игрушками суетного тщеславия»*.

Такая смелая выходка не осталась без грустных последствий для Словцова: бывший в то время в Тобольске губернатором Ф. А. фон Брин, сочтя автора за масона, или еще хуже, быть может, за мартиниста или иллюмината, взялся горячо за дело: в тот же день он распорядился обыском и опечатанием на квартире его всех бумаг и найденную при этом случае рукопись слова, сказанного в тот же день, представил с первою же почтою в Петербург.

Прошло после этого более двух месяцев. Однажды П.А., находясь вечером у преосвященного архиепископа Варлаама вместе с почетным тобольским первой гильдии купцом М.А. Селивановым и временно проживавшим в Тобольске директором Кяхтинской таможни Голяховским (?), неожиданно и секретно вызван был из гостиной в переднюю. Здесь ожидал его уже фельдъегерь, присланный из Петербурга, и П.А. дано было только несколько минут для получения от преосвященного благословения. Голяховскому не было даже дозволено снабдить несчастного своею дорожною шубою: возок с теплою зимнею одеждою ожидал уже своего путника у парадного подъезда архиерейского дома.

В течение слишком трехнедельного путешествия до Петербурга П.А. не было дозволено ни в одном из проследованных им городов выйти из экипажа, даже пищу давали ему в таких случаях через опущенное окно экипажа. Наконец, больной духом и телом, он привезен был в Александровскую лавру и после непродолжительного пребывания в ней отправлен был далее, в Валаамов монастырь на Ладожском озере. Сколько вре-

* Лет двадцать назад тому нам случилось читать это слово в рукописи, но упомянутых выше добавлений в нем, конечно, не было.

мени томился здесь в заключении несчастный страдалец — неизвестно. Маститый покровитель его, преосвященный Варлаам, ценя высокие дарования и хотя пылкий, но благородный характер своего проповедника, ходатайствовал о нем у брата своего, с.-петербургского митрополита Гавриила. Вследствие этого ходатайства П.А. дозволено было прибыть в Петербург и объясниться со всею искренностью относительно сказанного в Тобольске слова. Оживленный надеждою, П.А. поспешил явиться к митрополиту и здесь в присутствии других высокопоставленных лиц не только с достоинством опроверг все взведенные на него клеветы и подозрения, но даже заявил себя, как просвещенный и благонамеренный вития и наставник. Преосвященный Гавриил пожелал оставить его при себе, и вот П.А. определен был чрез несколько дней учителем красноречия в главную Александро-Невскую семинарию, где прежний товарищ его Сперанский служил уже в звании преподавателя и префекта. В 1797 году, оставив духовное звание, он на основании высочайшего рескрипта генерал-прокурора причислен был к канцелярии последнего, но здесь прослужил недолго и в 1801 году перемещен был в канцелярию Государственного Совета помощником экспедитора. Находясь в этой должности, П.А. командирован был по высочайшему повелению в Черноморский край для собрания сведений о ходе местной торговли и за вполне удовлетворительное исполнение этого поручения был награжден бриллиантовым перстнем. Затем высочайшим указом, данным правительствующему Сенату 20 февраля 1803 года, был переведен в департамент министерства коммерции экспедитором и вслед за тем награжден чином коллежского советника и орденом св. Владимира 4-й степени. Лестное внимание к усердной и деятельной службе П.А. и быстрое движение по ней вскоре возбудили зависть, а завистники стали искать предлогов погубить его. К несчастью, такой предлог скоро представился. Находясь однажды в стеснительном финансовом положении, П.А. должен был прибегнуть к займу 600 рублей ассигнациями у одного известного в то время в Петербурге лица, не зная, что у него с давних лет имеется в департаменте дело, по которому П.А. надлежало быть докладчиком. И вот, несмотря на известную всем честность и нелюбостыжательность его, этому обыкновенному займу придан был неблагонамеренными лицами вид лихоимства, и по доносу об этом началось формальное следствие. 8 января 1808 года П.А.

заключен был под стражу, но по неимению оснований к положительному завинению или оправданию, 18 февраля того же года отправлен был на службу в Тобольск в штат канцелярии сибирского генерал-губернатора. Здесь, убитый горем и безнадёжностью своего положения, получил он письмо от старого своего товарища М.М. Сперанского:

«Письмо ваше из Казани, — писал он, — я получил. Кто взял на себя крест и положил руку на рало, тот не должен уже озираться вспять; и что, впрочем, озираясь, он увидит? Мечты и призраки, похоть очес и гордость житейскую. Великая разность, друг мой, идти путем умозрения и путем действительного терпения.

Мы умствуем, а тебе милосердное провидение назначило действовать. Будь же его орудием верным и неразногласным. Человек с той минуты приобщается точно, истинно Сыну Божию, везде присутствующему, вседействующему, и разделяет честь Божества, когда он прилагается воле Божией покорностью своей воли. В сем состоит то единое на потребу, коего требует любовь и без коего не может быть истинного соединения. Впрочем, царство Божие близ есть. В миллионе веков, которые нам остается прожить, действительно настоящая жизнь есть мгновение; как же тут различить годы, месяцы и дни? Как найти в сей бездне расстояние Сибири от Петербурга, как определить положение и предел различных мельканий, что называем мы участью и происшествиями нашей жизни? Не соблазняйся, однако же, друг мой, приливом разных суетных помыслов, вспомни нашего доброго Фому Кемпийского. Сего утра я читаю: «Вся наша жизнь есть род перемен; то мы спокойны, то тревожны, то набожны, то хладнокровны, то степенны, то легкомысленны, но разумный человек и хорошо знакомый с духовными предметами остается непоколебимым среди угнетающих переворотов, не обращая внимания, с которой стороны дует ветер непостоянства, но устремляя свои взоры к лучшему концу, к которому должно все стремиться». Не удивитесь, что вместо петербургских новостей я пишу вам вещи, так мало к Петербургу принадлежащие. Сия беседа есть для меня и для вас единственно интересная. Прочее все пусть идет как может: мы знаем, что как бы колесо ни вертелось, а с оси Провидения не спадет и с пути своего не совратится. Впрочем, Учитель наш сказал: «Царствие мое есть от мира сего», а следовательно, и

новости его к нам не принадлежат. Вообще же сказать: старое идет по-старому. Прощайте, мой любезный, душевно вас обнимаю, Божию благословению вас поручая. Не забывайте меня в ваших утренних размышлениях!».

Неизвестно, в каком смысле принял это назидательное и уклончивое от главной сути дела письмо Петр Андреевич. Но можно думать, можно с вероятностью полагать, что он ожидал от своего старого товарища кой-чего более утешительного, более существенного, а тексты священного писания он и сам знал недурно. Находясь в высших ступенях величия и славы, имея почти каждодневные доклады у государя, не мог ли, например, М.М. пресечь в свое время клевете путь к престолу, а позже — личным ходатайством и через связи, которые имел он тогда в высших сферах бюрократии, помочь своему несчастному другу-изгнаннику?

В конце 1808 года сибирский генерал-губернатор Пестель, отправляясь в Петербург, послал впереди себя П.А. с путевой канцелярией. В радужных мечтах о счастливой перемене судьбы своей несчастливец поспешил известить об этом Сперанского, и вот этот последний отвечал ему:

«Письмо ваше, любезный мой Петр Андреевич, с известием о возврате вашем сюда много меня обрадовало. Нельзя еще теперь определить ни надежд ваших, ни страхов, ибо все с вами случающееся не входит в обыкновенные человеческие расчеты; ваш путь особенный, и Провидение ведет вас совершенно по-своему. С сей точки зрения вы непрестанно должны смотреть на все происшествия вашей жизни, ничего не ожидать положительного и на все быть готовым. Я желал бы, чтобы вы в Москве или где-нибудь дождались Ивана Борисовича (Пестеля), чтобы в Петербург приехать вместе».

Опять одни слова, одни фразы и ни слова о деле, ни слова о том, что сделал сам он для несчастного своего друга. что могучий царедворец хитрил немного, а может быть, даже и не чужд был несчастной катастрофе, постигшей П.А. по делу об известном займе, то это подтверждается отчасти собственными словами последнего, сказанными перед смертью одному весьма почтенному духовному лицу, поныне живущему в Тобольске, 93-летнему старцу. Когда зашел разговор о Сперанском, П.А. сказал: «Бог с ним! Прощаю ему все, что он мне сделал, и все, чего он не сделал, хотя и мог бы сделать!».

В Москве П.А. снова получил от него письмо, помеченное 5 февраля 1809 года.

«Сам ты видишь, любезный мой страдалец, что трудно противу рожна прати, лучше покориться. Бросим все замыслы, ничего ни надеяться, ни желать и ни мыслить, как токмо о Едином*. Верь, что Провидение ведет тебя особенно, ибо все человеческие способы и усилия противны твоему влечению, и как брение — сокрушаются. В Москве у Ключарева** найдешь мое письмо. Советую тебе с ним познакомиться: он, может быть, утешит и несколько поднимет упавший дух твой силою веры. Других утешений представить тебе не могу, ибо, невзирая на *разность положений*, сам их не имею. Размысли, что ты потерял: случай гордости и пищу самолюбия, а более ничего! Много ты можешь мне сказать в укоризну сих советов, но истина не относится к лицу, и я, который тебе советую, в твоём положении, может быть, был бы еще прискорбнее и неутешнее. Прощай! Богу, Вере, Надежде и Славе, единому Сушему тебя поручаю. О деньгах не пекись — долг будет здесь заплачен».

Прибыв в Тверь, Пестель получил из Петербурга предписание, которым воспрещался Словцову въезд не только в Петербург, но даже и во внутренние российские города. Пораженный разочарованием в своих светлых надеждах на будущее, П.А. должен был с горестью в сердце возвратиться в Тобольск. Спустя четыре года после этого, в 1814 году, он получил поручение обозреть присутственные места в Забайкальском крае, Нижнеудинском и Иркутском уездах, и в следующем году ревизовал Киренский и Якутский округа; затем, согласно собственному его желанию, назначен советным судьёю и, наконец, директором училищ Иркутской губернии. В этом звании Казанское общество любителей словесности в признательности своей к заслугам его на поприще русской литературы избрало его в свои члены.

В это время, т.е. около 1819 года, М.М. Сперанский, испытавший в свою очередь превратность земного счастья, был назначен сибирским генерал-губернатором и, встретившись с П.А. в Иркутске, вот что писал о нем своей дочери:

«Словцов, один здесь умный и некогда острый человек, бо-
* Так ли думал и действовал в положении, подобном Словцову, сам М.М., находясь в Сибири, можно видеть из биографии его, составленной бароном Корфом.

** Тогдашнего московского почт-директора.

лен и стар. Это потухающий огонек, который изредка только вспыхивает. Физические его силы уже не те»*.

Высочайшим рескриптом от 2 ноября 1819 года, данным министру народного просвещения кн. Голицыну. Предписано было поручить коллежскому советнику Словцову ревизию учебных заведений в губерниях: Tobольской, Томской, Казанской, Пермской и Вятской, — а вскоре за тем, в 1820 году, он был назначен и визитатором этих учебных заведений. Много труда стоило П.А. привести в порядок вверенную ему учебную часть, набрать достаточный контингент опытных и благонадежных наставников и увеличить до того времени весьма скудную цифру учащихся, особенно в сибирских губерниях. В шесть лет его визитаторства количество последних от 600 человек возвысилось до 2000 с лишком человек. П.А. был строгим, но вместе с тем и справедливым начальником. Немногие из его современников, оставшиеся еще в живых, с уважением по сие время отзываются о нем. В 1824 году П.А., имевший уже чин статского советника, за особенные труды по службе получил Анну 2-й степени с алмазами; а в 1826 году произведен был в действительные статские советники — чин, который удавалось в то время получить немногим, особенно в отдаленной провинции.

Несмотря на все эти награды, мысли П.А., подобно его знаменитому товарищу, испытывавшему впоследствии в свою очередь всю горечь изгнания, стремились к северной столице, но ходатайство генерал-губернатора Капцевича о разрешении Словцову выезда из Сибири было в Петербурге отклонено, и только гораздо позже, по представлению ревизовавших Западную Сибирь сенаторов князя Куракина и Безродного, подкрепленному фактическими свидетельствами о безупречном поведении и примерно усердной службе Словцова, последовало в январе 1828 года высочайшее соизволение на продолжение им службы во всех российских губерниях по желанию его. Но лета и болезни, а частью и советы некоторых, искренно расположенных к нему лиц, уже охладили в нем прежний жар, и он решился не покидать Сибирь, оставив по упразднении должности визитатора даже и службу в этом крае. Награжденный за все понесенные им труды по учебному ведомству орденом Владимира 3-й степени и пенсией в 3000 рублей ассигнациями, он получил от М.М. Сперанского еще письмо, в котором он писал: «Давно,

* Жизнь гр. Сперанского бар. Корфа.

мой любезный П.А., собирался я к вам писать, но все отлагал до того времени, когда могу вам сказать что-нибудь приятное и решительное. Третьего дня князь Ливен объявил мне, что желание ваше и мое сбылось: государь пожаловал вам полный пенсион. Зная, сколь нужна вам сия милость, к устройению и успокоению вашему, от всего сердца вас поздравляю. Прослужив с честью и с пользой государству, вам остается теперь дослуживать одну службу великую, но нетяжелую — нести благое и легкое бремя Господа Спасителя. Сколько часто среди дела и сует, меня обуревающих, думая о вас, наслаждаюсь мысленно вашим положением. С тех пор, как мы расстались в Иркутске, мысли мои, слава Богу, в сих существенных отношениях ни в чем не изменились, и мысль, когда и приду и явлюсь лицу Божию, везде и всегда со мною» и проч.

Последние тридцать лет своей жизни П.А. провел в Тобольске, занимаясь приготовлением к печати своего труда — «Историческое обозрение Сибири». Образ жизни его был строго аккуратный: вставал он утром часов в шесть, около часу молился Богу и читал Евангелие, потом, напившись чаю, садился за свой труд. В час пополудни, выпив рюмку красного столового вина, обедал за весьма непривлекательным столом, состоявшим в простые дни из двух и в праздники из трех блюд; после того около часу отдыхал, ходя по комнате или на дворе своей квартиры, потом опять продолжал свой труд, за исключением чайного времени, до 10 часов вечера и затем отходил уже на покой. Табаку он никогда не нюхал и не курил. Костюм П.А. обыкновенно состоял из длиннополого серого цвета сюртука, застегнутого на все пуговицы; вследствие же слабости своего старческого зрения он постоянно носил над глазами зеленый тафтяной зонтик. Сам П.А. редко кого посещал* и на прогулку из дома выходил не более двух раз в неделю и то при благо-

Из посещавших его по временам лиц пишущий эти строки припоминает тобольских губернаторов: Повало-Швейковского, Муравьева А.Н. и М.В. Ладыженского; преосвященных: архиепископа Афанасия и епископа Владимира, родственника Сперанского; почетного первой гильдии купца М.А. Селиванова, инспектора гимназии И.П. Помаскина и учителя уездного училища, а впоследствии советника Семипалатинского областного правления Н.А. Абрамова. Двое последних часто занимались при П.А. чтением источников и пособий для его великого труда, а Абрамов сверх того еще и переводами с татарского и монгольского языков некоторых рукописей и надписей монетных.

приятной погоде. Прислуга его состояла из двух лиц: крепостного человека Полиевкта, отпущенного, впрочем, им на волю еще в 1834 году, и женщины-кухарки, служившей у него с приезда его в Тобольск и до самой его смерти.

Независимо серьезных, учено-литературных трудов, почтенный историк нашего края в молодости своей занимался и поэзией; так, находясь еще на службе в главной Александровской семинарии, написал он в часы досуга стихишки под названием «Китаец в Петербурге», начинавшиеся следующими словами:

Полетай, мой ворон сизый,
В Пекин грамотку снеси;
Ни над замком, ни над мызой
Не садись нигде в Руси.

Стихи для своего времени довольно недурные. О достоинстве же его главного труда «Историческое обозрение Сибири» говорить нечего, кто из нас, сибиряков, не читал его? Хотя некоторые из рецензентов сороковых годов и находили слог П.А. несколько тяжелым, но он основательно оправдывался в этом случае серьезным содержанием своего труда, вовсе не требовавшего игривых выражений.

Чувствуя приближение смерти, П.А. сделал духовное завещание, назначив душеприказчиком своим упомянутого выше инспектора гимназии Помаскина. В то время из родственников его оставались в живых только три племянника, из коих двое — пишущий эти строки с братом, еще юноши — находились в Тобольской губернии, а третий проживал где-то в Пермской. «Плохо умирать холостяку, некому и глаз закрыть!» — говорил П.А. приехавшему навестить его по поручению преосвященного Владимира кафедральному протоиерею П.А. Фелицыну. Назавтра, 28 марта 1843 года, он скончался на 75-м году от рождения. Отпевание тела его совершено было в кафедральном Софийском соборе преосвященным Владимиром, сказавшим по этому случаю слово на текст: «Лазарь, друг наш умре!». Оставшаяся после П.А. довольно значительная библиотека поступила, согласно завещанию его, в собственность Тобольской гимназии, а материалы для истории, географии и статистики Сибири отосланы были частью в Петербург к бывшему воспитаннику его г. Калашникову, а частью — в Березов к смотрителю училищ Абрамову. Минералогический же кабинет пожертвовал в Казанский университет.

Комментарии

Письма из Сибири 1826 года

- «Письма из Сибири 1826 года» П.А. Словцова (перед первой главой книги стоит название «Письма из Сибири в 1826 году») были опубликованы в 1828 г. Составившие книгу тексты датируются 1826 г., за исключением Посвящения, отнесенного к 1827 году. Однако замысел книги возник, судя по авторским замечаниям, значительно раньше — во время первой поездки П.А. Словцова по Восточной Сибири 1814–1815 гг. Писатель называет «письмами» свои статьи, напечатанные в «Казанских известиях». Данное в 1815 г. обещание посвятить книгу о Сибири Казанскому обществу любителей словесности было отсрочено на тринадцать лет, что связано, по-видимому, не только с судьбой П.А.Словцова, но и с историей «Общества», роковым для которого стал 1819 год. Именно тогда принявший должность попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкий произвел полную реорганизацию университета, удалив негодных ему профессоров. Лишь после ревизии (1827) Магницкого сменил новый ректор. В этом году П.А. Словцов возобновляет свои дружеские отношения с профессорами Казанского университета, напоминая им о прошлом.
- Жанр «писем» был хорошо известен читающей публике, знакомой в первую очередь с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина. Как отмечал М.К. Азадовский, «чувствительные путешествия» являются «одной из излюбленных форм в русской литературе начала XIX века... Среди многочисленных произведений этого рода встречаются и путешествия по Сибири. Как характерный пример можно указать на «Путешествия по Сибири г-на Трунина. Письма, писанные к другу в Москве» ... или неоконченные записки В. Димитриева».
- В «Письмах из Сибири» П.А. Словцова развернуто широкое географическое пространство — от Иркутска до Тобольска. Их повествование пестрит именами народов, населяющих Сибирь, топонимами, этнографическими и естественнонаучными фактами. Внимательный путешественник дотошно фиксирует многочисленные детали ландшафта, не оставляя без имени ни одной мало-мальски значительной подробности. Остановливаясь, он примеряет к месту географическую карту и, обнаружив ее неточности, стремится исправить их, сообразуясь с «натурой». Мир превращается в научную книгу, когда путешественник дает имена обитателям флоры и фауны, прибегая то к русскому, то к латинскому начертанию. Реальность «улавливается» сеткой познающего разума, приобретает стройность научной диссертации, чтобы тут же быть опровергнутой поэтом, который легкостью воображения отвлечется от таблиц и увидит в мире «тайну лаки-бытия». Весь сложный язык науки свернется в бессмысленные звуки да-ду, напоминающие о бренности жизни и ограниченности научных познаний.
- За пространственной перспективой, замкнутой «верхом эклиптики», открывается перспектива иного рода — временная, и «Письма» ведут чита-

теля в мир истории, хаотического смещения племен и рас, из которого вырастают современные народы. Автор всюду находит «осколки древности»: то в земле, скрывающей остовы доисторических животных, то в языке обитателей Сибири, в очертаниях их лиц, в одежде и вере. Память путешественника хранит стихи древних и новых поэтов, его ум совмещает научные труды с лирическими строчками «сладкогласых» художников. Сибирь, «золотое дно для предков наших и для нас, может быть золотым дном и для наблюдательного путешественника. И там Историк, Географ, Поэт найдут для себя много работы» (Н.А. Полевой). Автор «Писем» по мере его продвижения по Сибири превращается то в педантичного ученого, то в отвлеченного мечтателя. Книга изобилует фактами и научными гипотезами, интересными разве что специалистам: историкам, палеонтологам, географам, биологам. Обширность познаний П.А. Словцова в разных областях науки, конечно, впечатляет. И все же его попытка остаться энциклопедистом в век секуляризованной науки может показаться смешной и наивной. Видимо, нетрудно найти источники научных компиляций автора, а его гипотезы кому-то покажутся необоснованными. Не случайно «Письма» так и не вошли в обиход сибиреведов, в отличие от «Исторического обозрения Сибири», созданного позднее. И, как видно, от многих своих научных рассуждений П.А. Словцов отказался сам, не включив в «Историческое обозрение» ни пространных рассуждений о происхождении северных народов, ни изобильных ссылок на труды «академиков», которыми пестрят «Письма». И в то же время эпоха «дилетантов» еще не наступила. Полвека отделяет П.А. Словцова от К.К. Случевского, этнографа и поэта, философа и творца фантастических метафор. Автор «Писем» лишь ищет в самоиронии оправдания той серьезности, с которой он рассуждает о разных предметах науки.

Однако за всем этим морем фактов и научных рассуждений (иногда данных с некоторым извинением, а порой и с пафосом первопроходца), высвечивается просто человек, с его обидами и надеждами, разочарованием и невольным обольщением жизнью. Порой автор обнаруживает свое присутствие прямым риторическим рассуждением, вздохом о прошлом, поэтической метафорой, обращением к собеседнику. Но гораздо больше читатель узнает из полунамеков, аналогий, скрытых в обильных цитатах книги. Обращаясь к стихам Горация и Вергилия, Словцов создает образ поэта, его судьбы, раскрывает его отношения с миром. Горациев мотив «довольства малым» как условия свободы проходит через все «Письма». Скромный труд подвижника, возделывающего свою ниву, дает ему ощущение счастья. В «незабвенном Сперанском» угадываются черты Мещената, покровителя поэтов, узнавшего ласку правителя Рима и печаль опалы и забвения.

Автор «Писем» помнит о том, что ему идет уже шестой десяток лет. Он покинул Иркутск, где готовился провести остаток дней, в поисках нового приюта: какого — он еще не знает. Станет ли им Тобольск или все же славная «северная столица», куда Словцов стремился так долго, — еще не решено. Но мысль об уединении возникает у автора при виде сибирских монастырей и в особенности — Тюменского Троицкого, где «скрылся от света в святом, глубоком образе схимника» митрополит Филофей.

Поколение П.А. Словцова уходит в тень истории, и через несколько лет не станет «Мещената». Но, в отличие от любимого им римского поэта, сам Словцов на закате дней вступит на иной путь, чтобы обрести бессмертие — не стихами, а «Историей», вдохновенно написанной последним «сибирским энциклопедистом».

Текст «Писем из Сибири 1826 года» печатается по изданию 1828 г., осуществленному в Москве в Типографии Семена Селивановского.

В издании авторские примечания приведены постранично.

В комментариях сохраняется авторская орфография личных имен и географических названий.

¹ *Обществу Словесности* — Общество любителей отечественной словесности, созданное при Казанском университете, включало в свою программу изучение восточной части России. При содействии членов Общества в 1811–1820 гг. выходили «Казанские известия», где печатались труды сибирских краеведов, в их числе и П.А. Слозцова (См. «Библиографические заметки» Н.А. Абрамова в настоящем издании).

² *на пути к Якутску* — 3 июля 1821 г. была учреждена должность визитатора училищ Казанского учебного округа для постоянного осмотра училищ в Сибирских губерниях, на которую был назначен директор Иркутской гимназии П.А. Слозцов и при этом пожалован в чин статского советника. Эту должность Слозцов занимал вплоть до ее упразднения в 1829 г. В 1826 г. П.А. Слозцов предпринял последнюю крупную административную поездку по Сибири, проделав путь из Иркутска в Тобольск.

³ *оставя Иркутскую гимназию* — Старейшая в Сибири Иркутская гимназия была открыта в 1805 г.; с 1815 по 1821 г. П.А. Слозцов занимал место директора иркутских училищ и директора Иркутской гимназии.

⁴ *один из незабвенных посетителей* — Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) — видный государственный деятель александровской эпохи. Родом из семьи бедного приходского священника. Автор плана коренных государственных реформ. В марте 1812 г. в расцвете начинаний был отправлен в ссылку в Нижний Новгород, затем в Пермь. В 1819 г. вступил в Тобольске в должность генерал-губернатора (до 1821). Сибирский период жизни Сперанского был исключительно плодотворен (создано Сибирское Учреждение, реформировавшее административную систему Сибири). М.М. Сперанский был однокашником П.А. Слозцова по Александро-Невской Главной семинарии (1789–1792). Долгие годы переписывался со Слозцовым, посвятил ему стихи. В 1819 г. во время генерал-губернаторской ревизии Сибири Сперанский и Слозцов встретились в Иркутске. Сперанский высоко отзывался о личности и деятельности Слозцова («он стал еще лучше и умнее, чем был»), покровительствовал его педагогическим начинаниям (открытию приходских училищ, планам создания университета в Сибири).

⁵ *не прогневайтесь на воспоминание* — В «Письмах из Сибири» П.А. Слозцов неоднократно возвращается к событиям 1814 г., когда он, получив поручение обозреть присутственные места Забайкальского края, Нижнеудинского и Иркутского уездов, впервые совершил путешествие по Восточной Сибири. В 1815 г. П.А. Слозцов ревизовал Киренский и Якутский округа. Впечатления от поездки нашли отражение в серии статей 1816–1817 гг., напечатанных в «Казанских известиях» и «Сибирском вестнике» (1821 г.).

⁶ *буряты разноименные* — Основные бурятские племена — булагаты, эхириты и хори-туматы — обитали в Забайкалье с глубокой древности. К XVII в. племенное имя «буряты» объединяло все монголоязычные племена края. Но П.А. Слозцов, скорее всего, имеет в виду различные территориальные группы бурят (буряты Хоринские, Идинские, Кудинские, Аларские). В «Историческом обозрении Сибири» он пишет: «Зем-

- ли одиннадцати Хоринских родов, почти от Селенги до вершин Витима, от Онона до Ингоды и по Уде, равномерно земли восемнадцати Селенгинских родов, по левой стороне Селенги до системы гор Хамар-Дабанских, служили тогда для одного скотоводства и звероводства. Одни жертвенники, по веснам бурятами из дерев устрояемые на верху гор, по древнему примеру семитических племен, вызывали душу примечателя к благочестивым воспоминаниям» (Сибирские огни. 1992. № 1. С. 277).
- ⁷ *из эклога Вергилия* — Имеются в виду «Пастушеские стихотворения» («Буколики» или «Эклоги») древнеримского поэта Публия Вергилия Марона (70 г. до н.э.—19 г. до н.э.), идеализирующие сельскую работу, жизнь мирных пастухов, образы которых в эклогах отличаются высокой поэтичностью. Ирония П.А. Словцова основана на том, что главным занятием бурят, как и персонажей буколик Вергилия, было скотоводство.
- ⁸ *из-под лав Геркуланума целый листок Тацита* — Древнегреческий город Геркуланум был разрушен в 79 г. н. э. при извержении Везувия. В катастрофе погиб ученый-энциклопедист Плиний Старший. По просьбе античного историка Тацита его друг Плиний Младший рассказал в письмах о разыгравшейся трагедии, свидетелем которой он был.
- ⁹ *Non ebur, Non trabes, Horat.* — *Букв.* Ни слоновой кости, ни кедра. Гораций. — Цитата из послания «К Флору»:
Мрамор, слоновая кость, серебро и тирренские куклы,
Камни, картины и ткань, пурпурной покрытая краской, —
Этого нет у иных, а иной и иметь не стремится...
(перевод Н.Гинцбурга).
- ¹⁰ *не услышите ничего* — Перечисляя «чудеса Сибири», известные по трудам многочисленных путешественников, Словцов называет Вилюитов — по-видимому, имея в виду обитателей побережья Вилюя, и Мареканитов, возможно, обитающих на берегах речки Мареканки, на Охотском побережье. Нужно полагать, автор иронизирует над самим принципом называть народы по месту их обитания.
- ¹¹ *у всеведущего нашего Зябловского* — Зябловский Евдоким Филиппович (1763–1846) — русский географ и статистик, воспитанник Севской духовной семинарии и учительской гимназии в Санкт-Петербурге. В 1788 г. отправлен на службу в Колывань учителем народного училища. Сам объездил разные места Колыванского наместничества и составил их описание. В 1797 г. назначен профессором истории и географии, потом статистики в Санкт-Петербургской учительской гимназии (с 1803 — педагогический институт), в 1816 стал профессором Санкт-Петербургского университета. Автор многочисленных трудов по географии и статистике: «Статистическое описание Российской империи с обозрением Европы в статистическом виде» (1808), «Краткое землеописание Российского государства» (1787, 1807, 1810) и др.
- ¹² *не только у станционных смотрителей, но и у жителей, не имеющих 14 класса* — Вероятно, отсылка к роману Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин» (гл.6), отрывки из которого печатались с 1825 г. в «Северном архиве»: « — Я не хочу напрасно терять времени, и, вместо того чтобы считать страницы, пересчитаю твои ребра, — сказал Миловидин и приступил на шаг ближе к зрителю.
— Вы напрасно изволите горячиться, — возразил последний, — извольте прочесть на стене почтовые постановления: вы увидите, что за оскорбление почтового смотрителя, пользующегося чином 14-го класса, положен денежный штраф до ста рублей» (Булгарин Ф.В. Сочинения. М., 1990. С. 59).

- ¹³ *до Якутска от Спасского моста* — До Якутска от Кремля в Москве — вдоль Московского тракта.
- ¹⁴ *встречаешься с Кн. Смоленским* — П.А. Словцов именует М.И. Кутузова титулом, пожалованным русскому полководцу в 1812 г.
- ¹⁵ *люблю искать Чечерина*— Денис Иванович Чичерин — генерал-поручик, сибирский губернатор с 1763 по 1781 г. С 1764 г. — разделения Сибири на две губернии — тобольский губернатор.
- Д.И. Чичерин известен беспощадной расправой со взяточниками. Об отношении П.А. Словцова к Д.И. Чичерину можно судить по следующему высказыванию: «Хотят ли понять Чичерина, вот черты его! Требуя от городов порядка, от купцов честного торга, от посадских ремесленности, от крестьян расчистки земель и доброй распашки, от чиновников исполнительности, он неослабно преследовал противные тому нарушения (...) По живому и деятельному участию Чичерина во всех обстоятельствах губернии и в случаях частных, имя его, как классическое, сохраняется в памяти Сибири» (Историческое обозрение Сибири // Сибирские огни. 1993. № 1-2. С.166).
- ¹⁶ *Ламба* — Возможно, Ланга. Л. Ланг — вице-губернатор в Иркутске, о котором П.А. Словцов писал в «Историческом обозрении Сибири»: «Все это показывает одно бесплодное умничанье в случаях, которые определены законами (...) ...он скоро попался в руки секретаря Березовского и товарищей ...надобно было покупать увлечение ...расплодилось воровства ...казенные подряды заключались высокими ценами... И Ланг управлял губерниею одиннадцать лет, даже в царствование Елизаветы! ...По этим ли беспорядкам или по другим уважениям управление всей Сибирью опять вверено сибирскому губернатору Соймонову, при котором в 1763 г. опять установлена и секретная комиссия» (Сибирские огни. 1991. № 4. С.162). Лоренц Ланг, вступив на службу к Петру I, несколько раз исполнял дипломатические миссии в Китае. В 1726 г. в Лейдене вышли его воспоминания о путешествии через Россию, их краткий вариант «Беглые путешествия через Россию» опубликован в Санкт-Петербурге в 1776 г.
- ¹⁷ (*из Державина*) — Искаженная цитата из стихотворения Г.Р. Державина «Мой истукан»:
- Кого ни мзда не ослепляет,
Ни сан, ни месть, ни блеск порфир;
Кого лишь правда научает,
Любя себя, любить весь мир
Любовью мудрой, просвещенной,
По добродетели священной.
- То вас ли, вас ли умолчу,
О праотцы! Делами славны,
Которых вижу истуканы?
- ¹⁸ *Сократ с Клеопатрой или Диана с Софоклом* — Сократ — древнегреческий философ, ставший воплощением идеала мудреца; Клеопатра — египетская царица, прославившаяся своей красотой; Диана — богиня растительности, олицетворение луны в римской мифологии; Софокл — древнегреческий драматург, один из трех великих представителей античной трагедии.
- ¹⁹ *Омира* — Византийская традиция произношения имени Гомера в сочетании «попугай и Омир» подчеркивает комизм ситуации.
- ²⁰ *в межень* — В середине лета (В.И. Даль).

- ²¹ *г. Шукин, Коллежский Ассессор* — С.С. Шукин — директор училищ Иркутской губернии, сибирский краевед. В течение многих лет вел метеорологические наблюдения, собрал обширный травник из растений Иркутской губернии. В «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов, многократно ссылаясь на данные С.С. Шукина, отзывается с похвалой о его деятельности: «В Иркутске метеорологические наблюдения издавна ведутся, сперва Лаксманом и Лосевым, потом учителями народного училища и гимназии, а с июля 1820 г. продолжаются г. Шукиным, настоящим директором училищ губернии» (Сибирские огни. 1992. № 1. С.272). С.С. Шукин оставил интересные записки о времени правления Сибирского генерал-губернатора И. Пестеля и губернатора Иркутска Н. Трескина, о пребывании в Сибири М.М. Сперанского (См.: *Шукин С.С. Примечания к книге Н. Щ(укина) «Материалы для сибирской библиографии»*//Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 год. Иркутск, 1865).
- ²² *Тот, Имя же вся быша* — Создатель, Бог.
- ²³ *Кабарга* — маленький безрогий олень, обитающий в горной тайге Азии.
- ²⁴ *чрез мену на Кяхте* — Кяхтинская слобода на границе с Китаем, известная Кяхтинским торгом, где происходил обмен товаров (через таможенную и контрабандно) между русскими и китайскими купцами. «Это именно «созданная на песке», неудобная, но богатая слобода, — выросла и обогатилась чаем. (...) Хлеб, железо, кожаный товар, красный, казенное краденое серебро и золото с Урала и из сибирских заводов, коробочная мелочь и проч. вымениваются тут на чай (...), шелковые изделия, китайский табак...» (Описание Западной Сибири Ипполита Завалишина. М., 1862. С.183–184). О Кяхтинском торге писали путешественники XVIII в.: «Наилучшие обыватели в Кяхте — русские купцы или приказчики из главных русских контор, кои мало-помалу разжились. Здесь повсюду господствует обыкновеннейшее всегда пиршество, какого, кроме Иркутска, почти ни в каком сибирском городе не найдешь» (*П.С. Паллас. Путешествия по разным провинциям Российского государства // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С.479*). Этой теме П.А. Словцов посвятил работу «Изображение нашей с Китаем торговли» (Казанские известия. 1816. № 66–69).
- ²⁵ *Тунгусы* — (*устар.*) эвенки.
- ²⁶ *повинностям почтовой и земской гоньбы* — Личная или общинная (земская) повинность, состоящая в перевозке почты и пассажиров.
- ²⁷ *ряд мутовчатых мельниц* — Мельница с лежачим водяным колесом (*В.И. Даль*).
- ²⁸ *в сей орде* — Здесь: любой кочевой народ или его часть (*В.И. Даль*).
- ²⁹ *гимнастический климат* — П.А. Словцов иронически определяет холодный климат Сибири как способствующий укреплению человеческого тела, ловкости, силы и т.д.
- ³⁰ *Сибирским Учреждением* — Утвержденное 22 июня 1822 г. Сибирское учреждение создано М.М. Сперанским. Данным Учреждением Сибирь была разделена на Западную и Восточную, определены границы губерний и округов, систематизировано «положение» сибирского населения, определена административная система Сибири. По словам И. Завалишина, «Сибирь, от предгорий Уральских до Небесного хребта и до берегов Восточного океана, окончательно устроилась» (Описание... С.120).
- ³¹ *просто му управлению отдельных комиссаров* — Земские частные комиссары должны были отвечать за состояние вверенных им волостей, представлять в разборе маловажных тяжб и споров действие зем-

ского суда, а в важных случаях передавать дело в городские суды. Позднее комиссарства заменены участками.

³² *в Иркутске ... до открытия наместничества* — Иркутское наместничество открыто в 1783 г.

³³ *sine qua pop* — (лат.) Букв. — без чего нет; неперенный.

³⁴ *к производству фламского полотна* — Фламское полотно — тонкий, широкий посконный рундук (парусинный холст) (В.И. Даль).

³⁵ *Лом. к Шув.* — Неточная цитата из оды М.В. Ломоносова «Письмо о пользе стекла к высокопревосходительному господину генералу-поручику, действительному ее императорского величества камергеру, Московского университета куратору и орденов Белого Орла и Святыя Анны кавалеру, Ивану Ивановичу Шувалову, писанное 1752 года»:

Но столько ли уже, Стекло, твоих похвал,

Что нам в тебе вино и мед сам слаше стал.

³⁶ *начинается земля другой губернии* — Енисейская губерния с центром в Красноярске была выделена указом от 23 февраля 1823 г.

³⁷ *в завоеванной стране между Днестра и Днепра* — Бессарабия, в XI в. входившая в состав Киевской Руси, затем — Галицко-Волынское княжество, с 14 в. — в Молдавское княжество, с XVI в. находилась под властью Турции. В 1812 г. на основании Бухарестского мирного договора вновь вошла в состав Российской империи.

³⁸ *В 1822 году, кода указано здесь быть губернии* — «Сибирский генерал-губернатор, усмотрев физическую возможность населенности несравненно большей в той раме, какую он начертал на протяжении Енисея для новой губернии, в 1822 г. поставил Красноярск, в котором было граждан до 1000, на череду губернского города. Быть посему, отмечено рукою Самодержца, и скреплено самим опытом. Губерния открыта 12 декабря 1822 г. Гарнизонный батальон учрежден 5 января 1823 г.» (П.А. Словоцв. Историческое обозрение Сибири // Сибирские огни. 1991. № 6. С.169).

³⁹ *о живом Правителе губернии* — Александр Петрович Степанов стал первым губернатором Енисейской губернии. Ранее он вместе с Г.С. Батеньковым участвовал в разработке «Степных законов», направленных на реорганизацию управления «инородцами» и улучшение их состояния. Литературное творчество А.П. Степанова высоко ценил П.А. Словоцв (см. ниже).

⁴⁰ *что такое Енисейск* — Енисейск основан в 1618 г. В 1676 г. стал областным городом, в 1719 г. — главным городом Енисейской провинции. До середины XVIII в. в Енисейске ежегодно бывала ярмарка, главным образом пушная, на которую съезжались не только российские, но и иностранные купцы. С открытием Московско-Иркутского тракта во второй половине XVIII в. Енисейск постепенно утрачивает свое значение и уступает место Красноярску.

⁴¹ *надобно быть поверенным Линнея* — Карл Линней (1707-1778) — шведский ученый, создатель принятой сегодня классификации и номенклатуры растений и животных, основанной на бинарном принципе. Первый президент Шведской АН (1739), иностранный почетный член Петербургской АН (1754). Автор трудов «Система природы» (1735), «Философия ботаники» (1751) и др. Линней высоко оценил работу Иоганна Георга Гмелина, одного из «академиков», участника экспедиции 1733-1743 гг. И.Г. Гмелин — автор труда «Флора Сибири» (на латинском языке), издававшегося в Петербурге в 1747-1769 гг. По словам Линнея, один Гмелин и все остальные ботаники того времени

- открыли равное количество растений. «Поверенный Линнея» в «Письмах...» П.А. Словцова, по-видимому, не только обобщенная формула, но и наименование вполне конкретного лица.
- ⁴² *демагогов* — Здесь: демагог — поборник безначалия, желающий ниспровергнуть порядок.
- ⁴³ *но я не Спиноза* — Имеется в виду учение нидерландского философа Бенедикта Спинозы (1632-1677) о мире, который представляет собой математическую систему и может быть познан геометрическим способом. Спиноза выдвинул идею вечности человеческой души, связанную с пантеистическим представлением о смерти человека как возвращении в единую субстанцию.
- ⁴⁴ *не Саддукей* — Саддукеи — иудейская секта, основателем которой был Садок, ученик Антигона Сохо, жившего в III веке до н.э. Скептики-материалисты, саддукеи отрицали будущее воскресение из мертвых. В Евангелии от Матфея о саддукеях сказано: «В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения» (Мф. Гл. 22, 24). В Деяниях апостолов: «Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа».
- ⁴⁵ *Аристиппы современные* — То есть последователи учения древнегреческого философа Аристиппа (ум. после 366 г. до н.э.), одного из родоначальников гедонизма, утверждавшего, что постигнуть можно только лишь наши ощущения, а не предмет, их вызвавший.
- ⁴⁶ *кармазинная* — Краска ярко-алого, багряного цвета.
- ⁴⁷ *Ачинск оправдывает имя города* — Ачинский острог, основанный в 1618 г., получил в 1782 г. статус уездного города Томской области Тобольского наместничества, считался «сельским городом» по основному роду занятий населения. В 1797 г., вследствие упразднения Колыванской губернии, упразднен вместе с Омском, Каинском и др. Статус города восстановлен по Сибирскому учреждению 1822 г., тогда же Ачинск вошел в состав Енисейской губернии.
- ⁴⁸ *Солон, когда странствовал в Египет* — Солон (между 640 и 635-ок. 559 г. до н.э.) — афинский архонт, один из «семи мудрецов» античного мира. См.: *Диоген Лазертский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 77-83.
- ⁴⁹ *Илиополя* — Гелиополь — древний город в Ливане, известен с XVIII в. до н.э. (о гелиопольских жрецах см. прим. 22 к «Прогулкам вокруг Тобольска»).
- ⁵⁰ *Царица Савская, шествовавшая в Иерусалим* — «Царица южная (...) приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой» (Мф. Гл.12; 42). См. также: 3 Книга Царств, гл. 10.
- ⁵¹ *Вехабитов* — Ваххабиты — последователи религиозно-политического течения в суннитском исламе, возникшего в Аравии в XVIII в. *Здесь*: мусульмане — арабы вообще.
- ⁵² *летописи Баробы* — Устные сказания Барабинской степи, возможно, определение дано по аналогии с библейской «летописью евреев» («Паралипоменон»).
- ⁵³ *услуг Минина* — Кузьма Минин — народный герой, знаменитый руководитель Второго земского ополчения 1611–1612 гг., освободитель Москвы.
- ⁵⁴ *стратагеммоюроци* — От stratagema — военная хитрость, перен. — хитрый поступок.
- ⁵⁵ *незабвенный генерал-губернатор* — М.М. Сперанский. П.А. Словцов напоминает о введении им Сельского управления.

- ⁵⁶ *Vivite felices, quibus est fortuna peracta Jam sua; nos alia ex aliis in fata vocamur* — (лат.) Ликуйте, счастливыцы, пока судьба не погубила вас; одного за другим нас призывает рок.
- ⁵⁷ *историографом Миллером* — Герард Фридрих Миллер (1705-1783) — русский ученый, один из первых историков Сибири. Немец по рождению, Миллер приехал в Россию в 1725 г. С 1731 г. член Петербургской АН. Один из самых знаменитых участников Второй Академической экспедиции, Миллер в 1733-1742 гг. путешествовал по Сибири, собрал огромный исторический материал. Центральное место среди трудов историка занимает «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державе по наши времена» (первое издание — 1750 г., второе — 1787 г.).
- ⁵⁸ *перекопи Ермаковой* — Сведения о т.н. Ермаковой перекопи, т.е. канале, который Ермак приказал вырыть, чтобы сократить водный путь с Иртыша на Вагай, появились в сибирских летописях и «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера в результате случайного созвучия имени Ермака и татарского названия второго рукава русла Иртыша (ерма, йермак — река, проток, прорва, новое русло), места, близ которого по удивительному совпадению погиб знаменитый атаман. — *Прим. С.Г. Пархимовича.*
- ⁵⁹ *в водополь* — половодье, весенний разлив (В.И. Даль).
- ⁶⁰ *матерого берега* — высокого, гористого берега (В.И. Даль).
- ⁶¹ *маковицы Абалацкой обители* — Абалакский Знаменский монастырь основан в 1783 г. «Преосвященный епископ Варлаам I (Петров) по Высочайшему указу, последовавшему 11 июля 1783 года, перевел туда из Невьянского села Пермской губернии (принадлежавшей в то время к Тобольской епархии) Богоявленский мужской монастырь с переименованием в Знаменский» (Н.А. Абрамов. Из истории Тобольской епархии // Город Тюмень. Тюмень, 1998. С. 435). Монастырь именован в честь чудотворной иконы Знамения Божьей Матери. Празднование чудотворной иконы приходится на 27 ноября (в день четвертого явления иконы Богородицы, совпадающий с празднованием Новгородской иконы Знаменая). Живописное расположение монастыря привлекало многих путешественников и краеведов. Н.А. Абрамов отмечает: «Если смотреть с возвышения, на котором он расположен, на расстилающуюся внизу местность, то открывается прекрасный ландшафт. Широкая, белеющая полоса Иртыша, протекающего в долине, теряется в отдалении. За Иртышом лежат луговые места и кустарники, летом зеленеющие».
- ⁶² *я стоял в Искере* — По преданию, Искер (Кашлык, Сибирь) — столица Сибирского ханства — основан ханом Мехметом. В 1563 г. ханский престол был занят Кучумом. «Остатки сего столичного города (ежели такое место, как сие, по-видимому, было, званием города почтить можно) еще и поныне видны» (Г.Ф. Миллер). Сам П.А. Словоцов не раз высказывал сомнения в значимости Искера как столицы Сибири: «Искер по производству с языка татарского значит старое городище, чем он и был до занятия Кучумова. ...Ханство Кучумово ныне вмещается в уезде Тобольском, как моллюск в раковине» (Историческое обозрение Сибири // Сибирские огни. 1990. № 7. С. 114).
- ⁶³ *не Пентакапея, не Пальмира* — Пантикапея (6 в. до н.э.—4 в.н.э.) — античный город в Крыму, бывшая столица Босфорского царства; Пальмира (1-3 в.н.э.) — древний город на территории Сирии, крупный центр торговли и ремесла.
- ⁶⁴ *не на смену Миллера и Фишера* — Иоганн-Эбергард Фишер (1697-1771) — историк и археолог. В 1730 г. Фишер, имевший ученую степень магис-

тра, прибыл в Россию и занял в Санкт-Петербургской академической гимназии сначала место проректора, затем ректора. Зимой 1739 г. командирован Академией в Сибирь на смену академика Миллера. Пробыв более девяти лет в командировке, Фишер возвратился в Петербург. В 1757 г. он закончил труд «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания этой земли Российским оружием...», построенный в основном на материалах Миллера. Русский перевод «Сибирской истории», сделанный И. Голубцовым, появился в 1774 г. П.А. Словцов называет работу Фишера среди основных источников «Исторического обозрения Сибири».

⁶⁵ *поверяя старые описания Академиков* — Имеются в виду работы участников академических экспедиций XVIII в. По инициативе созданной в 1725 г. Петербургской АН было организовано несколько крупных академических экспедиций по изучению Сибири и Дальнего Востока. В 1725–1730 гг. состоялась Первая Камчатская экспедиция под началом В.И. Беринга, итогом которой стала карта «Всего бытия нашего от Тобольска реками и морем по возврату» (1728–1729 г.), во многом изменившая представление о протяженности и рельефе Сибири. Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743 гг.), или Великая Северная, по существу состояла из нескольких самостоятельных экспедиций, в которые входили блестящие ученые астроном Л. Делиль-де-ла-Крайер, натуралисты И.Г. Гмелин, Г.В. Стеллер, историк Г.Ф. Миллер, студент С.В. Крашенинников и др. В 1768 г. Петербургская АН организовала пять географических экспедиций, официально названных «физическими», программы которых были разработаны под руководством П.С. Палласа. В состав экспедиций вошли В.Ф. Зуев (в 1771 г. — студент Академии), И.И. (Иоганн Готлиб) Георги, И.П. Фалк и др. В «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов не раз подчеркивает значение экспедиций: «...благодаря академикам и другим ученым мужам (...) ученая история Сибири, со времени второго путешествия Берингова, сделала большие шаги на путях человеческого ведения. Миллер, Гмелин, Штеллер, Крашенинников, Делиль де ла Крайер, Красильников, геодезисты и флотские офицеры, более или менее искусные, первые открывают на необъятном пространстве страны некоторый таинственный праздник, на тихом созерцании природы, во славу неизреченного Зиждителя» (Сибирские огни. 1990. № 7. С.116).

⁶⁶ *при объявлении о Сибирской Летописи* — «Летопись Сибирская, наименованная в IX томе Истории государства Российского Строгановскою», вышла в «Сибирском вестнике, издаваемом Григорием Спасским» (СПб., 1821. Ч. XIV. Кн. 5). Отдельным изданием «Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирския земли русскими, при Иоанне Васильевиче Грозном, с кратким изложением предшествовавших оному событий» вышла в том же 1821 году.

⁶⁷ *по письменным сказкам* — Здесь «сказка» — деловой приказ, объяснение, отчет о случае, происшествии (В.И. Даль).

⁶⁸ *целью придворных юрт* — П.А. Словцов отсылает к Ремезовской летописи, где сообщалось, что Кучум в ночь на 26 октября 1581 г. бежал в Ишимскую степь, оставив Сибирь, Бицик-туру (женин город, ныне Панин бугор в Тобольске), Сузге-туру (ныне Сузгунские юрты), Абалак.

⁶⁹ *это было у Подчувашского мыса* — Речь идет о сражении 23 октября 1581 г. под Чувашскою горой. Ермаковские казаки одержали победу над Кучумом и Маметкулом, хотя при этом лишились 107 человек, убитых в бою, имена которых были занесены в синодик Тобольского собора.

⁷⁰ *Миллер замечает* — См.: Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. «...во время государствования царя Иоанна Васильевича многие места в

- второго относит к 1579 г., а его продолжение — к 1580 г. (История Сибирского царства. Гл. II).
- ⁸⁰ *земля текла по самой верху эклиптики* — Эклиптика — воображаемая линия небесной сферы, по которой перемещается Солнце в течение года, она является следом от сечения небесной сферы плоскостью, параллельной плоскости земной орбиты.
- ⁸¹ *отонела* — стала тоньше, истончилась (В.И. Даль)
- ⁸² *холодного круга* — Полярного круга. В этом словосочетании П.А. Словоцов употребляет «холодный» и «полярный» как слова-синонимы.
- ⁸³ *Дианьих санках* — Здесь: оленья упряжка, поскольку Диана (Артемиды) почиталась как богиня-охотница и изображалась рядом с ланью. Кроме того, эпитет Дианы — Тривиа, то есть «богиня трех дорог», покровительница путешественников.
- ⁸⁴ *Saturnia regna* — (лат.) — Земля Сатурна. Так в античности называли царство Лация, куда бежал Сатурн, низвергнутый своим сыном Юпитером. Сатурн научил подданных земледелию, виноградарству и цивилизованной жизни. Сам Сатурн почитался как бог Золотого века. П.А. Словоцов ссылается на «Комментарии к Энеиде Вергилия» Сервия, но, говоря «поэт», имеет в виду самого Вергилия.
- ⁸⁵ *Самарова* — Ныне Ханты-Мансийск.
- ⁸⁶ *вследствие Гюйгенсовой силы* — В. Утков пишет об этом открытии П.А. Словоцова: «...Словоцов подметил закономерность — правый берег всегда высокий, горный, а левый — низменный. Он объяснил это явление силой вращения Земли. Спустя тридцать лет эта природная закономерность была заново открыта русским ученым Карлом Бэр»
- ⁸⁷ *при Императорском Депо* — Речь идет о Военно-топографическом депо, созданном в 1812 г. и в 1822 г. преобразованном в Корпус военных топографов. В александровскую эпоху с началом триангуляции (построение на местности систем смежно расположенных треугольников) картографические работы приобрели научную точность и системность.
- ⁸⁸ *на Генеральной...и на Подробной* — Генеральные географические карты XIX в. передают лишь важнейшие особенности очертаний поверхности земли. На Подробных картах отражены детали ландшафта.
- ⁸⁹ *в натуре* — Здесь употреблено латинское слово «натура» в значении «природа», «естество».
- ⁹⁰ *справляясь с книгою «Sur les revolutions du Globe»* — Книга «Discours sur les revolutions de la surface du globe et sur les changements qu, elles ont produits dans le regne animal» (Учение о революциях на земной поверхности и тех изменениях, которые они производят в животном мире) принадлежит перу Жоржа Кювье.
- ⁹¹ *знаменитым Кювье* — Жорж Кювье (1769-1832) — французский зоолог, один из самых выдающихся ученых конца XVIII — начала XIX вв., реформатор сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных, иностранный почетный член Петербургской АН (1802). Кювье установил принцип «корреляции органов», на основе которого реконструировал строение многих вымерших животных. Кювье был сторонником постоянства вида и главным противником последователей теории эволюции (Ламарк, Сент-Ильер). Исследования Кювье над ископаемыми животными привели его к теории, по которой каждый геологический период заканчивается катастрофой, когда гибнет все живое. На книгу, в которой изложена теория катастроф, ссылается П.А. Словоцов.
- ⁹² *мастадонтов* — Мастодонты — хоботные млекопитающие, предшественники слонов; название отражает характерную сосцевидную форму зубов.

- ⁹³ *остяков, вогулов и самоедов* — Устаревшее название ханты, манси и ненцев.
- ⁹⁴ *китайцы давали им наобум странные имена* — По свидетельству китайских историков, к северу от нынешней Монголии в глубокой древности обитали народы, называемые ими Хунь-юй, У-юй-ше, Динь-линь, Гян-гунь и Синь-ли. Из них народы Гян-гунь, потом упоминаемые под именем Хагас и наконец под именем Киргиз (по китайской транскрипции Ки-ли-кицзы) известны в китайских летописях с V в. по Р.Х. По сказаниям китайских летописей, наряду с туркскими племенами, в VII и VIII в. от Енисея и до Оби жило довольно значительное племя Хагасов, которые в IX в. распространили свое владычество так далеко к югу, что владения их достигали до Тибета; тогда же они подчинили себе Уйгуров, сходных с ними по языку; но последние в X в. уже свергли с себя их иго, и с тех пор утратившие свое могущество Хагасы исчезают на время из истории — до второй половины XIII в., когда они снова появляются под именем киргиз (см.: *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири). П.А. Словцов был знаком с китайскими летописями в изложении Дегиня).
- ⁹⁵ *Иродот знал Алазонов и Аримаспов* — Античный историк Геродот (480 г. до н.э.—после 430 г. до н.э.) включил описание заскифских народов в IV главу «Истории» («Мельпомена»). В России «История Геродотова» вышла в переводе И.И. Мартынова в 1826-1827 гг. Геродот пишет: «Выше сего народа, как сказывают сами исседоны, живут люди одноглазые и грифы-златохранители; от исседонов сей рассказ переняли скифы, а от скифов мы, и называем их по-скифски «аримаспами», ибо у скифов «арима» значит «один», а «спу» — глаз». Алазоны, одно из скифских племен, жили, по Геродоту, в окрестностях Гипаниса или Буга.
- ⁹⁶ *Плиний Старший* — римский писатель, ученый. Единственный сохранившийся труд Плиния Старшего «Естественная история» в 37 книгах (монументальная компиляция, для которой были использованы более 2000 книг 100 авторов) — энциклопедия естественнонаучных знаний античности — содержит сведения о скифской стране и «чрезмерно влажных и оледенелых пространствах (Балтийское море)».
- ⁹⁷ *Птоломей* — Птолемей Клавдий (ок. 90—ок. 160) — греческий географ, астроном и физик, автор «Альмагеста», служившего энциклопедией астрономических знаний свыше тысячи лет. «География» Птолемея представляет собой свод географических знаний античного мира. К данным «Географии» широко обращались русские историки XVIII в. Н.М. Карамзин критично отозвался о содержащихся в «Географии» сведениях о землях северной России: «Птолемей Александрийский во втором веке описал все страны от моря Балтийского до Черного, Азовского, и до глубины северной Азии; но поверим ли, чтобы он, живучи в Египте, действительно имел сведение о местах столь отдаленных?» (Прим. к Т. I, гл. 1).
- ⁹⁸ *Константин порф.* — Константин VII Порфирогенет (Багрянородный) (905-959) — византийский император (912-959). Во время его правления вел. кн. Ольга приняла христианство (955), причем Константин был «е восприемником от купели» (*Н.М. Карамзин*). По преданию, Константин, плененный ее умом и красотой, сватался к Ольге. Византийский император считается автором сочинений, компиляций и сборников по агиографии и истории, содержащих важные сведения о Руси X в. Его работа «Об управлении империей» послужила одним из источников «Истории государства Российского».
- ⁹⁹ *наш трудолюбивый Татищев* — Василий Никитич Татищев (1686-1750) — русский историк, географ, горный инженер. В 1720-1723 гг., будучи

руководителем горных работ на Урале и в Сибири, имел возможность изучать этот обширный край. После пребывания в Швеции и в С.-Петербурге в 1734 г. возвращается на Урал. В 1737 г. возглавляет «Оренбургскую экспедицию», цель которой — изучение и освоение Средней Азии и Казахстана. Основной труд Татищева «История Российская» издан в 1768–1774 г., в 1793 вышел его «Лексикон исторический: географический, политический и гражданский», доведенный до буквы К. Среди работ Татищева — «Общее географическое описание всея Сибири» (1736), из которого сохранились лишь первые главы, где дано физико-географическое описание Сибири. В.Н. Татищев весьма скептически отнесся к сведениям об аримаспах, называя их «древней басней», или «паче враки». Относил вогуличей и остяков к сарматским народам.

¹⁰⁰ *Описание народов Георги* — «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (ч. I–III) 1776–1778 гг. — труд Иоганна Готлиба Георги, приглашенного в Россию в 1770 г., русского академика, участника академических экспедиций. Георги дал классификацию народов Сибири, основанную на лингвистических данных, ставил проблемы исторической этнографии Сибири, выдвигая гипотезы о происхождении сибирских народов.

¹⁰¹ *Сам знаменитый Карамзин* — По словам крупнейшего русского историка Н.М. Карамзина, можно «несомненно признать (...) лапландцев, зырян, остяков обских, чуваш, вотяков ... народами единоплеменными и назвать вообще финскими» (История государства Российского. Т.I. Гл.2).

¹⁰² *до крещения их Митрополитом Филофеем* — Филофей Лещинский (1650–1727) — митрополит Сибирский с 1702 г. Историческое значение деятельности Филофея Лещинского, по словам Н.А. Абрамова, заключено в проповеди «христианской веры многочисленным языческим племенам». В 1705 г. была отправлена первая миссия на Камчатку. В 1706 г. миссионеры проповедовали христианство среди ханты (остяков). Однако первые попытки христианизации инородцев не были успешными. После девяти лет управления Сибирской епархией Филофей принял схиму с новым именем Феодора. В 1712 г. схимонах Феодор отправился к остякам, «в духе кротости проповедовал им новую веру» (Абрамов). В 1714 г. он предпринял новое путешествие в Березов, в 1716 г. — вверх по Оби для утверждения христианского учения среди остяков. В те же 1712–1715 гг. Филофей проповедовал христианство среди вогулов (манси). В 1716 г. схимонаху Феодору была вторично поручена Сибирская епархия. К 1720 г. Филофеем было обращено в христианство до тридцати тысяч язычников и магометан и устроено более 30 церквей. В 1720 г. он отбыл из Тобольска в Тюменский монастырь. В 1726 г. выехал с миссией в Обдорск, но это последнее путешествие не было успешным. Н.А. Абрамов подчеркивает: «Для Сибири он был ясным светильником истинного богопознания и вместе с тем учителем народа».

¹⁰³ *в своих кодских городках* — Кодские городки входили в состав Кодского княжества, объединявшего обско-атлымских ханты и располагавшегося на правом берегу Нижней Оби. «Не исключено, что именно Конда — Кода выступала той силой, которая связывала... хантыйские группы, тем самым обеспечивая целостность расселения на огромной территории народа. Возможно, само название народа ханты... связано по происхождению с областью Конды — Коды». (Головнев А.В. Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. С. 114).

¹⁰⁴ *Дельфийская Пифия* — жрица храма Аполлона в Дельфах. Ее устами вешал дельфийский оракул, к пророчествам которого в античном мире

- обращались при стихийных бедствиях, начале войн, болезнях. Голос дельфийского оракула был решающим в сложных, конфликтных ситуациях.
- ¹⁰⁵ *по Абулгазю* — Абу-ль-гази Бахадур-хан (1605-1665) — хивинский хан из потомков Чингис-хана, вступил на престол в 1644 г. Писатель и историк, автор «Истории турок» в 9 томах, содержащей историю Чингисханидов (в России опубликована в 1852 г.). «Абульгази ... пишет о многочисленном народе азиатском, угурах и уйгурах, которые долгое время обитали в Великой Татарии и разделились на две части: одни остались в первобытном отечестве, имея там селения и города; другие же удалились к Иртышу, вели там жизнь кочевую и ловили зверей, бобров, куниц, соболей, белок» (Н.М. Карамзин).
- ¹⁰⁶ *Огур, огурник* — Праздный шатун, упрямый лентяй, неслух (В.И. Даль).
- ¹⁰⁷ *Нйучу и Хазово* — В «Описании всех обитающих в Российском государстве народов» И. Георги указано: «Самояди называются сами Ничеями (людьми) и Хозовами (мужами)». Л.В. Хомич пишет, что нэ-нечь и хасава — самоназвания ненцев, впервые приведенные в научных трудах Георги (Ненцы. СПб., 1995. С.25).
- ¹⁰⁸ *по словам Дегюиня* — Де-Гинь Жозеф (1721-1800) — французский ориенталист, на протяжении многих лет хранитель древностей в Лувре. Автор труда «Histoire generale des Huns, Turs, Mogols et autres Tartares occidentaux» (Всеобщая история хуннов, турок, моголов и других восточных народов) (1756-1758) (с хронологическими таблицами царствования в Азии государей). Де-Гинь привлек множество китайских и других восточных источников, сличенных им с показаниями западных писателей. Одну из своих неопубликованных рукописей Де-Гинь подарил императору Павлу I. К работе Де-Гиня обращается Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» (см. прим. к Т. I), ее данными пользуется и П.А. Словоцв.
- ¹⁰⁹ *орду оседлую в Печели, Шанси и Шенси* — северные провинции Китая.
- ¹¹⁰ *где бывало жили древние Хозоги* — В X в. ясы (осетины) и касоги (черкесы) занимали степи Северного Кавказа. Ясы, писал Н.М. Карамзин, «вероятно, нынешние Оссы или Оссетинцы — будучи Аланскаго племени, обитали среди гор Кавказских, в Дагестане, и близ устья Волги» (Т. I; гл. 2). Касоги, по его утверждению, «суть Черкесы, коих страна в X веке именовалась Касахией: Оссетинцы и теперь называют их Касахами» (Т. I; гл. 2).
- ¹¹¹ *Хизахи* — По-видимому, то же, что Касахия у Н.М. Карамзина: «Вероятно, что в Константиново время и после Черкесы были известны как в России, так и Греции под сим общим именем» (Прим. к Т. I, гл.2).
- ¹¹² *Хазары* — В IX-X вв. хазары занимали территорию от Северного Кавказа до земель Северян и Радимичей, то есть до берегов Десны, Сейма, Сулы и Сожа. Константин Багрянородный считал хазаров тюрками, арабский писатель Ибн-ель-Ефир — грузинами, Нестор называл хазаров уграми белыми. По словам Н.М. Карамзина, «Козары или Хазары, единоплеменные с турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в Географиях восточных» (Т. I; гл. 2).
- ¹¹³ *Святослав ... называет их ... Ясами и Косогами* — В «Повести временных лет» говорится: «Иде же Святослав на козары. Слышавше же козары, изидоша противу с князем своим Каганом, и съ ступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их и Белу Вежу взя. И ясы победы и касогы». Здесь козары — хазары, ясы — осетины, касогы — черкесы. В 965 г., когда происходила битва Святослава с хазарами, ясы и касоги выступили сторонниками хазарского царя.

- ¹¹⁴ *оставили по себе у Нестора одну притчу* — В «Повести временных лет» сказано, что обры (авары), покорив дулебов (одно из славянских племен), стали творить над ними насилие. И тогда бог истребил их, «и не остался ни один обрин. И есть на Руси притча и до сего дня: погибоша, аки обри, их же несть племени ни наследка (рода)».
- ¹¹⁵ *имела своего Кутзия или Зороастра* — То есть пророка, объединяющего народ единым учением. Зороастр (Заратуштра) — в иранской мифологии пророк и основатель зороастризма. Заратуштра был призван способствовать победе добра на земле, он проповедовал учение о зависимости мирового порядка и торжества справедливости от свободного выбора человека между добром и злом. Заратуштра идеализировал «праведную» хозяйственную деятельность, которую он противопоставлял неправедному кочевническому образу жизни. Кутзий (Кун-цзы) — Конфуций, древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства. В центре учения Конфуция — проблема человека, его умственного и нравственного облика. Конфуций разработал концепцию идеального человека — не по происхождению, а благодаря воспитанию в себе нравственных качеств и культуры, обладающего гуманностью, справедливостью, искренностью.
- ¹¹⁶ *Уръяг, т.е. горным народом* — Вероятно, название восточных (енисейских) ненцев — юраки. «Словом *дюрака* энцы и нганасаны называют всех вообще ненцев» (Л.В.Хомич. Ненцы. С.28).
- ¹¹⁷ *Паллас прислает Самоедь* — Петр Симон Паллас (1741-1811) в 1768 г. возглавил академическую экспедицию, в которую входили Н.П. Соколов, В.Ф. Зуев, Н.П. Рычков и др. После Тюмени Паллас двинулся к Омску и Красноярску. Материалы о ненцах (самоедах), включенные в «Путешествия по разным провинциям Российского государства», являются переработкой сведений, полученных от Василия Федоровича Зуева. Работа самого Зуева «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов» издана лишь в 1947 г.
- ¹¹⁸ *Котовцы* — котты, арины. В XIX в. — енисейские остяки, небольшие кетоязычные народы, ассимилированные русскими и хакасами. — Прим. С.Г. Пархимовича.
- ¹¹⁹ *моторы* — Правильно моторы. Один из южносамодийских народов, некогда обитавших на Северном Алтае. К концу XIX в. моторы были полностью ассимилированы тюркоязычными соседями (тувинцами, хакасами, тофаларами). — Прим. С.Г. Пархимовича.
- ¹²⁰ *меотийского моря* — Азовского моря, которое в «Истории» Геродота представлялось уходящим далеко на север.
- ¹²¹ *Поконенная роспись... их языков* — Терминология, употребляемая П.А. Словцовым в «Поконенной росписи... языков», — устаревшая. В современном лингвистическом финно-угроведении эстонцы, карелы, лопари (саамы) относятся к западно-финской группе финно-угорской языковой семьи; вотяки (удмурты), зыряне и пермяки (коми) — к восточно-финской группе; вогулы и остяки (ханты и манси) — к обско-угорской; самоеды (ненцы), койбалы, моторы, камассинцы — к самодийской группе. Остальные народы из «Росписи...» относятся к тюркско-маньчжурской, или алтайской языковой семье. — Прим. С.Г. Пархимовича.
- ¹²² *основывался на сравнительных словарях* — Речь идет о труде П.С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий» (ТТ. I-II. СПб., 1787-1789). В словари вошли материалы по языкам народов Сибири, полученные в ответ на разосланные Академией наук вопросы.
- ¹²³ *кончил свою жизнь Меншиков* — Александр Данилович Меншиков (1673-1729) был сослан в Березов в 1727 г. Вместе с семьей он содер-

жался в остроге, около которого Меншиков «построил своим иждивением и личным участием в работах деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделом св. Илии-Пророка... Близ алтаря этой самой церкви 22 октября 1729 года князь Александр Данилович похоронен» (Н.А.Абрамов).

¹²⁴ *победы в Польше, под Лесным и под Полтавой* — А.Д. Меншиков был одним из крупнейших военачальников во время Северной войны. П.А. Словцов напоминает о военном походе в Польшу 1706 г., сражении у деревни Лесной 28 сентября 1708 г., когда был разгромлен шестнадцатитысячный корпус Левенгаупта, двигавшийся на соединение с войсками Карла XII. 27 июня 1709 г. в бою под Полтавой Меншиков командовал кавалерией, принявшей первый удар шведов и вынудившей шведскую армию капитулировать у переправы Переволочной.

¹²⁵ *души... погасающей в курении Царю царей* — Такое именование Христа отсылает к теме Страшного суда: «На одежде и на бедре его написано имя: Царь царей и Господь господствующих» (Откровение Иоанна Богослова. Гл. XIX; 16).

¹²⁶ *бреение* — Распушенная глина, грязь; здесь — непрочность, скудельность, прах (В.И. Даль).

¹²⁷ *Троицкий монастырь* — Тюменский мужской монастырь Тобольской епархии основан в 1616 г. во имя Преображения Господня. В середине XIX в. Н.А. Абрамов писал: «В Тюменском монастыре ныне симметрически расположены: каменное здание для настоятеля и два деревянных корпуса для монашествующих. Три каменные церкви: 1) Троицкая летняя, Введенская (вместо прежней Успенской) теплая, Преображенская, Антония и Феодосия Печерских; 2) Петропавловская с колокольней и 3) святых великомучеников Димитрия Солунского и Георгия Победоносца. Все это обнесено каменной оградой с большими воротами. Внутренность храмов, особенно Троицкого, украшена великолепными иконостасами, блистающими позолотой и яркостью красок живописи в византийском вкусе» (Абрамов Н.А. Из истории Тобольской епархии // Город Тюмень. Тюмень, 1998. С. 423).

¹²⁸ *Alter ab undecimo tum me jam ceperat annus, Jam fragiles poteram a terra contingere ramos* — (лат.) Один из тех одиннадцати уже со мной сравнялся по годам, И одряхлел, достигнув власти, не дав земле пустить свои побеги.

¹²⁹ *плинфа* — широкий и плоский обожженный кирпич, применявшийся в церковном строительстве.

¹³⁰ *поваленные формы* — выбеленные или ярко раскрашенные изнутри,

¹³¹ *двух горних церквей* — По инициативе Митрополита Филофея Лещинского в 1708 г. в Тюменском Преображенском монастыре начато строительство пятипрестольного храма во имя Пресвятой Троицы. Храм был закончен и освящен в 1715 г., он и дал новое имя всему монастырю. В 1717 г. в Троицком монастыре была построена церковь Сорока Мучеников.

¹³² *попирали ...ногами* — По завещанию Филофея Лещинского его тело похоронено прямо против Западных дверей Тюменской монастырской церкви. «Похороните меня, — просил он перед смертью, — в Тюменской обители, вне церкви, на пути, дабы мимоходящие попирали ногами прах мой» (Н.А. Абрамов).

¹³³ *скрылся ...в святом, глубоком образе схимника* — Филофей принял схиму с именем Феодор в Тюменском Преображенском монастыре. В 1720 г. после вторичного управления Сибирской епархией Филофей вновь удалился в Тюменский Троицкий монастырь, где он «провожд-

дал остаток дней своих в молитве о спасении души, в трудах и внутреннем созерцании» (Н.А. Абрамов).

¹³⁴ в 1719 и 1720 годах — В эти годы Филофей, обозревая епархию, побывал в Иркутске и Забайкалье, обращая в христианскую веру чуймских татар, кистимцев, тунгусов.

¹³⁵ *Минерва уже на Урале* — богиня в римской мифологии, покровительница ремесел и искусств. В Риме храм Минервы стал центром ремесленных коллегий, их праздник отмечался в юбилей посвящения храма. П.А. Словцов называет атрибуты Минервы: наугольник и масштаб — зодчество, палитра и кисти — живопись, вентель и шунтовик со множеством пилочек — деревянная резьба.

¹³⁶ *разговор о естественной философии, ...Галилеевых открытиях ...Кеплеровых законов* — П.А. Словцов не без иронии пишет об открытиях Галилея (1564-1642), одного из основателей точного естествознания, и о законах Кеплера (1571-1630), немецкого астронома, заложившего основы современной астрономии, и вообще об абсолютизации рационального, умозрительного знания.

¹³⁷ *травлею познаний* — Здесь, по-видимому, состязанием, перестрелкой познаний.

¹³⁸ *беседу с Уранией* — В греческой мифологии муза астрономии, дочь Зевса и Мнемосины.

¹³⁹ *Auditis? An me ludit amabilis Insania? Horat.* — Вам слышно? Чу! Иль сладким безумием

Я обольщен? — цитата из оды Горация «К Каллиопе» «Сойди с небесных высей и флетою..» (перевод Н. Шатерникова).

¹⁴⁰ *Рафайлова Монастыря* — В «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцов писал, что Рафайловский монастырь возведен «на живописном месте, за пять лет до Исетского острога, с которым он мог через колокольню перекликаться знаками, в случае набегов» (Сибирские огни. 1990. № 8. С. 83). Н.А. Абрамов сообщает, что монастырь основан в 1651 г.: «Преподобный Рафаиль в 1651 году на правой стороне реки Исети (в Ялutorовском округе), в бору, на живописном месте основал монастырь во имя Святой Троицы. В конце XVIII столетия там были две деревянные церкви: во имя Святой Троицы и Покрова Богородицы, и училище, в котором обучались отроки и юноши духовного звания церковнослужебным познаниям и иконописанию» (Абрамов Н.А. Из истории Тобольской епархии. С.136).

¹⁴¹ *видел за 16 лет, как проезжал с Урала в Барнаул* — П.А. Словцов напоминает о драматических событиях 1808-1810 гг. Как сообщает Н.А. Абрамов (см. статью в наст. издании), в 1808 г. генерал-губернатор И.Б. Пестель, отправляясь в Петербург, послал Словцова вперед со своей путевой канцелярией. Но в Твери Пестель получил предписание, вespешающее ему и Словцову въезд в центральные российские города. П.А. Словцов должен был вернуться в Сибирь, «он около полуторых лет прожил в разных уральских заводах и на родине» (в Тобольске). Служебная поездка 1814-1815 гг. стала фактически продолжением этого пути, начатого в 1809 г.

¹⁴² *остановиться на письме ВЛ.* — «Письма из Сибири», надо полагать, не имеют конкретного адресата, что объясняет и разность обращений отдельных писем: М.Г. — милостивые государи (члены Общества Любителей отечественной словесности), В.П. — ваше превосходительство. В определенной степени можно допустить, что обращение данного письма принял на свой счет М.М. Сперанский, который в письме П.А. Словцову от 3

- октября 1829 г. писал: «...каждую почту рад читать ваши письма, — не о Сибири и делах ее, но о вас самих и деле **Божием**» (см. наст. Издание).
- ¹⁴³ *юфтевые кожи* — кожа рослого быка или коровы, выделанная по русскому способу, на чистом дегте» (В.И. Даль).
- ¹⁴⁴ *фарфор, которого основа лет за 50 была указана Академиками* — К примеру, И.И. Лепехин в «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 году» отмечал: «Река Тура в сем месте высокий также имеет глиняный берег, да и все буераки наполнены синеватою вязкою глиною...» (СПб., 1814. С.39).
- ¹⁴⁵ *Nic labor, hic opus* — (лат.) Здесь труд, здесь работа.
- ¹⁴⁶ *щечится* — пробавляется (В.И. Даль).
- ¹⁴⁷ *изделиями с Линии и с Кяхты* — Линия — граница, здесь речь идет о заграничных товарах.
- ¹⁴⁸ *художник конной статуи Петра Великого* — Фальконе Этьен Морис (1716-1791) — французский скульптор, автор памятника Петру I в Петербурге (1766-1778).
- ¹⁴⁹ *урок Гельвеция* — П.А. Словцов отсылает к работе французского философа-материалиста Клода Адриана Гельвеция (1715-1771) «Об уме» (1758).
- ¹⁵⁰ *походила бы на школу Пифагорову* — Пифагорейский союз, основанный Пифагором в Кротоне (посл.четв. 6 в.-сер. 4 в. до н.э.), был научно-философской школой и политической партией. Лозунг пифагорейцев: «У друзей все общее», — и жесткая иерархия организации исключали свободные дискуссии и разногласия.
- ¹⁵¹ *вздумали в Тобольске превращать Иртыш в Иннокрену* — Первый сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Иннокрену» выходил с сентября 1789 г. по декабрь 1791 г. Издатель «Иртыша» Панкратий Платонович Сумароков отбывал ссылку в Тобольске (1787–1802). Среди сотрудников журнала был Михаил Алексеевич Пушкин, сосланный в Тобольск в 1772 г. В «Иртыше» печатались произведения Ивана Ивановича Бахтина, бывшего с 1788 по 1794 г. губернским прокурором в Тобольске. В журнале принимали участие учителя (Воскресенский, Лафинов, Прутковский) и ученики (Трунин, Евсеев, Флоренский, Иванов) Тобольского главного народного училища. Об отношении П.А. Словцова к журналу можно судить по высказыванию в «Историческом обозрении Сибири»: «Вместо того чтобы заняться сообщением современных в Сибири происшествий, изложением местных исторических отрывков или описаний торговли, хлебопашества и вообще хозяйственного быта, издатели пустились обезьянничать в словесности и поэзии пошлой» (Сибирские огни. 1991. № 6. С. 163).
- ¹⁵² *хотел в Красноярске учредить Беседу* — одним из инициаторов создания научно-литературного общества «Беседы о Енисейском крае» был енисейский губернатор А.П. Степанов. На его просьбу об организации общества в 1823 г. Николай I ответил отказом. В 1826 г. в журнале «Московский телеграф» была напечатана статья П.А. Словцова об А.П. Степанове.
- ¹⁵³ *переложение Геснера Авеля* — Саломон Геснер — швейцарский писатель (1730-1788), наиболее популярным изданием которого стали «Идиллии» (1772), написанные в стиле сентиментализма. Произведения С. Геснера были достаточно популярны в России на рубеже XVIII-XIX вв., их переводил Н.М. Карамзин. Сотрудники «Иртыша...» П.П. Сумароков и Н.С. Смирнов также сделали несколько переводов произведений Геснера.
- ¹⁵⁴ *читал трагедию Зарену* — По-видимому, речь идет о рассказе Николая Семеновича Смирнова (1767-1800) «Зара», в котором повествуется

- о судьбе проданной в рабство туземной девушки. «Зара» представляет собой переделку рассказа из книги Рейналя «История двух Индий».
- ¹⁵⁵ читал описание красивых окрестностей Красноярска — Возможно, «Путешествие в Кяхту из Красноярска» А.П. Степанова (Енисейский альманах. М., 1828. С. 1-98).
- ¹⁵⁶ *Nil intentatum nostriliquè repòetae. Horat.* — (лат.) Буквально: Ничто не грозит нашим сладкоголосым поэтам. — Цитата из сатиры Горация «Многие думают, будто излишне в сатире я резок...»: Впрочем, перо у меня никому не грозит: оно будет // Мне лишь в защиту, как меч, хранимый в ножах» (перевод М.Дмитриева).
- ¹⁵⁷ П.П. — после полудня.
- ¹⁵⁸ *плюмаж и белое перо с витком* — Плюмаж в XVIII-XIX вв. — украшение головных уборов офицеров и генералов. По плюмажу шляпы (так же, как по галуну на ее бортах и по кокарде) различались чины. Генералу полагался бело-оранжевый набор, с 1802 г. белый плюмаж был отличительным знаком генерал-адъютанта, чина царской свиты.
- ¹⁵⁹ *новой комедии двойного недоросля* — Комедии — двойника «Недоросля» Д.И. Фонвизина, героями которой станут новые поколения, дети «недорослей» конца XVIII века.

Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году

- «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» создаются на склоне жизни автора. Смыкаются концы и начала: город, куда он впервые приехал 12 лет, вновь и теперь окончательно примет Словцова в 1829 году. Потому-то и вспомнит автор в «Предупреждении» к тексту об истоке своего пути, который неразрывно связан с сибирской столицей: как старый Тобольск вступал в новый этап истории, так начиналась и новая страница жизни мальчика Словцова, вскоре превратившегося в Петра Словцова... Не случайно заявленный во вступлении мотив памяти («давние впечатления и ныне отсвечивают в моих припоминаниях...»), станет сквозным в произведении. При этом мотив памяти имеет существенную смысловую грань: автор вовсе не стремится замкнуться в прошлом, наоборот, отдав былому дань, хочет «навсегда сдать его с души». Это подтверждает и эпитафия к произведению. Желание понятно: жизнь продолжается, впереди у П.А. Словцова работа над «Историческим обозрением Сибири».
- «Прогулки» традиционно принято считать книгой, открывающей краеведение Западной Сибири. Сам же автор объяснял появление своего труда весьма скромным желанием — не тягаться с именитыми предшественниками, а всего лишь подобрать «остальные или подростшие колосья» с тем, чтобы «небольшой свой снопок <...> украдкой положить в большую скирду сведений о Сибири». Остальные и подростшие — значит некогда незамеченные или впервые проявившиеся.
- Это незамеченное и новое касается самых разных сторон жизни города и окрестностей. Поэтому закономерен авторский выбор жанра. Прогулки — свободная жанровая форма. Она заставляет вспомнить и современную автору литературу (У. Вордсворт, Стендаль «Прогулки по Риму», 1829), и предшественников — от Д. Дидро с его философской прозой («Прогулка скептика», 1747) до Аристотеля, который во времена классической древности, столь любезной сердцу П.А. Словцова, считал необходимым открывать юношеству глаза на мир в прогулках по афинскому перипатосу.

Тобольск — точка притяжения в путешествиях повествователя, а взору и сознанию его открыты картины разнообразные. Свободно сменяют друг друга описания сибирской природы, времени года, особенностей климата, которые сделаны пером то строгого ученого-ботаника, минералога, метеоролога, то наблюдательного и ироничного художника («Журнал весны тобольской»). Этнографические реалии («Кто заселяет Тобольский уезд» и др.) сопрягаются с давней и ближней историей края и его столицы, с рассказом об археологических и исторических памятниках, об архитектуре города («Описание Тобольска»). Колоритные зарисовки быта, жизненного уклада и нравов сегодняшнего дня соединяются с точно уловленными характеристиками психологического склада современников, их бытовых интересов и культурных, политических пристрастий («Масленица», «23 июля» и др.).

Очевидно, что многие изложенные автором научные теории или гипотезы со временем пересмотрены или отвергнуты, оценки устарели или слишком субъективны, надежды не оправдались. Важнее другое — общая концепция, совокупный образ сибирской страны. Он складывается из исторических штудий, зарисовок с натуры; из размышлений о политике, искусстве, литературе, из споров и диалогов с воображаемыми и реальными собеседниками; из вкрапленных в текст лирических новелл; из тех остающихся за гранью текста отсылок к самым разным пластам жизни, которые неизбежны при удивительно свободном упоминании многочисленных имен и фактов прошлого и настоящего. В результате жизнь не только города и края, но жизнь вообще предстает как нечто подвижное и изменчивое, обусловленное самыми разными факторами — от высоты солнца над горизонтом до личных амбиций человека.

И все-таки отметим — перед нами жизнь, которой давно нет. Но значит ли это, что «Прогулки вокруг Тобольска» являются только «древними снимками» и представляют исключительно исторический интерес, а автор их не более, как «антикварий с гробовым карандашом» в руках? Нет, разумеется. Ведь культура — не только творение ума, таланта и рук человеческих; культура — это и сам человек. Для тех, кто полагает так, эпохи не выстраиваются в затылок друг другу, они взаимопроникают. Судя по «Прогулкам вокруг Тобольска», П.А. Словцов понимал культуру именно так: Солон, Омир, Шигемоний или братья Гракхи для него такие же современники, как Гумбольдт, Кант или Алябьев. Пожалуй, ему с ними даже теплее, чем с теми, кто действительно рядом. Впрочем, последних немного. Мотив одиночества, безусловно, отчетлив в тексте «Прогулок». Он тесно связан с памятью о давних юных годах, полных сил и надежды, и с нынешним ощущением, что теперь все, все другое («Журнал весны тобольской»). Наверное, Словцов мог бы повторить пушкинское: «Красив никогда не был, а молод — был».

Вряд ли справедливо объяснять мотив одиночества только обстоятельствами личной жизни Словцова. Скорее, дело в другом: автор «Прогулок» — человек, время которого кончилось раньше, чем ему думалось. Он ощущает себя чужим для «новой аристократии» литературы и философии; чужды ему и те, кто ставит политические опыты новой эпохи, они вызывают если не негодование, то иронию. Однако и прошлое в литературном, политическом, нравственном отношении для автора далеко не всегда образец. Так где же оно, его время?

Повествователь в «Прогулках вокруг Тобольска» — человек со строгой системой ценностных представлений о жизни — этических, религиозных, эстетических, философских, политических, научных. Миссия, которую

Словцов однажды принял на себя и остался ей верен, несмотря на официальные изменения статуса, — это миссия проповедника. И вот теперь, близко к концу, ему становится понятно, как мало человек склонен внимать слову наставника. Тут-то и открывается читателю одно из самых симпатичных качеств личности автора. Оглядываясь назад, на момент выбора жизненного пути, он не только не сожалеет, но готов снова повторить сделанное. По Словцову, право учить других человек имеет при одном условии — вечно участь: «Мысль — вот знак вечности», — скажет он. И добавит: самостоятельная мысль, направляемая верой, — вот условие «мудрости, которая открывается ищущему истины».

***

Текст «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» печатается по изданию 1834 г., осуществленному в Москве, в типографии Семена Селивановского. При перепечатке сохраняются авторские постраничные примечания и авторская орфография личных имен и географических названий. Эпиграф к первому изданию текста: *Relinquamus aliquid, quod nos vixisse testemur. Plin. in Epist* (Оставляем прошлое позади, чтобы не жить среди черепков. Плиний. Письма).

¹ *он поставлен... во главу Западной Сибири* — Тобольск стал столицей Западносибирского генерал-губернаторства в 1822 году.

² *В нем я первоначально учился латинской грамматике и риторике* — 12 лет от роду П.А. Словцова отдали на обучение в Тобольскую духовную семинарию. В 1788 году по указу Святейшего Синода из Тобольской семинарии в Александро-Невскую высшую семинарию «для образования к учительским должностям» были отправлены двое из лучших студентов — Петр Словцов и Лев Земляничин.

³ *не раз уже видели Сибирь знаменитые академики* — Последовательное научное изучение Сибири начинается с эпохи Петра I. В 1716 г. Петр выписал из Германии ученого немца Мессершмидта и заключил с ним условие о всестороннем исследовании Сибири. Мессершмидт пробыл в Сибири 7 лет и успел собрать большое количество данных. Труды Мессершмидта не были изданы, но впоследствии ими пользовались ученые. Академия наук также немало сделала для изучения Сибири. В 1733–1743 г. была выполнена громадная работа Большой северной экспедиции под начальством В. Беринга. В состав экспедиции входили члены Академии наук: астроном Л. Делиль, натуралист И. Гмелин, историк и географ Г. Миллер, профессора И. Фишер, Г. Штеллер, С. Крашенинников и др. Работы Г.Ф. Миллера («Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел», 1750) и И.Е. Фишера («Сибирская история», 1774) по истории Сибири, основанные на изучении местных архивов, никем не тронутых до них, были чрезвычайно плодотворны. Не менее важны естественно-исторические труды Гмелина, Крашенинникова и Штеллера.

В царствование Екатерины II исследование Сибири продолжается. В 1768–1774 г. П.С. Паллас совместно с Н. Соколовым, В. Зуевым и Н. Рычковым совершил богатое результатами путешествие по Кавказу и Сибири (трехтомное сочинение «Путешествие по различным провинциям Российского государства», 1773–1778). Оно входило в состав обширного плана всестороннего изучения России, составленного Академией наук. В выполнении этого плана в Сибири участвовали И. Георги, Гюльденштедт, И. Фальк, который начальствовал отрядом академической экспедиции в Сибири. Академик И. Лепехин предпринял путешествие в Сибирь,

- на Урал, север России и в Поволжье в 1768-1772 гг. Результатом его стал четырехтомный труд «Дневные записки путешествия Ивана Лепехина, академика <...> в 1771 году» (1771-1805). В 1780 г. Сибирь посетил Лессепс. Во внутренней Сибири побывали Дж. Бель и аббат Шап д'Отерош, в Восточной Сибири — ботаник Сивере. В начале XIX века внутри Сибири работали Семейский, Петров, Мартос, Корнилов и Спасский. В 1829 г. Сибирь посетил А. Гумбольдт. В 1830-е гг. в Сибири работали Геблер, Гельмерсен, Степанов, Небольсин, Вишневский.
- ⁴ *г. Спасский* — см. примечание 72 к «Письмам из Сибири...».
- ⁵ *самолюбивым Клапротом* — Клапрот Мартин-Генрих (1743-1817) — немецкий химик и естествоиспытатель. Первоначально был аптекарем в Берлине. В 1787 г. стал химиком в Берлинской академии наук, а затем профессором химии в университете. Открыл уран, титан, теллурий. Особенно известен своими многочисленными анализами минералов.
- ⁶ «*Сибирский Вестник*» — см. примечание 72 к «Письмам из Сибири...».
- ⁷ *видеть у нас славного Гумбольдта, сего дипломата больших физических проблем* — Александр Гумбольдт (1769-1859) — немецкий естествоиспытатель, географ, путешественник, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1818). Один из основателей географии растений. По инициативе Гумбольдта в 1828 г. в Германии был учрежден союз для производства магнитных наблюдений. В 1829 г. Гумбольдт посетил Петербург и сумел убедить Академию примкнуть к этому союзу. На этом основании П.А. Словцов и называет ученого «дипломатом... физических проблем». В этом же 1829 г. Гумбольдт посетил Урал, Тобольск, Барабинскую степь, Барнаул, Алтай, Верхний Иртыш и другие области России, собрал громадный материал, вошедший позже в труд «Центральная Азия» (1843).
- ⁸ *сего Зороастра, которого дух носился* — Зороастр — греческая передача имени Заратуштры, пророка, а основателя иранской религии зороастризма. Большинство ученых признают Зороастра реальным лицом и относят деятельность пророка к X-VI вв. до н.э. Через греческое посредство его образ стал достоянием европейской культуры. Известна легенда о том, что Зороастр в поисках истины удалился на уединенную гору, куда с небес обрушилось великое пламя, но он вышел из огня невредимым и наделенным желанной мудростью. Зороастру приписывали множество пророчеств, изречений и книг, в средние века его считали магом и астрологом.
- ⁹ *от г. Шукина* — см. примечание 21 к «Письмам из Сибири...».
- ¹⁰ *хитон* — У древних греков широкая, падающая складками шерстяная или льняная одежда (до колен или ниже) с рукавами или без рукавов.
- ¹¹ *далматика* — Точнее далматик — род мантии или полуплаща, накидки, длиною в пол-икры и с широкими рукавами (В.И. Даль).
- ¹² *как у самого Озириса* — Осирис — греческая форма египетского имени У сир. Осирис в египетской мифологии — бог производительных сил природы, царь загробного мира. Научил людей сеять злаки, сажать виноградники, выпекать хлеб, изготавливать вино и пиво, добывать и обрабатывать руды, врачевать и строить города. Осирису была посвящена птица феникс.
- ¹³ *лайка* — Первоначально мягкой выделки собачья шкура, позже — сорт кожи тонкой выделки (В.И. Даль).
- ¹⁴ *систр* — Древний египетский ударный инструмент. Состоял из металлической подковы с ручкой и металлическими же прутьями, концы которых были загнуты крючком. По прутьям, вероятно, были колошущкой. Применялся в религиозных процессиях и имел символическое значение. Считался даром богини Изиды.

- ¹⁵ *чудесных мыслителей... в пифагорейской задумчивости* — Автор иронически рисует сцену игры в вист для четырех партнеров («от четырех стран света около столиков»). Вист считался игрой степенных солидных людей; он был коммерческой, а не азартной игрой, и партия носила спокойный характер. П.А. Словцов сравнивает игроков с пифагорейцами — представителями философской школы в Древней Греции, которая внесла большой вклад в развитие математики.
- ¹⁶ *лакированные листки* — здесь карты; в описываемую эпоху карты были значительно большего размера, чем современные.
- ¹⁷ *в фигуры дандерахского зодиака* — Н.М. Карамзин отмечает факт первого упоминания зодиака в русской истории под 1551 годом (История государства Российского. Т. IX. Гл. VII). Зодиаки (наряду с «книгами Аристотелевыми, звездочетными, Шестокрылым Воронограем» и др.) считались официальной церковью книгами «прелестного» содержания, много «бесовского» знания. Эпоха романтизма оживила интерес к «таинственному» знанию, отсюда идет увлечение сонниками, гадательными книгами («Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задека <...>» и др.) и аналогичными сочинениями. В кругу образованных современников они воспринимались скорее как курьез, однако были известны.
- Зодиак также — графическое изображение знаков 12 зодиакальных созвездий. Дандерахский зодиак — зодиак из Дендеры. Дендера — местность на левом берегу Нила в расстоянии дня пути от Фив. Известна развалинами храма Гатор, основание которого восходит к верхнему царству. Стены храма покрыты надписями и изображениями. Надписи на стенах и колоннах гипостильной залы — астрономического содержания, как и скульптурные украшения на потолке. Здесь находятся породившие огромную литературу знаки зодиака. Упоминание зодиака рядом с пифагорейцами, которые значительно продвинули вперед астрономию, вполне уместно. Но уподобление карт и зодиакальных таблиц полно иронии.
- ¹⁸ *с Грацией Корреджиевой* — Речь идет о картине Корреджо Антонио (1489–1534 или 1494–1531), итальянского живописца, представителя Высокого Возрождения. Его полотна на мифологические и религиозные сюжеты отличаются грациозностью образов, праздничным колоритом. Корреджо наиболее чтится в XVIII веке и первой трети XIX века. Грация — в латинской мифологии вариант греческой хариты. Харита — одна из трех благодетельных богинь, дочерей Зевса, воплощающих доброе, радостное и вечно юное начало жизни. Их имена — Аглая («сияющая»), Ефросина («благомыслящая»), Талия («цветущая»). Число, происхождение и имена харит в разных мифах различны.
- ¹⁹ *балов и концертов, развившихся из подражания пляскам мистических процессов и хорам эллинской драмы* — Пение зародилось не в сфере культовой обрядности, а в сфере повседневного труда. Первыми обрели литературную форму культовые песни, звучавшие на торжествах в честь богов (пеаны в честь Аполлона, дифирамбы в честь Диониса). По словам Плутарха, музыка у греков «не выходила за пределы святилищ, где с ее помощью воздавали почести богам и хвалу доблестным мужам». В течение долгих столетий музыка оставалась одним из искусств — «технэ», совершенствовалась, находила талантливых теоретиков и исполнителей, а в III в до н.э. школа Аристотеля заложила основы науки о музыке. Владеть искусством музыки должны были и поэты — сочинители трагедий и комедий. Не только хоры, но все целиком трагедии Эсхила и Софокла свидетельствуют о музыкальности авторов; в комедии хоро-

вые (речитативные) и певческие партии также ценились с точки зрения музыкальных достоинств. Не менее важным для греков делом был и танец. Формы его были разнообразны: от торжественных во время религиозных шествий (хороводы девушек в честь богинь Афины и Артемиды, совместный хоровод спартанской «цепочки» и др.) до танцев свободных, произвольных, раскованных и даже неистовых, как в культе Диониса. С последним было связано происхождение всех трех видов греческих театральные представлений: трагедии, комедии и сатировой драмы. Во всех этих жанрах присутствие на сцене хора, сочетавшего пение с танцем, было обязательным условием.

²⁰ *Гения истины* — Речь идет об Иисусе Христе.

²¹ *бесплодную смоковницу в книге Вечного Слова* — В Евангелии от Матфея читаем: «И увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода. И смоковница тотчас засохла. Увидевши это, ученики удивились и говорили: как это тотчас засохла смоковница? Иисус же сказал им в ответ: Истинно говорю вам: если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею <...>». (Мф. XXI, 19-21).

²² *Маска Гелиопольская* — т.е. из Гелиополя («города Солнца») в древнем Египте. Другие названия — Илиополь, Ину (древнеегип.), Он (еврейск.), Уну (ассир.). Был одним из самых знаменитых и древних городов Египта. Гелиополь слыл священным городом, благодаря процветавшей здесь издревле богословской школе, система которой с местным солнечным богом-покровителем Ра во главе распространилась на весь Египет. Здесь получила начало «Книга мертвых» и др. священные тексты. Гелиополь славился храмом солнца. Именно египетские жрецы из гелиополя в 4241 г. до н.э. после многолетних наблюдений за годичным циклом звезды Сотис (Сириус) составили древнейший календарь. Жители Эллады приняли солнечный календарь значительно позднее. Храм Солнца был предметом забот всех фараонов, особенно XII династии. Рамзес III пожертвовал сюда несметные сокровища. Ко времени расцвета греческой культуры от Гелиополя остались только развалины. В римскую эпоху на месте Гелиополя существовала колония Юлия-Августа-Феликс.

²³ *потомок Пеласгов* — здесь грек. Пеласгами называли доиндоевропейское население юга Балканского полуострова; память о них давно утратилась уже ко времени создания «Истории» Геродота, хотя он и пытается дать народу характеристику. В греческой мифологии пеласги — древнейшее население Греции.

²⁴ *в веке Агамемнона* — Агамемнон — царь Микен, предводитель греческого войска, осадившего и разрушившего Троя. «Илиада» изображает его доблестным воином, но не скрывает высокомерия и неуступчивости Агамемнона, которые были причиной многих бедствий для греков. Век Агамемнона — эпоха Троянской войны.

²⁵ *при Перикле* — Перикл — афинский военачальник и государственный деятель, который с 460 г. до смерти (439 до н.э.) был первым лицом в Афинах. Благодаря Периклу были возведены прекрасные сооружения афинского Акрополя. Известна дружба Перикла со скульптором Фидием, трагиком Софоклом, философом Анаксагором. Перикл был правителем-демократом и пользовался огромной популярностью и авторитетом. Эпоха Перикла — время расцвета Эллады.

²⁶ *в веке Златоуста* — Иоанн Златоуст (ок. 350-407) — византийский церковный деятель, проповедник, патриарх Константинопольский (398-404).

Бичевал богатство, роскошь и безнравственность императорского двора, за что был низложен и сослан. Отличался выдающимся красноречием.

²⁷ *Тиверий старый и Гелиогабал молодой... были одинаковые мерзавцы* — Тибериус Клавдий Нерон — римский император в 14-37 гг. Пасынок императора Августа. Сделал быструю и успешную карьеру полководца. Взошел на престол в возрасте 56 лет. Никогда не был популярен из-за жесткого экономического курса и тяжелого жестокого характера. Правление Тибериуса отмечено многими судебными процессами и казнями. Самым распространенным обвинением было оскорбление величия императора. Тацит закрепил за Тибериусом образ лицемера и тирана. Жертвой подозрительности и зависти Тибериуса был его приемный сын Германик. Об оргиях Тибериуса сообщает Светоний.

Имя Гелиогабал чаще употреблялось в форме Элагабал, происходящей от имени сирийского бога Солнца; он отождествлялся с греческим богом Гелиосом, отсюда форма Гелиогабал. Упомянутый П.А. Словоцковым Элагабал был жрецом бога Солнца в Эмесе. Бабка его, используя влияние при дворе, убедила всех, что Элагабал сын императора Каракаллы. Пятнадцатилетний мальчик был провозглашен императором Рима (218–222). Элагабал ввел ритуалы неслыханной порочности, превзошедшие все когда-либо известные в Риме. Оставив государственные дела бабке и матери, он посвятил остаток своей короткой жизни сумасбродствам и разврату и стал жертвой запутанных интриг.

²⁸ *в Нероне и Тите... Рим видел и чудовище, и утеху* — Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь (37-68) — император Рима. Штеславие и страх перед возможными соперниками заставляли его совершать многочисленные злодеяния. Его жертвами стали мать и две жены. Покончил с собой при восстании армии и гвардии, недовольных его правлением.

Тит Флавий Веспасиан — римский император (79-81). До вступления на престол был блестящим военачальником. На римском Форуме в честь его побед возведена триумфальная арка. Был исключительно популярен, Светоний называл его «любовью и утешением человеческого рода». Однако на короткое правление Тита пришлось два больших бедствия: извержение Везувия, уничтожившее Помпею (79), чума и пожар в Риме (80). Император выделил щедрое пособие тем, кто уцелел. Образу Тита посвящены оперы Моцарта и Глюка, где он представлен милосердным человеком и правителем.

²⁹ *между юродивым и Кантом* — Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкого классического идеализма. Учился и работал в Кенигсберге, был сначала доцентом, затем профессором Кенигсбергского университета. В философских сочинениях «докритического» периода осмелел увлечение современников мистикой и «духовидением». В работах «критического» периода излагались критическая теория познания, этика, эстетика и учение о целесообразности природы. По отзывам современников, в бытовой сфере был человеком весьма оригинальным, если не сказать странным. Словоцковское соединение имени Канта и юродивого, таким образом, может иметь не только противопоставительный, но и сопоставительный смысл.

³⁰ *Истмийским и подобным позорищам* — Истмийские игры в честь Посейдона (наряду с Олимпийскими, Пифийскими в честь Аполлона, Делийскими и Немейскими в честь Зевса) были общегреческими играми в древней Элладе. Программа их состояла из выступлений музыкантов и спортивных состязаний. Как и олимпийских, победителей Истмийских игр воспевали поэты.

- ³¹ *Нероновой скрипки* — деталь-анахронизм, точнее лира Нерона. Нерон отличался неподдельным интересом к эллинскому искусству, музыке, был актером-дилетантом, но как правитель славился жестокостью. Ходили слухи, что пожар 64 года, уничтоживший две трети Рима, был устроен самим императором. Однако рассказ о том, как Нерон, глядя на горящий город, играл на лире, признан историками несомненной легендой. Тем не менее деталь вошла в предания и стала знаком циничной жестокости.
- ³² *ваших Мономахов* — Владимир II Мономах (1053-1125) — с 1113 г. великий князь Киевский, автор знаменитого «Поучения», в котором призывал сыновей укреплять единство Руси. Потомки его звались Мономаховичами (Мономашичами). Здесь имя употреблено в собирательном значении русские правители, знать вообще.
- ³³ *политика Августа с намерением делала забавы из маневров водоходных* — Август — титул, полученный Гаем Юлием Цезарем Октавианом, первым императором Рима (27 до н.э.—14 н.э.). Август одержал победу над войсками убийц Юлия Цезаря, был умелым флотоводцем, выиграл знаменитое морское сражение против Антония при Акции. Одним из любимых зрелищ в Риме была навмахия — инсценировка морских сражений. В 2 г. н.э. Август по случаю освящения храма Марса «ослепил воображение и зрение римского народа великолепными <...> навмахиями» (Веллей Патеркул. Римская история). О них писал Овидий: «Цезарь явил нам морскую Битву персидских судов и некропийских судов» (Наука любви, I). Изображался эпизод из истории греко-персидских войн. Август велел выкопать неподалеку от Тибра бассейн длиной в 280 метров и шириной в 70 метров. В нем на 30 кораблях вели бой около трех тысяч человек, не считая гребцов. Примеру Августа следовали его преемники Нерон, Клавдий.
- ³⁴ *двух харит* — Харита — греческий вариант грации (см. примечание 18 к «Прогулкам вокруг Тобольска...»). В России в «язящном» языке XVIII—XIX вв. слово употреблялось в значении милая, очаровательная, жизнерадостная девушка.
- ³⁵ *блонды* — Шелковые кружева (В.И. Даль).
- ³⁶ *с разноцветным в голове райком* — Метафора основана на многозначности слова райк: ящик с передвижными пестрыми картинками; верхние места в театре, где публика подвижна и менее всего связана светскими условностями; радужные кромки предмета; разноцветные лучи или отражения; граненое стеклышко, показывающее предмет в радужных тонах.
- ³⁷ *Мейсмерова магнетизма* — Мейсмеров магнетизм, или месмеризм — система в медицине, предложенная австрийским врачом Ф. Месмером (1733–1815) во второй половине XVIII века. В основе ее лежит понятие о животном магнетизме — особой жизненной силе, с помощью которой живые организмы таинственно воздействуют друг на друга. Посредством магнетизма можно якобы изменять состояние организма, в том числе излечивать болезни. Теория и практика месмеризма были особенно популярны в эпоху романтизма.
- ³⁸ *язящной и холодной, как Petit Carêt Массильенов* — т.е. «Маленький пост (постоящийся)» Массильена, точнее Массильона. Массильон Жан-Батист (1663-1743) — знаменитый французский проповедник. На 18 году жизни вступил в орден доминиканцев. С 1717 г. — епископ Клермонтский. В 1719 г. стал членом Французской Академии. Сохранилось около 100 его слов, из которых особенно замечательны 10, произнесенных в один из великих постов в присутствии восьмилетнего Людовика

- XV. Они и известны под общим заглавием «*petit Carême*»; в них содержится яркое изображение обязанностей, лежащих на сильных мира и властях, равно как проповедь о «милостыне» и «о малом числе избранных для царства небесного». Религиозное красноречие эпохи Массильона усваивает уроки классицистической эстетики. Отсюда словцовское определение текста Массильона как «изящного» и «холодного». Дистанцирование от Массильона тем очевиднее, что для Словцова как проповедника-оратора и автора проповедей «В день рождения государыни императрицы Екатерины II <...>» (21 апреля 1793), «В день Преображения Господня», «Поучение при случае торжества бракосочетания <...> великого князя Александра Павловича<...>» характерны иные стилевые традиции: свободная интонация разговорной речи, подчеркнутая эмоциональность, выразительная простота поэтического языка.
- ³⁹ *Шиллер* — Шиллер Иоганн Фридрих (1759-1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения. Мятёжное стремление к свободе, утверждение человеческого достоинства выражены в его юношеских драмах «Разбойники» (1781), «Заговор Фиеско» (1793). Интерес к социальным потрясениям прошлого, сочетание нравственной и политической проблематики отличают трагедии «Дон Карлос» (1783—1787), «Мария Стюарт» (1801) и др.
- ⁴⁰ *Ричардзон* — Ричардсон Сэмюэл (1689-1761) — английский писатель, родоначальник европейского семейно-бытового романа. Автор романов «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса» (1747), «История сэра Чарлза Грандисона» (1754). Властитель умов нескольких читающих поколений.
- ⁴¹ *ужасный ум Ловеласа* — точнее Лавлейса. Роберт Лавлейс — герой романа С. Ричардсона «Кларисса, или История молодой леди». Русскому читателю роман был известен под названием «Достопамятная жизнь девицы Клариссы Гарлов, истинная повесть, англлинское творение г. Ричардсона» в переводе Н. Осипова и П. Кильдюшевского (1791-1792). В форме Ловелас имя стало нарицательным в русском языке как обозначение блестящего и циничного светского щеголя и соблазнителя. Разум и поведение Лавлейса отрицают традиционные христианские добродетели.
- ⁴² *Нестор древнего мира* — Нестор — герой греческой мифологии. В «Илиаде» изображен старцем, славящимся мудростью и житейским опытом, в трудные моменты к нему обращаются за советом самые храбрые вожди. Имя используется как нарицательное в значении «наставник» (ср. «Нестор негодяев знатных»), здесь — образец для подражания.
- ⁴³ *Трисмегист* — см. авторское пояснение на с.77.
- ⁴⁴ *Фонтенели, Шатобрианы* — Фонтенель Бернар Ле Бовье де (1657-1757) — французский писатель, автор галантных стихов, трагедий, пасторалей, ученый-популяризатор, палеоботаник. В «Беседах о множественности миров» (1686) изложил учение Коперника. В «Истории оракулов» (1687) подверг критике суеверия и фанатизм. Шатобриан Франсуа Рене де (1768-1848) — французский писатель-романтик, публицист, политический деятель. Широкую известность ему принесла книга «Гений христианства» (1802), блестящая апология христианского вероучения. Христианство изображается Шатобрианом как лучшая из религий, самая гуманная и поэтичная, источник европейской цивилизации, религия, которая способствовала развитию свободы, искусств и литературы.
- ⁴⁵ *Купина горела внутри и вне* — Купина — терновый куст, который горел, но не сгорал («неопалимая купина»), и в котором Иегова явился Моисею, призывая его к избавлению народа израильского от египетского рабства.

- ⁴⁶ *эксцентрицитет* — То же, что эксцентриситет, тригонометрический и астрономический термин; от величины зависят форма и размеры орбиты небесного тела (окружность, эллипс, парабола).
- ⁴⁷ *во время Библейских обществ* — В середине 1810-х годов по инициативе князя А.Н. Голицына, возглавлявшего министерство духовных дел и народного просвещения, в Петербурге было открыто Библейское общество. Целью общества, как и у подобных ему парижского и лондонского, было изучение и распространение Библии. В Общество были приглашены представители всех христианских вероисповеданий, жившие в Петербурге. Ортодоксальное православное духовенство восприняло появление Библейского общества как еретическую угрозу истинной вере.
- ⁴⁸ *гониометр* — Прибор для измерения углов, используется в метрологии, геодезии и др.
- ⁴⁹ *ваших Линнеев* — Линней Карл (1707-1778) — шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира. Был иностранным почетным членом Петербургской Академии наук (1754). Описал около 1500 видов растений. Автор трудов «Система природы» (1735), «Философия ботаники» (1751) и др.
- ⁵⁰ *Не с ботаником ли г. Турчаниновым* — Турчанинов Николай Степанович (1796–1863 или 1864) — русский ботаник. Исследовал флору Центральной Азии, Юго-Восточной Сибири и Дальнего Востока. Описал свыше 100 новых родов и 1000 видов растений.
- ⁵¹ *Верно именем Санхуниатона?* — Санхо(у)ниатон — древнефиникийский мудрец, жрец и писатель, живший в Тире «до Троянской войны». Приписываемый ему труд «Финикийская история» дошел до нового времени только в извлечениях. Присутствие в этих отрывках греческих и египетских мифов, библейских сказаний, недостаток единства в изложении дали повод считать Санхуниатона мифической фигурой. Вскоре после издания книги П.А. Словцова был выпущен в свет поддельный труд Санхуниатона в 9 кн. по будто бы найденной рукописи (1836).
- ⁵² *аргалов* — Аргалы, точнее аргали (*мн.*) — дикая камчатская овца, баран; дикий степной, горный каменный баран (неправильно называемый туром, зубром) (*В.И. Даль*).
- ⁵³ *несвязную сказку о гипербореях* — Гипербореи в греческой мифологии — народ, живущий на Крайнем Севере, «за Бореєм». Относятся к народам, близким к богам и любимым ими. Живут блаженной жизнью в вечном веселье и благоговейных молитвах.
- ⁵⁴ *известный Броньяр* — Броньяр Александр (1770-1847) — выдающийся французский минералог и географ. Горный инженер, профессор минералогии при Парижском естественно-историческом музее. На поприще минералогии вступил в 1807 г. Классификации горных пород посвящены его научные труды 1813, 1827, 1830 годов. Полная система геогнозии разработана им в 1829 году.
- ⁵⁵ *в книжке двух Сципионов* — Речь идет о книге самого П.А. Словцова «Два дня из римской истории, или Двое Сципионов Африканских». Первое ее издание было осуществлено в 1830 г., а второе уже после напечатания «Прогулок вокруг Тобольска», в 1835 г., под сокращенным заглавием «Двое Сципионов Африканских». Обращение к истории Рима сам автор в «Предуведомлении» к первому изданию объяснил тем очевидным для него фактом, что «история Рима по духу деятельности и по своим судьбам гораздо нам ближе, нежели история Греции» (*П.А. Словцов. Два дня из римской истории <...>. М., 1830. С. V*).

- ⁵⁶ *Не Иммаус ли древних?* — Имау(о)с у древних греков и римлян — название Гималайского хребта.
- ⁵⁷ *Карамзин, полагающий Иммаус в цепи Уральских отрогов* — В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин связывает Имай с представлением Птолемея о границах Скифии: «назначил ей пределаи всю страну от северо-восточных берегов моря Каспийского до Имая (Альтайских гор в Тобольской губернии, как думают) и далее <...> к границам китайским» (Т. I. Гл. I. Прим. 20).
- ⁵⁸ *чутью геогнозии* — Геогнозия — историческая геология.
- ⁵⁹ *Омир* — Следуя византийскому произношению, так называли в средневековой Руси Гомера, слепого поэта, который, как считали греки, сложил эпические поэмы «Илиада» и «Одиссея». Древнерусский читатель мог найти упоминание об Омيره уже в «Житии» первоучителя Кирилла. Первая попытка переложения фрагментов гомеровских поэмы принадлежит М. Ломоносову. Классическим считается перевод «Илиады» Н. Гнедича и «Одиссеи» В. Жуковского. В XVIII веке форма имени Омир перешла в «высокий» стиль.
- ⁶⁰ *Солон* — Солон (ок. 640—ок. 560 до н.э.) — афинский государственный деятель и законодатель. Наделенный чрезвычайными полномочиями, он положил конец гражданской смуте и анархии, проведя знаменитые реформы, в частности, уничтожив крепостное право. Известен как первый афинский поэт, писал на политические и патриотические темы. Впоследствии Солона причисляли к Семи мудрецам древности.
- ⁶¹ *глубокий благородный Пифагор* — Пифагор (ок. 540–500 до н.э.) — греческий философ и математик. Родился на Самосе, жил в Кротоне, на юге Италии, где стал лидером аскетической общины. Развивал учение о переселении душ и их очищении в процессе перевоплощения. Определил основные музыкальные интервалы и считал, что небесные тела подчиняются аналогичным законам (концепция «музыки сфер»). Труды Пифагора до нас не дошли.
- ⁶² *мои тайноведы препирались у Нила с пророком Моисеем* — см. Исход. VII, 10–13, 20–23; VIII, 6–8, 17–19.
- ⁶³ *Шигемоний* — То же, что Шакьямуни («мудрец из племени шакья»), в буддийской мифологии — последний земной будда (человек, достигший наивысшего предела духовного развития), проповедник дхармы, на основе которой сложилось буддийское вероучение. В основе мифологического образа, несомненно, лежит реальный человек, основатель буддизма, живший в Северной Индии в 566–476 или в 563–473 до н.э.
- ⁶⁴ *Аполлоний Тианский* — Философ-пифагориец I в. н.э., считался чудотворцем. В начале III в. его жизнь увлекательно описал Флавий Филострат («Жизнь Аполлония Тианского»). Странствующий прорицатель, мудрец и целитель был окутан таинственностью, о нем ходили легенды: в Аполлонии из Тианы видели то колдуна, общавшегося с демонами и злыми духами, то бескорыстного посредника между богами и людьми (Филострат), то удачливого шарлатана-трюкача (Лукиан). Аполлоний был весьма образован, говорил на нескольких языках, оставил философские сочинения, хотя основательно нигде не учился. Филострат рассказывает, что он творил чудеса, ходил по воде, летал, воскрешал мертвых и совершал немало других поступков, недоступных обычным людям.
- ⁶⁵ *Шведенборг* — Сведенборг Эммануэль (1699–1772) — шведский философ. В 1729–1745 гг. создал теософское учение о потусторонней жизни и о поведении бесплотных духов. Оказал влияние на писателей-романтиков.

- ⁶⁶ *явился близ Элеона* — Элеон — Елеонская гора («гора маслин»), которая получила свое название от оливковых рощ, в изобилии на ней росших. На западном склоне ее расположен Гефсиманский сад. На Елеонской горе Спаситель молился и скорбел о грядущей судьбе, в Гефсиманском саду Христос после Тайной вечери молился об удалении от себя чаши страданий.
- ⁶⁷ *Аз есмь свет миру* — В Евангелии от Иоанна читаем: «Иисус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел к нему; Он сел и учил их. <...> и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». (Иоанн, VIII, 1—2, 12).
- ⁶⁸ *во вкусе Эккартсгаузена* — Эккартсгаузен, или Экхарт Иоганн, или Майстер Экхарт (ок. 1260—ок. 1327) — средневековый немецкий философ-мистик. Монах-доминиканец. Признавал возможность прямого воссоединения души с Богом посредством отречения человека от своих индивидуальных свойств. За свои проповеди был приговорен к церковному суду. От Эккартсгаузена берет начало немецкий мистицизм народно-еретического толка, подготовивший протестантизм.
- ⁶⁹ *незабвенного Макария, уклонившегося к подошве Алтая* — Макарий (в миру Михаил Яковлевич Глухарев) (1792—1847) — знаменитый русский миссионер. Когда синодом была учреждена миссия для сибирских инородцев, поступил в ее состав и в 1830 г. был послан в Бийский округ Томской губернии. Алтайские раскольники, издавна близкие к инородцам, убедили последних, что Макарий — не кто иной, как сам дьявол; такое убеждение долго препятствовало деятельности миссионера. 2 года Макарий изучал алтайские наречия, составил словарь на 3 тыс. слов. В 1832 г. с помощью толмача перевел на алтайский молитвы, избранные места из Библии и др. Основал 3 школы для детей, богадельню для больных, построил церковь. Отказался от полагающегося в награду ордена; лично для себя не брал даже жалованья. В 1843 г. переведен с Алтая в Волховско-Оптинский монастырь.
- ⁷⁰ *г. Полевой считает* — Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — русский журналист, критик, издатель знаменитого журнала «Московский телеграф», беллетрист (историческая «Повесть о Симеоне, Суздальском князе», цикл романтических повестей «Мечты и жизнь»). Историк, был членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (1831). Шеститомный труд Полевого «История русского народа» полемически направлен против Н.М. Карамзина. Современники считали Полевого «одним из предводителей в литературном и умственном движении» эпохи. П.А. Словцов, будучи директором Иркутской гимназии, где учился мальчик Полевой, «имел некоторое влияние на развитие» его: наставлял в чтении, искусстве спора и пр. (А.И. Сулоцкий).
- ⁷¹ *Русскую Правду, приписываемую Ярославу* — Ярослав Мудрый (ок. 978—1053) — великий князь Киевский. Рядом побед обезопасил западные и южные рубежи Руси. Установил династические связи с Европой. При нем составлена Русская Правда, свод древнерусского феодального права. Она включает Правду Ярослава Мудрого, Правду Ярославичей, Устав Владимира Мономаха и др. Закрепляет упразднение кровной мести, защиту жизни и имущества дружинников, определяет положение феодально-зависимых людей, наследственное право и др.
- ⁷² *при первом возвращении Белоруссии* — Т.е. при первом разделе Польши (между Россией, Пруссией и Австрией) в 1772 г. Россия при этом разделе приобрела Белоруссию (1775 кв. миль с 1800000 жит.), которая несколько столетий входила в Великое княжество Литовское, а с 1569 г. была частью Речи Посполитой.

- ⁷³ *св. Стефан Пермский* — родом из Устюга, инок с юности. В монастыре Затвор в Ростове Великом обучился коми-пермяцкому языку, «сложил грамоту пермскую, ранее **неизвестную**», перевел на коми-пермяцкий русские книги, сам был их переписчиком. По словам Епифания Премудрого, «говорил на 3 языках и грамоты 3 знал <...> и крепко держал в душе своей помysel: ийти в Пермскую землю и учить пермяков». Стал миссионером, претерпел многие трудности и, преодолев первоначальное сопротивление, крестил коми-пермяцкую землю и научил пермяков их родной грамоте. Был канонизирован. Житие святого «Повесть о Стефане, епископе Пермском» написано Епифанием Премудрым вскоре после смерти Стефана в 1394 году.
- ⁷⁴ *слыхали ли до Дегиня* — см. прим. 108 к «Письмам из Сибири...».
- ⁷⁵ *Учреждение Сибирское, в 1822 г. состоявшееся, по которому надлежало войти в то или другое из податных сословий* — Речь идет о принятом в 1822 году Уставе об инородцах М.М. Сперанского. Устав пытался ввести порядок в управление инородцами, разделить их на разряды по образу жизни, дать им некоторые гарантии самоуправления, образовать инородческие думы и т.п. Но поскольку никакая классификация не могла быть сделана без точного исследования быта инородцев одним канцелярским путем, этот Устав, «замечательно доброжелательный по духу» (Н.М. Ядринцев), не мог осуществиться и повел только к недоразумениям. Особенно велик был произвол при зачислении инородцев в разряды. Недостатки в регламентации отчетливо обнаружились в 1828 году, когда новая ясачная комиссия старалась поправить разряды. Общественный итог принятия Устава был неутешителен: «Древнее самоуправление исчезало, старый общественный союз разрушался, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, запуганное земской полицией» (Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 108).
- ⁷⁶ *совместничеством как бы шарханным мешают* — «Шарханным» от слова *шарашить*, т.е. упираться, противиться, не идти, куда тащат; кинуться толпою и опромертью, зря (В.И. Даль).
- ⁷⁷ *с папушею* — Папуша — связка сухих широких листьев (В.И. Даль).
- ⁷⁸ *до 800 опоек* — Опок — телячья кожа в выделке на сапожный товар (В.И. Даль).
- ⁷⁹ *в последнюю борьбу греков* — Т.е. во время национально-освободительной войны Греции против Турции (1821-1829). Сигналом к началу войны послужило антиосманское восстание в Молдове повстанческой армии под руководством Александра Ипсиланти.
- ⁸⁰ *ездивший... на поклонение в Мекку* — Паломничество в Мекку (хадж) является одним из 5 столпов ислама. Каждый мусульманин обязан хотя бы раз в жизни совершить его, а если почему-либо не способен сделать это, он может послать вместо себя «заместителя». Совершивший хадж получает звание хаджи и право носить зеленую чалму.
- ⁸¹ *за избавление отечества, церкви и державы* — Речь идет о восстании 14 декабря 1825 года.
- ⁸² *гроба помазанника* — т.е. Александра I, скончавшегося 19 ноября 1825 года.
- ⁸³ *на вечеринках во вкусе грубого Вакха* — Ритуал праздника в честь Вакха (греч. Дионис), бога плодоносящих сил, виноградарства и виноделия, носил буйный, неистовый характер.
- ⁸⁴ *под именем Фарисей* — Фарисей — представитель секты «отлученных», возникшей между иудеями после долговременного их плена в Вавилоне. Фарисеи имели притязание на необычную святость и строго

исполняли многочисленные обряды, но во многих случаях своим чрезмерным исполнением преданий человеческих поступали вопреки закону Божию и делались рабами лицемерия, корыстолюбия и гордости. За это и обличал их Христос и особенно за то, что они выставляли напоказ народу свои молитвы, раздачу милостыни и т.п. Слово «фарисей» стало нарицательным как обозначение лицемера, ханжи.

⁸⁵ *уроки 5 или 7 недель* — Имеется в виду Рождественский пост, предшествующий праздничному рождественско-масленичному циклу; церковные проповеди в постные недели носят усоветительный и предостерегающий характер.

⁸⁶ *Я еще не дочитал Дон Кихота, а вы читали Дон Кихота и... забыли Жилблаза* — Различное написание имени одного литературного героя подчеркивает принадлежность собеседников к разным читающим поколениям. Она усугубляется упоминанием и имени Жилблаза — героя плутовского романа французского писателя Алена Рене Лесажа (1668–1747) «История Жиль Бласа из Сангильяны» (1715–1735), который к моменту разговора давным-давно перестал быть литературной новостью. Дон Кихот и Жиль Блас имеют тем больше оснований быть упомянутыми в одном контексте, что Лесажу принадлежал также роман «Новые приключения Дон Кихота из Ламанчи» (1704). Роман «История Жиль Бласа» оказал безусловное влияние на современную П.А. Словцову русскую прозу — романы В.Т. Нарезного «Российский Жильблас, или Похождения князя Г.С. Чистякова» (1814) и Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин, или Русский Жиль Блас» (отрывки, 1825–1827).

⁸⁷ *взять невозможную диэзу* — Диэз в нотном письме — знак повышения звука на полтона. Здесь — сам звук.

⁸⁸ *муфтий* — высшее духовное лицо у мусульман.

⁸⁹ *Далай-Лама* — титул (с XVI в.) первосвященника ламаистской церкви в Тибете.

⁹⁰ *своих Марко-Паолой* — Т.е. своих Марко Поло. Поло Марко (ок. 1254–1324) — итальянский путешественник, проведший в странствиях по Центральной, Восточной и Южной Азии около 20 лет. Здесь имя употреблено для обозначения путешественника-первооткрывателя вообще.

⁹¹ *своих Кокренев-пешеходов* — Кокрен Джон Дундас — путешественник, отличился в Вест-Индии в войне с Францией. После заключения мира обошел пешком Францию, Испанию и Португалию и, в намерении достигнуть полярного моря, отправился в Петербург. Пешком же прошел через Сибирь до Камчатки, но, убедившись в неисполнимости своего плана, вернулся в 1823 году в Европу. Рассказал о своем путешествии в книге «Описание сухопутного путешествия через Россию».

⁹² *Ласса* — то же, что Лхасса («страна небожителей») — столица Тибета, метрополия всего ламаистского мира. В городе находится резиденция Далай-Ламы. Построен в начале VII века. В Европе известен с XIV века. В 1742 году Лассу впервые посетил европейский светский путешественник. Достоверные сведения о Лассе во времена Словцова получали только через китайцев и индийских лазутчиков.

⁹³ *друиды цeltские* — жрецы у древних кельтов Галлии, Британии и Ирландии, которые выполняли также судебные функции. Религия кельтов (друидизм) состояла в почитании природы и требовала жертвоприношения (иногда человеческого) в лесах.

⁹⁴ *в Диосполе, Мерое, Екбатане* — Диосполь — греческое название нескольких египетских городов, имевших покровителем бога Амона: Диосполь Великий и Диосполь Малый (Кенем). В Диосполе Великом

существовал культ птицы Бенну (феникса). Кучи мусора, обломки, остатки храмов птолемеевской эпохи указывают положение древнего Диосполя. На его месте во времена Словцова располагалась деревня.

Мероэ — город на правом берегу Нила, некогда столица Эфиопского царства, резиденция царей. По имени города целая эпоха эфиопской истории называется Мериотской. В Мероэ существовал оракул Амона, здесь почитали Осириса. Мало-помалу на первый план выдвигался варварский элемент, египетская культура предавалась забвению. Последние известия о городе относятся к III веку н.э. От Мероэ сохранились пирамиды и развалины храмов с иероглифическими и курсивными надписями.

Экбатана — два города в Мидии: Северная Экбатана и Южная Экбатана. Северная Экбатана была столицей Кира. Город окружали 7 стен, возвышавшихся друг над другом. Зубцы их были выкрашены в белый, черный, пурпурный, голубой, красный, серебряный и золотой цвета (соответственно 5 планетам, Луне и Солнцу). В XIII веке город разрушили монголы. Южная Экбатана — главный город великой Мидии со времен Дария I. Царский дворец в городе, по преданию, был сооружен Семирамидой. Во дворце все деревянные части были из кедра и кипариса; балки, потолки и колонны обшиты серебряными и золотыми пластинками; кровельные доски из чистого серебра. В храме Эны были колонны, обложенные золотом. Город был взят войском Александра Великого.

⁹⁵ *пантеизм* — Философское учение, отождествляющее Бога с природой и рассматривающее природу как воплощение божества; в XVI–XVII вв. порой являлся воплощением материализма.

⁹⁶ *спинозизм* — Философское учение Бенедикта Спинозы (1632–1677), сформулированное в сочинениях «Богословско-политический трактат» (1670) и «Этика» (1677). Спиноза был последовательным пантеистом, считал, что существует лишь природа, являющаяся причиной самой себя. Вещи и идеи есть модусы (единичные проявления) природы; таким модусом является и человек. В учении о познании Спиноза продолжил линию рационализма; он возвысил знание интеллектуальное над чувственным. Велика роль Спинозы в развитии атеизма и свободомыслия. Цель религии, по Спинозе, лишь наставление людей в нравственном образе жизни. Поэтому религия не должна посягать на свободу мысли. Высшей формой власти Спиноза считал демократическое правление и ограничивал государство требованием свободы.

⁹⁷ *Арифметика Магницкого* — Магницкий Леонтий Филиппович (1669–1739) — преподаватель математики в школе математических и навигацких наук в Москве (с 1701), автор первого русского печатного руководства «Арифметика, сиречь наука числительная» (1703) — энциклопедии математических знаний того времени.

⁹⁸ *гульбище* — место, определенное для гуляния, для прогулок, общественный сад или роща (*В.И. Даль*).

⁹⁹ *каким-нибудь Олеарием* — Олеарий Адам (1603–1671) — немецкий путешественник. Побывал в России в 30-е годы XVII века. Оставил «Описание путешествия в Московию <...>».

¹⁰⁰ *понятнее Невтоновой строки* — Невтон — традиционная для русского языка XVIII века форма имени Ньютон (ср. «Может собственных Невтонов <...> Российская земля рождать»). Невтонова строка здесь — графическая запись бинома Ньютона, понятная только «посвященным».

¹⁰¹ *квадрат ярославского фламского полотна* — Фламским полотном первоначально назывался тонкий широкий посконный равендук (голланд.), т.е. парусина, затем полотняный холст вообще (для простыней

и т.п.) (В.И. Даль). Центрами льняной промышленности в XIX веке были Ярославль и Новгород. Ярославское полотно (скатерти и салфетки) были очень популярны в первой трети XIX века.

¹⁰² *Меркурий* — Римский эквивалент греческого Гермеса, покровителя купцов и торговцев. Изображался юношей в крылатых шлеме и сандалиях, с жезлом, обвитым двумя змеями. Считалось, что особенности «меркурианского» характера — пытливость, деятельность, изобретательность.

¹⁰³ *Аполлон* — Олимпийский бог, сын Зевса; сочетал как губительные («стреловец»), так и благодетельные функции: был защитником от зла, врачевателем, музыкантом, прорицателем. Изображения Аполлона (работы Праксителя, Леохарта и др.) считались идеалом мужской красоты.

¹⁰⁴ *Минерва* — Богиня искусств и наук у римлян. Ее отождествляли с греческой Афиной, поэтому она считалась также богиней войны. Начиная с эпохи Возрождения, Минерва обычно символизировала мудрость и благоразумие. Изображалась молодой женщиной, полной достоинства. Наиболее известны статуи Афины работы Фидия.

¹⁰⁵ *Прометей-либерал* — В греческих легендах раннего происхождения Прометей — титан, который дал человечеству огонь и научил ремеслам, освободив из тьмы полуживотного состояния. Знания, переданные Прометеем людям, дают им свободу (отсюда определение П.А. Словцова «либерал») и возможность жить во взаимной любви. Зевс наказал Прометея, приковав его к скале на Кавказе (у П.А. Словцова это Эльборус, т.е. Эльбрус).

¹⁰⁶ *Симонд де Сисмонди заключает* — Сисмонди Жан Шарль Леонар Симонд де (1773-1842) — швейцарский экономист и историк. В своих политико-экономических теориях исходил из интересов «третьего сословия».

¹⁰⁷ *ссылаться на летописи Рима Ливиева* — Ливии Тит (59 до н.э.–17 н.э.) — римский историк. Вся жизнь посвятил работе над своей «Историей» — изложением мировой истории «от основания Рима». Из 142 книг до настоящего времени дошли только 35. Цель своей работы Ливии видел в том, чтобы помочь людям извлечь практические уроки из прошлого. Ссылаться на летописи здесь — кивать на прошлое.

¹⁰⁸ *теории Ганштеена* — Точнее, *Ганстен* — норвежский ученый-физик и путешественник, который определил во многих местах Сибири элементы земного магнетизма.

¹⁰⁹ *угодливого Чичисбея* — Чичисбей в Италии (преимущественно в XVIII веке) — постоянный спутник состоятельной замужней дамы, сопровождавший ее на прогулках и увеселениях.

¹¹⁰ *время Езопово* — Эзоп (основоположник жанра басни в Древней Греции), по Геродоту, жил на о. Самосе около VI века до н.э. Словосочетание используется как метафора баснословных времен.

¹¹¹ *Державин... в неподражаемом описании* — Речь идет о стихотворении Г.Р. Державина «Ласточка» («О домовитая Ласточка! О милосизая птичка») (1792, 1794), которое посвящено памяти жены поэта Е.Я. Державиной. Державин Гаврила Романович (1743-1816) — один из столпов русской культуры XVIII столетия. Был поэтом-классицистом, ориентировался на культуру античности и одновременно являлся безусловным новатором в области традиционных классицистических жанров, прежде всего оды. Его произведения, проникнутые идеей сильной и просвещенной государственной власти, одновременно несли сатирический заряд («Фелица», «Вельможа» и др.). Державин являл собой пример высокого служения сразу на двух поприщах — литературном и государственном (губернатор, кабинет-секретарь императрицы, министр

- юстиции). Это, как и внутренняя независимость, чувство собственного достоинства, нелицеприятное исполнение долга, не могли не импонировать П.А. Словцову. Не случайно он неоднократно упоминает «великана» Державина и цитирует его строки.
- ¹¹² *нынешней Пифии* — Пифия — прорицательница в храме Аполлона в Дельфах. Получила свое имя от Пифона — дракона, охранявшего некогда оракул богини Геи. Прорицания пифии делались в состоянии медиумного экстаза и толковались жрецами. Прорицания были заведомо двусмысленны, а пифии не всегда отличались неподкупностью. В новое время имя стало употребляться для обозначения предсказательницы вообще.
- ¹¹³ *пакибытие* — здесь возрождение, обновление, вторая жизнь.
- ¹¹⁴ *в этих словах святого Евангелия* — В Евангелии от Марка читаем: «Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он. Ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Марк. IV, 26-29).
- ¹¹⁵ *в «Минералогии» Севергина* — Севергин Василий Михайлович (1765–1826) — русский минералог и химик, один из основателей русской минералогической школы. Выпускник академической гимназии, был послан за границу, где учился у Кестнера и Гмелина. В 1793 г. был избран академиком Петербургской Академии наук. Автор обширных сводок и трудов по минералогии и полезным ископаемым России («Первые основания минералогии», «Минералогический словарь» и др.). Разрабатывал русскую научную терминологию. В 1805 г. один из вулканов Камчатки был назван в честь ученого пиком Севергина.
- ¹¹⁶ *Двигубский при переводе ботаники* — Двигубский Иван Алексеевич (1771–1839). Выпускник Московского университета, кончил курс в 1796 г. с золотой медалью. В 1802 г. был отправлен за границу для занятий по естественной истории, химии, медицине. Профессор Московского университета. Автор около 40 сочинений и многочисленных переводов по разным отраслям естествознания. Издатель журнала «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических» (1820–1829). Особенно заслуги Двигубского выдаются тем, что в массе изданных им трудов он являлся популяризатором естествознания.
- ¹¹⁷ *кедры с другими северными фамилиями осамились* — Здесь очнулись (В.И. Даль) от зимы.
- ¹¹⁸ *явившихся Парразию* — Паррасий из Эфеса — древнегреческий живописец второй половины V века до н.э. Мастерски передавал объем, стремился выразить физическое страдание и душевные эмоции человека. Его работы известны только по описаниям.
- ¹¹⁹ *Сын Германика* — Речь идет о римском императоре Калигуле («Сапожке»). Калигула — прозвище Гая Цезаря Германика; правил в 37–41 гг. н.э. Воспитывался и вырос в военном лагере. Правление его отличается произволом, растратами государственных средств, террором. Известен как монарх, который унижил сенат, даровав консульство своему коню. Калигула как правитель и человек особенно проигрывал на фоне своего отца Германика, который, по словам Тацита, как никто был наделен всеми душевными и телесными достоинствами: ему были присущи редкая храбрость и красота, способности к наукам и красноречию, доброта и умение снискать расположение народа.
- ¹²⁰ *воспитанник Сенеки* — Речь идет о Нероне (см. примечание 28 к «Прогулкам вокруг Тобольска...»). Сенека Луций Анней Младший (ок. 4 до

- н.э.–65 н.э.) — римский философ и писатель, некоторое время воспитатель и главный советник императора Нерона. Благодаря наставничеству Сенеки, первые пять лет царствования Нерона позже вспоминали как время образцового правления. Именно Сенека привил Нерону любовь к эллинскому искусству. В 62 г. Сенека испросил у Нерона позволения уйти в отставку. Тремя годами позже Нерон вынудил Сенеку покончить жизнь самоубийством после обвинения в причастности к заговору. Стоическим самообладанием Сенеки перед смертью восхищался Тацит в «*Анналах*».
- ¹²¹ *растений не оренокских* — т.е. не с берега Ориноко. Ориноко — река в Венесуэле и Колумбии. Географические и пр. реалии Латинской Америки были популярны в России в первой трети XIX века в связи с общим интересом к национально-освободительному движению под руководством Боливара.
- ¹²² *Камоэнс* — Камоэнс Луиш ди (1524 или 1525–1580) — португальский поэт эпохи Возрождения, автор лирических стихов, сонетов, сатирических комедий. Мировую славу принесла Камоэнсу эпическая поэма о плавании в Индию Васко да Гамы «*Лузиада*» (1572), прославляющая героизм и мужество человека; в поэме выражена вера в безграничные возможности разума.
- ¹²³ *водопад великана-классика* — Речь идет об оде Г.Р. Державина «*Водопад*» (1791–1794), написанной на смерть князя Г.А. Потемкина.
- ¹²⁴ *нельзя не поздравить новой школы с победою над единствами, с провозглашением народности и с похоронами классических верований* — Имеется в виду победа эстетики просветительского реализма над классицизмом, в частности, над драматургическим принципом «триединства» (времени, места, действия). В противовес высоким и низким жанрам драматургии классицизма просветительский реализм (Д. Дидро, Г. Лессинг и др.) сформировал новый жанр — «мещанской» (народной) драмы, который оперировал материалом, игнорировавшимся идеологами «высокого» классицизма. Героями «мещанской» драматургии стали представители третьего сословия с их идеализируемыми моральными добродетелями. Создание в Германии драмы нового типа имело общеевропейское значение. Теоретики и практики литературного движения «бури и натиска» (Ф. Шиллер, И.-В. Гете) вслед за Лессингом отрицали «холодное» и «украшающее» классицистическое искусство, требовали естественности в изображении человека. На первый план была выдвинута идея «характерного» искусства, наделенного силой, энергией и национальной самобытностью, народного во всех проявлениях. Эти обстоятельства и заставили П.А. Словцова говорить о «победе новой школы» и «провозглашении народности».
- ¹²⁵ *старый грек-деспот* — Речь идет об Аристотеле (384–322 до н.э.). Греческий ученый и философ был наставником Александра Македонского и основателем Лицея в Афинах. В сферу его разнообразных интересов входили теория и практика искусства, в частности, театра. Представление об искусстве как подражании (мимесисе), о познавательной роли искусства, о композиции трагедии, о катарсисе сформулированы Аристотелем в знаменитом труде «*Поэтика*». В новое время «*Поэтика*» стала основой для классицистических теорий искусства. Сам Аристотель не формулировал правил, которым должны соответствовать драма и эпос. Классицисты же на основе его наблюдений разработали систему непререкаемых требований, безусловных для родов и жанров. Поэтому П.А. Словцов и называет Аристотеля «деспотом».
- ¹²⁶ *новый немец судья* — Речь идет о Лессинге Готхольде Эфраиме (1729–1791). Немецкий просветитель, философ, публицист, драматург, кри-

тик и теоретик искусства, он отстаивал принципы просветительского реализма в поэзии, драматургии, театре; с позиций новой литературной эпохи подвергал решительной критике теорию и практику классицизма. Его труды «Лаокоон» (1766) и «Гамбургская драматургия» (1767–1769) стали этапными в развитии мировой эстетической мысли.

- ¹²⁷ *в царствование «Энеиды»* — «Энеида» — эпическая поэма Публия Вергилия Марона (70–19 до н.э.), которого во все времена считали одним из величайших поэтов в мире. Двенадцать эпических песен «Энеиды» посвящены грандиозной истории Рима с момента легендарного начала до благоденственной эпохи императора Августа. Поэма повествует о направленном роком путешествии троянского героя Энея из горящей Трои к берегам Италии, где он становится основателем Рима и начинателем великой державы. Вергилий не успел довести «Энеиду» до полной отделки, но его произведение признается, может быть, самым глубоким из всех эпических сказаний, облеченных в литературную форму.
- ¹²⁸ *...со времени новой аристократии* — Т.е. со времен торжества сентименталистов и романтиков над классицизмом.
- ¹²⁹ *одну «Полтаву», высокую, несравненную поэму* — Имеется в виду поэма А.С. Пушкина «Полтава» (1828–1829).
- ¹³⁰ «Телемахида» — Поэма Василия Кирилловича Традиакковского (1703–1768) «Телемахида» создана в 1766 году. Она была одним из первых опытов овладения принципами русского силлабо-тонического стихосложения. В свете поэтических достижений XIX века напыщенные и отчасти неуклюжие стихи «Телемахиды» не могли не вызывать иронии.
- ¹³¹ *с холодной «Россияды»* — «Россияда» — эпическая поэма Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807), написана в 1779 году с соблюдением строгих правил классицизма. Отсюда и ее определение «холодная».
- ¹³² *Реомюр упал* — имеется в виду термометр Реомюра. Реомюр Рене Антуан (1683–1757) — французский естествоиспытатель, иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1737). В 1730 году предложил температурную шкалу, названную его именем. Создатель жидкостного термометра, действие которого основано на термическом расширении ртути.
- ¹³³ *почетительности губернатора В.А. Нагибина* — Действительный статский советник В.А. Нагибин был тобольским губернатором в 1828–1830 гг.
- ¹³⁴ *Рифей* — древнее название Уральского хребта. В XVIII веке перешло в высокий поэтический стиль (ср. «С Рифея льет Урал...»).
- ¹³⁵ *Брежет шепнул* — Брежет — часы фирмы парижского механика Брегета (точнее, Бреге) Абрахама-Луи (1747–1823). Часы отличались точностью, при этом фирма никагда не производила двух одинаковых часов.
- ¹³⁶ *отливалась... кошенилем* — Кошениль — краска, получаемая из насекомого, называемого червецом; др. название кармин (В.И. Даль).
- ¹³⁷ *последней германской философии* — Речь идет о немецком классическом идеализме И. Канта (1724–1804) и Г.В. Гегеля (1770–1831).
- ¹³⁸ *до Ламартина* — Ламартин Альфонс (1790–1869) — французский писатель-романтик и политический деятель. Автор сборника стихов «Поэтические раздумья» (1820), мистической поэмы «Жоселен» (1836).
- ¹³⁹ *в годину Батья и Мамая* — Т.е. во время потрясений, раздора и смут.
- ¹⁴⁰ *Они осеняют... алтарь храма, некогда бывшего жилищем добродетельного Варлаама* — Речь идет об Иоанновском Междугорском монастыре. У Н.А. Абрамова читаем: «Скромность этой обители обрисовывается самой природой: две горы, между которыми расположен монастырь, и окружаю-

щие его, с одной стороны, березовые роши, а с другой — сосновый лес служат ему как бы покрывалом. Там святитель проводил отшельническую жизнь и оставил по себе память, насадив кедры, ныне с просиной зеленеющие и осеняющие храм» (*Н.А.Абрамов*. Варлаам I Петров // *Город Тюмень*. Тюмень, 1998. С. 265). Варлаам I Петров был архиепископом Тобольским и Сибирским с 1768 года. 8 марта 1769 г. он прибыл в Тобольск и управлял епархией 33 года. С его именем связаны постройки и освящение каменных церквей, восстановление многих из них после событий пугачевского восстания. По представлению преосвященного Варлаама Невьянский Богоявленский монастырь в 1783 году был переведен в с. **Абалакское** и переименован в Знаменский. Тобольская семинария своим расцветом также обязана **Варлааму**: при нем введено было полное преподавание богословия, риторики и философии на латинском, греческого языка, татарского (с 1788), математики, физики, высшего красноречия, истории, географии (с 1793), обучение врачебной науке (с 1802); тесны были связи Тобольской семинарии с другими учебными заведениями. Н.А. Абрамов свидетельствовал о высоких качествах личности архиепископа: «Милосердие и благотворительность к бедным, можно сказать, были его душой. Чистота сердца, благодатное смирение, кротость и благочестие, которыми он сиял среди паствы, дали ему название «Муж евангельской кротости и праведной жизни». Эту блаженную кротость и благодушное обращение много видели дети, обучавшиеся в духовных училищах, к которым он был внимателен и ласков, как чадолюбивый отец» (Варлаам I Петров. С. 254, 264). Скончался 27 декабря 1802 года. «В память вечную будет **праведник**», — завершил жизнеописание Варлаама Н.А. Арбамов.

¹⁴¹ *ливанская фамилия* — Ливанские кедры.

¹⁴² *наших Ореад* — Ореады, или **орестиады** — в греческой мифологии нимфы гор.

¹⁴³ *не всякому на роду написано быть Гракхом* — В истории Древнего Рима известны двое братьев Гракхов — Тиберий (162–133 до н.э.) и Гай (153–121 до н.э.). Оба были римскими народными трибунами (высшее выборное должностное лицо из плебеев). Оба погибли в борьбе с сенатской знатью за осуществление своих реформ. Имя Гракха употреблено **П.А. Словцовым** как собирательное обозначение демократического правителя вообще, в противовес Юлию Цезарю.

¹⁴⁴ *или Юлием Цезарем... какого-нибудь Карфагена* — Гай Юлий Цезарь (ок. 100–44 до н.э.) — римский патриций, военачальник и государственный деятель. Являлся одной из самых ярких фигур античного мира, был хорошим оратором и замечательным писателем — его записки о галльской кампании служат образцом античной прозы. После победы над своим соперником Помпеем Цезарь стал единоличным диктатором Рима. По инициативе Цезаря активно осваивались окраинные провинции, завоеванные в победных походах, возрождалась разрушенные города, в том числе знаменитый город-государство Карфаген, уничтоженный в 146 г. до н.э. в ходе Пунических войн. Основная карфагенская территория вошла в римскую провинцию Африка, остальная была передана Нумидии.

¹⁴⁵ *крупчатки* — Крупчатка — мельница для обдирки, выделки круп (*В.И. Даль*).

¹⁴⁶ *порттик* — Перекрытие, которое поддерживается колоннадой и образует выступающую часть здания; часто порттик оформляет главный вход. Деталь была особенно популярна в эпоху русского классицизма, возродившего архитектурные традиции античности.

- ¹⁴⁷ *колонны в полуционическом вкусе* — Из Древней Греции заимствованы три основных вида архитектурной композиции (ордера): дорический, коринфский, ионический. Из них последний самый скучной и строгий.
- ¹⁴⁸ *по всему Тобольску в этот день* — Автор описывает день 23 июля, когда икона Абалакской Божьей Матери, принесенная в город 7 июля, крестным ходом возвращается в **Абалакский** монастырь.
- ¹⁴⁹ *песнь... воспела Мариам пророчица со дочерями Израиля* — Мариам была сестрой пророка Моисея. Вместе с другими последовала за Моисеем при исходе из Египта. По переходе через Черное море является во главе жен еврейских: «И взяла Мариам пророчица в руку свою тимпан, и вышли за нею все женщины с тимпанами и ликованием. И воспела Мариам пред ними: пойте Господу; ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море» (Исход. XV, 20-21).
- ¹⁵⁰ *Не новый ли Валаам, скажут с издевкой* — П.А. Словцов предостерегает современников от невольного сравнения его, так уповающего на чудотворную икону, с библейским Валаамом. По Библии, Валаам, сын Восоров, жил во времена странствий народа Израилева из Египта в землю Обетованную. Он пользовался славой великого провидца, ходила молва, что кого он благословит, тот и будет благословен, а кого проклянет — будет проклят. Но в странствиях Валаам заразился любостыжанием и стал падок на дароприношения. Валаам дал царю **Валаку** совет привлечь постепенно израильтян к **идолослужению**, в результате чего мало-помалу распространились между ними нечестие и разврат.
- ¹⁵¹ *деист* — последователь деизма (от латинского deus — бог) — учение, которое признает существование Бога в качестве безличной первопричины мира: будучи сотворен Богом, мир затем предоставлен действию своих собственных законов. Деистами во Франции были Вольтер и Руссо, в Англии — Локк, Ньютон, в России — И.И. Пнин и др.
- ¹⁵² *пусть хотя ослица Валаамова проговорит* — Апостол Петр во Втором послании упоминает Валаама, называя его тем, кто «возлюбил мзду неправедную, но был обличен в своем беззаконии: бессловесная ослица, проговоривши человеческим голосом, остановила безумие пророка» (II, 15–16). Ослица Валаамова стала нарицательным именованием неожиданного свидетеля. На появление некоего чудесного очевидца и высказывает здесь надежду автор.
- ¹⁵³ *Самуилу, спящему во храме* — Речь идет о Самуиле, пророке и судии народа израильского; с детских лет он был посвящен Богу и служил в храме при первосвященнике Илии. Однажды после дневного богослужения Илий и Самуил удалились на покой, но вскоре юный служитель пробудился троекратно повторенным призыванием его от Бога: «И светильник Божий еще не погас, и Самуил лежал в храме Господнем, где ковчег Божий. Воззвал Господь к Самуилу, и отвечал он: вот я!». (I Цар. III, 3–15). Дитя сначала не узнало Божественный голос и, думая, что зовет его священник, Самуил при каждом зове приходил к Илии. Первосвященник понял, что мальчика зовет Господь, и указал ему, как должно действовать. Господь открыл отроку свою волю, и это стало посвящением Самуила в пророческое служение под особым водительством Божиим, так что весь Израиль знал и уповал на Самуила как на пророка.
- ¹⁵⁴ *эти Магдалины, в коих не побывало еще седми бесов* — Сравнение идет с Марией, происходившей из галилейского города **Магдалы**, от которого она и получила свое именование (Магдалина). По агиографическим источникам, Магдалина была грешницей, удалившейся в пустыню, чтобы молитвами заслужить прощение Бога. Иисус исцелил Марию от

злых духов: «Он проходил по городам и селениям, проповедуя <...>, и с Ним двенадцать и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов» (Лук. VIII, 1-2). После исцеления Магдалина всюду сопровождала Иисуса во время Его земной жизни.

¹⁵⁵ *во вкусе кариатид* — Кариатиды — архитектурная деталь, изображение человека, поставленное вместо колонны. (В.И. Даль).

¹⁵⁶ *на третью деку солнца* — *Здесь* на осень.

¹⁵⁷ *ширинка шафранного цвета* — *Здесь* фата, платок неразрезной или два нерезанных платка вместе, долгий плат (В.И. Даль). Шафранный — цвета шафрана, оранжево-желтый.

¹⁵⁸ *солнце освещает сегодня и звающего князя Обдорского* — Н.А. Абрамов отмечал: «Остяки, прежде покорения их Русской державе, имели свои «княжества» и владельцы их назывались «князьями». Главными из них были: обдорский и кондинский, сосвинско-ляпинский (югорский)<...> В настоящее время титул князя имеет только обдорский, а прочих волостей управители называются старшинами, хотя некоторых из них и ныне остяки и русские называют князьями» (Н.А. Абрамов. Описание Березовского края. Шадринск, 1993. С. 7, 11). Княжеское достоинство за князьями Обдорскими было подтверждено грамотами царей Бориса Годунова (1601), Василия Шуйского (1604), Феодора Алексеевича (1679). Грамота на княжеское достоинство была прислана Обдорскому князю и императрицей Екатериной II. Особенно известны среди князей Обдорских Василий, крестившийся в 1602 году в Москве и поставивший в Обдорске первую церковь, и Тучабалда, решительно отказавший Филофею Лецинскому в крещении своего народа. Современником П.А. Слоцова был князь Обдорский Матвей (Тайшин, или, по другому написанию, Тайтин). Драматические события жизни рода в начале 1830-х годов были давно позади, грядущие (связанные с восстанием Ваули Пиеттомина в 1839-1841 гг.) еще не дали о себе знать, поэтому автор и называет князя Обдорского «звующим».

¹⁵⁹ *Боливар на берегу Колумбии* — Боливар Симон (1783-1830) — вождь национально-освободительного движения в Латинской Америке. В 1813 году провозглашен Освободителем. В 1819-1830 гг. президент Великой Колумбии, созданной на свободных территориях. Кумир европейских либералов 1820-х годов.

¹⁶⁰ *курающиеся ласины сопок* — Возможно, опечатка при первом издании рукописи. Правильнее ласины — гладкие полосы, пятна на чем-либо; пятна от сырости (В.И. Даль). Здесь — лысые вершины, склоны сопок.

¹⁶¹ *не лучше Сократовой Ксантиппы* — Ксантиппа — жена афинского философа Сократа. Имя Ксантиппы стало нарицательным из-за ее дурного нрава.

¹⁶² *горы* — В греческой мифологии горы — богини времен года, сестры харит (граций). Их имена — Эвномия («благозаконие»), Дике («справедливость»), Ирена («мир»). Они — покровительницы урожая и животельных сил природы. Одновременно горы упорядочивают жизнь человека, вносят в нее периодичность, наблюдают за ее закономерным течением.

¹⁶³ *Державин пел осень под облаками флеровыми* — Мотивы и образы осени представлены в стихах Г.Р. Державина «Желание Зимы» (1787), «Осень во время осады Очакова» (1788), «Похвала сельской житни» (1798). Флеровый — *здесь* прозрачный, легкий.

¹⁶⁴ *первобытного творческого глагола: да произрастит земля* — «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодovitое <...> И стало так» (Бытие. I, 11).

- ¹⁶⁵ *сказал некогда в Вифсаиде слепец... ходящая* — В Евангелии от Марка читаем: «Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его, видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья. Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел и стал видеть все ясно» (Марк. VIII, 22-25). Вифсаида — город в Иудее на берегу Иордана.
- ¹⁶⁶ *губернская канцелярия* — Общий состав чиновников и писцов при губернаторе; отдел губернского правления, ведающий делопроизводством.
- ¹⁶⁷ *открытие двух наместничеств* — С целью укрепления государственного аппарата империи в 1775 году правительство предприняло крупную реформу местного управления: по Учреждению о губерниях от 7 ноября 1775 года повелено открыть два наместничества в Сибири — Тобольское и Иркутское. А указом 13 июня 1781 года при новом разделении империи на 40 губерний в Сибири назначено быть уже трем наместничествам: Тобольскому, **Кольванскому** и Иркутскому.
- ¹⁶⁸ *с органическим устройством губернии и уездных городов* — Тобольское наместничество включало всю Западную Сибирь с двумя областями — Тобольской и Томской, а также Пермскую губернию. В Тобольской области было 10 уездов: Тобольский, Туринский, Тарский, Омский, Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Тюменский, Березовский, Сургутский. В Томскую область входили шесть уездов.
- ¹⁶⁹ *наместник предпочел иметь свое пребывание в Перми* — Первым наместником тобольским (1782-1788) был генерал-поручик Евгений Петрович Кашкин. Поскольку ему поручена была также и Пермская губерния, он жил не в Тобольске, а в Перми. Преемником первого тобольского наместника был генерал-поручик Алексей Андреевич Волков.
- ¹⁷⁰ *небывалою торжественностью открытия* — На основании императорского рескрипта от 19 января 1782 года Тобольское наместничество было открыто 30 августа 1782 года. На месте старой приказной палаты выстроили трехэтажный дворец. В просторной тройной зале, устланной коврами, установили императорский трон. «На покрытом красным сукном возвышении с несколькими с трех сторон ступенями стояло большое императорское кресло, обитое малиновым бархатом и обложенное золотым позументом с такой же бахромой; <...> посередине (спинки — **Н.Г.**) — российский герб, золотой орел под императорской короной; вокруг всего кресла — золотой позумент с такой же бахромой. Покрывало на троне малинового бархата <...> При занавесах восемь золотых кистей <...> Сверху трона расположена императорская корона, скипетр и держава, российский и прочие гербы губерний золоченые. Залу украшали портреты Екатерины II, великого князя Павла Петровича, Марии Феодоровны и великих князей Александра Павловича и Константина Павловича в золоченых рамах» (**Н.А.Абрамов**. Варлаам I Петров. С. 262-263). В торжественный акт открытия входило молебствие, совершенное архимандритом Варлаамом и высшим духовенством. Отныне по протоколу наместник должен был «в высокаторжественные дни всходить на ступени трона и, стоя близ оногo, принимать **поздравления**».
- Позже Н.М. Ядринцев с иронией отмечал: «Уже первый наместник вместо того, чтобы стоять на ступенях трона, учрежденного в Тобольске и напоминавшего власть одной монархини, взобрался сам на него и таким образом возвел себя как бы в царское достоинство; то же произошло и в деле управления». (Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 339).

¹⁷¹ *новым содержанием оды, поднесенной наместнику* — На торжестве открытия наместничества П.А. Словцов, тогда воспитанник Тобольской семинарии, читал написанную им оду «К Сибири». Обращаясь в ней к «дщери Азии», автор славил жизнь единой «мирной семьи» сибирских «диких орд», не только ум, но и «кроткие сердца» сибиряков, их достоинство и привычку к привольной жизни. В оде юный поэт обещал:

Страна моя! Тебя я не забуду,
 Когда и под сырой землею буду —
 Велю, чтоб друг на гробе начертил
 Пол-линии: и я в Сибири жил.

¹⁷² *речи, говоренной ректором семинарии* — Тобольская семинария была основана в 1748 году митрополитом Антонием II Нарожницким. С умножением числа учащихся в 1770 г. семинария была переведена в Знаменский монастырь. Ректорами ее с этой поры были Знаменские архимандриты. С 1774 до 1785 гг. должность ректора исполнял архимандрит знаменский Илья Шумилевич, по словам Н.А. Абрамова, «муж строгих правил и неусыпный к своей должности». В последние два года из-за болезни он не управлял семинарией и в 1785 г. был уволен на покой в Севск, где в этом же году скончался. Его преемником стал архимандрит Геннадий (1785-1794). 30 августа 1782 г. по окончании молебна, совершенно преосвященным Варлаамом, архимандрит Илья Шумилевич говорил, как выразились современники, «умную речь наместнику».

¹⁷³ *лет за пять встречаю в Тобольске невестку того наместника* — Речь идет об Анне Гавриловне Кашкиной, урожденной Бахметевой. Она была женой сенатора Николая Евгеньевича Кашкина (1768-1827), сына первого тобольского наместника. Упомянутая встреча могла состояться не ранее 1826 года.

¹⁷⁴ *злополучному ее сыну* — Имеется в виду Сергей Николаевич Кашкин (1799-1868). Он получил прекрасное домашнее воспитание, слушал лекции в Московском университете. Вступил в военную службу в 1817 году. В 1819 служил в лейб-гвардии Павловском полку вместе с двоюродным братом декабристом князем Е.П. Оболенским. С 1820 года был сослуживцем И.И. Пущина по Московскому надворному суду. Состоял в тайном Северном обществе. Был арестован в Москве 8 января 1826 года. Содержался «строго» в Петропавловской крепости. Высочайшим распоряжением после 4-месячного заключения был отправлен на службу в Архангельск с приказом ежемесячно доносить о его поведении. Прощен с повелением жить в деревне летом 1827 года.

¹⁷⁵ *высшие лица управлений упразднены* — В 1797 году Колыванское наместничество было упразднено, а в 1799 году Тобольское и Иркутское наместничества переименованы в губернии, при этом в Иркутскую губернию назначен военный губернатор с гражданской властью. В 1816 году было предположено восстановить наместничества на всем пространстве России, в том числе и в Сибири, в целях децентрализации. Проект не был реализован.

¹⁷⁶ *с переходом к современным идеям* — Император Александр I, взойшедший на престол в 1801 году, будучи воспитанником республиканца Фредерика Сезара Лагарпа, предполагал проведение в жизнь комплекса государственных реформ в разных областях. Результатом этого явилось создание Негласного комитета, приближение М.М. Сперанского, учреждение Государственного совета и 8 министерств, принятие указа о вольных хлебопашцах, отмена тиранических указов Павла I,

вернувшая на службу 12 тыс. офицеров и чиновников, и др. Все это позволило говорить о «дней **александровых** прекрасном начале».

¹⁷⁷ *Сибирь в 1803 г. вверяется одному блюстителю* — После упразднения наместничеств вся Сибирь соединена была в одно целое под названием Сибирского генерал-губернаторства и поручалась управлению генерал-губернатора. В Сибирское генерал-губернаторство входили Тобольская, Томская и Иркутская губернии. Первым генерал-губернатором Сибири был тайный советник И.О. Селифонтов (1803–1806).

¹⁷⁸ *долговременным отсутствием Сибирского генерал-губернатора* — С 1806 года Сибирским генерал-губернатором был тайный советник, сенатор Иван Борисович Пестель (1765–1843). Обозрев порученные его заботам Тобольскую, Томскую и Иркутскую губернии, недолгое время пробыв в Сибири, Пестель возвратился в Петербург и постоянно жил в столице. Фактическим бесконтрольным заместителем Пестеля в Сибири стал иркутский губернатор Н.И. Трескин. «Не одни только личные преследования были отличительною чертою сибирского управления за время Пестеля, — свидетельствовал современник. — Управление это представляло поразительный пример вопиющих беспорядков и злоупотреблений, приведенных в систему». В 1815 году кабинет министров предложил вернуть Сибирского генерал-губернатора его посту, однако Пестель продолжал жить в столице до отставки.

¹⁷⁹ *В 1819 году был человек послан свыше* — В марте 1819 года император Александр I подписал указ о смещении генерал-губернатора Сибири И.Б. Пестеля и о назначении на эту должность М.М. Сперанского.

¹⁸⁰ *Кто забудет имя М.М. Сперанского* — см. примечание 4 к «Письмам из Сибири...».

¹⁸¹ *издало в 1822 г. особое Учреждение для благоденствия Сибири* — По словам И. Завалишина, «из краткого своего управления Сибирью Сперанский вынес целый кодекс для этой огромной страны» (Описание Западной Сибири. М., 1862. С. 120). 22 июля 1832 года было высочайше утверждено Сибирское учреждение. По этому Учреждению Сибирь разделялась на два генерал-губернаторства; генерал-губернаторам вверялась исполнительная власть; при генерал-губернаторах, губернаторах и окружных начальниках учреждались советы из чиновников местного управления и министерских, «мнение этого совета необходимо во всех важных предметах»; роль советов была **совещательная**. Учреждение преследовало целью децентрализацию, основывалось на введении коллегияльности во всех частях управления вместо единоличного и опиралось на взаимный контроль одних учреждений другими. У плана Сперанского было достаточно решительных критиков; спустя полвека в целом неутешительные итоги претворения Учреждения в жизнь подвел Н.М. Ядринцев.

¹⁸² *Тобольск сделался средоточием западной половины края, местом двух совещательных советов и военною главою для всей Сибири* — По Учреждению 1822 года Сибирь была разделена на Западное (с центром в Тобольске) и Восточное генерал-губернаторства. Первым генерал-губернатором Западной Сибири стал генерал-лейтенант от артиллерии Петр Михайлович **Капцевич** (1822–1828). Генерал-губернатор Западной Сибири совмещал гражданские и военные властные функции первоначально в звании начальника Сибирской линии, а затем командира Отдельного Сибирского корпуса. В 1828 году из гарнизонных полков и батальонов, расположенных по всей Сибири, были сформированы 15 сибирских линейных батальонов, растянувшихся от Урала до

Нерчинского завода. Только в 1834 году войска, расположенные на территории Восточной Сибири, отошли в ведение тамошнего генерал-губернатора. В Тобольске осуществлялась деятельность двух совещательных советов, поскольку город был столицей и генерал-губернаторства, и губернии. Совет главного управления Западной Сибири был торжественно открыт в Тобольске 1 января 1823 г. Совет общего губернского управления Тобольской губернии под председательством гражданского губернатора А.С. Осипова — 2 января 1823 г.

¹⁸³ *формы управления... не могут быть макиавеллическими* — т.е. основанными на принципах, предложенных Никколо Макиавелли (1469–1527). В трактате «Государь» итальянский политический мыслитель полагал допустимым любые средства упрочения государства. Термин макиавеллизм стал определением политики, которая цинично пренебрегает всеми нормами морали. Это дало основание, в частности, Г.Р. Державину так обратиться к Макиавелли: «Царей насмешник, иль учитель /Великих, иль постыдных дел!/ Душ слабых, мелких обольститель,/ Пойди от нас, Махиавель!/ Не надо нам твоих замашек,/ Обманов тонких, хитростей<...>» (Махиавель, 1802).

¹⁸⁴ *откроется университет, под который в 1803 году положен был первый камень благородною рукою Демидова* — В утвержденных императором Александром I предварительных правилах народного просвещения, опубликованных при указе правительствующего сената 24 января 1803 года, постановлялось (пункт 14), что в учебных округах учреждаются университеты «для преподавания наук в высшей степени». Предполагалось, что их будет 6: кроме уже существовавших Московского, Виленского и Дерптского, — в Петербурге, Казани и Харькове, а затем предназначались для университетов города Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие. Известный меценат П.Г. Демидов, делая многочисленные пожертвования в пользу отечественного просвещения, определил в том же году 100000 рублей на открытие киевского и тобольского университетов. В письме министра народного просвещения графа Завадовского к Демидову от 6 июня 1803 года говорилось: «Что касается до сумм, которые вы располагаете за благодеяние моим училищам, то к тому ближайшее средство положить оные в воспитательный дом вечным капиталом, назнача доход от процентов по мере капитала, каждому месту определенного; а доколе присплет время к открытию университетов в Киеве и Тобольске, то капиталы, сим училищам от вас определенные, росли бы обращением своим, без прикосновения к оным» (Н.М. Ядринцев. Сибирь как колония. С. 400). В очередной раз вопрос об открытии в Сибири университета был поднят при М.М. Сперанском. Свой проект его создания предлагал и П.А. Словцов. В 1823 году об открытии университета ходатайствовал генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич. Но демидовское пожертвование было передано в Московский университет, и мысль о высшем учебном заведении в Сибири осталась без исполнения надолго.

¹⁸⁵ *первые имена двух иерархов XVIII столетия: митрополита Иоанна Максимовича и архиепископа Варлаама* — Иоанн Максимович (1653–1715) с 1711 по 1715 г. был митрополитом Тобольским и Сибирским. Родом с Украины, выпускник, затем преподаватель Киевской духовной академии. В 1677 г. входил в посольство к московскому царю Феодору Алексеевичу, которое просило принять Малороссию в состав России. 58 лет стал преемником митрополита Филофея Лещинского: «больно было расстаться ему с родной Малороссией, <...> страшно было отправиться в отдаленный и холодный край; но глас послушания говорил громче соб-

- ственной воли» (*Абрамов Н.А.* Иоанн Максимович, митрополит Тобольский и Сибирский // *Город Тюмень*. Тюмень, 1998. С. 188). 14 августа 1711 года Иоанн прибыл в Тобольск, служение его длилось 3 года 9 месяцев. Человек высоких познаний и духовной мудрости, Иоанн особенно радел о просвещении юношества, приглашал умелых наставников и увеличивал число учеников славяно-латинской школы. Предметами учения были чтение, чистописание, Катехизис, славянская грамота, латинский язык, нотное пение и др. Иоанн много жертвовал из своего жалования на учеников и учебные пособия. Митрополит содействовал распространению христианства среди языческих племен и магометан. В 1712 году снарядил схимонаха Феодора (*Филофея Лещинского*) к сибирским инородцам для обращения их в христианскую веру. По отзывам современников, был человеком необыкновенно скромным, любил уединение, сосредоточенные труды, был автором многих прозаических и поэтических произведений (силлабических с рифмами), словарей. По словам Н.А. Абрамова, «он никогда не был празден, он или читал, или писал, или размышлял, или учил». (*Иоанн Максимович*. С. 192, 194). Похоронен в Тобольском Успенском соборе. Именно митрополиту Иоанну жизнью и делами старался подражать архиепископ Варлаам (см. примечание 140 к «Прогулкам вокруг Тобольска...»).
- ¹⁸⁶ *юфть* — Кожа рослого быка или коровы, выделанная по-русскому способу, на чистом дегте (*В.И. Даль*).
- ¹⁸⁷ *нитейного откупа* — Откуп — право взимания с населения налогов (здесь — винных), предоставляемое частному лицу (откупщику) или обществам за денежное вознаграждение.
- ¹⁸⁸ *логогрифы* — Род шарады, для решения которой нужно отыскать загаданное слово и образовать от него новые слова путем перестановки или отбрасывания отдельных слогов или букв.
- ¹⁸⁹ *под надзором г. Кунавина* — *И.С.* Кунавин был старшим учителем Тобольской гимназии, преподавал естественнонаучные дисциплины. Проводил регулярные метеорологические наблюдения в Тобольске.
- ¹⁹⁰ *от доктора Эрмана* — Точнее Эрмана. Эрман — берлинский ученый, в 1830-е годы совершил обширное путешествие по Сибири и собрал массу данных по физической географии страны.
- ¹⁹¹ *Биота* — точнее Био. Био Жан-Батист (1774-1862) — французский ученый. Участник Французской революции, был на военной службе у Конвента. Выпускник Политехнической школы в Коллеж де Франс. Много путешествовал по Европе с целью изучения земного притяжения. Первооткрыватель физических законов, названных его именем (1815, 1820).
- ¹⁹² *дознаны Биотом и Гей-Люсаком на высоте аэростатической* — В августе 1804 года Био вместе с Гей-Люсаком с научными целями совершил подъем на воздушном шаре на 3400 метров. Гей-Люсак Жозеф Луи (1778-1850) — почетный член Петербургской Академии наук (1829). Открыл (1802, 1808) газовые законы, названные его именем.
- ¹⁹³ *инclinатор* — Прибор для измерения магнитногоклонения.
- ¹⁹⁴ *Уrania* — Одна из 9 олимпийских муз, муза астрономии.
- ¹⁹⁵ *музыкосочинителя Алябьева* — Алябьев Александр Александрович (1787-1851) — русский композитор, автор романсов, опер, балетов, музыки к театральным постановкам. Один из первых воплотил в музыке лирику А.С. Пушкина. Уроженец Тобольска, сын тобольского губернатора (1787-1795), действительного статского советника А.В. Алябьева. В 1828 г. прибыл в родной город как ссыльный. Вел в Сибири интенсивную творческую жизнь: организовал большой оркестр (3 хора и 100 музыкантов), концертировал, создал ряд музыкальных про-

- изведений, среди которых «Иртыш» на слова тобольского поэта И.И. Веттера. Положил на музыку стихи тоболяка И.Л. Черкасова «Сыны Сибири отдаленной...» и вручил их А. Гумбольдту при его посещении Тобольска. В 1832 г. навсегда покинул Тобольск.
- ¹⁹⁶ *наш Россини* — Россини Джоаккино (1792-1868) — итальянский композитор. С его именем связан расцвет итальянского оперного искусства XIX века («Севильский цирюльник» 1816, «Отелло» 1816, «Золушка» 1817 и др.). Славился неистощимой мелодической изобретательностью, темпераментом, драматургическим чутьем.
- ¹⁹⁷ *незабвенный путешественник Александр* — Речь идет о покойном императоре Александре I, который всю жизнь отличался склонностью к путешествиям, что дало, например, Пушкину возможность назвать его «кочующим деспотом».
- ¹⁹⁸ *Орфей* — Герой греческих мифов. Славился как поэт и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой подчинялись не только люди, но даже боги и природа.
- ¹⁹⁹ *Фриз* — Часть балочного перекрытия пролета или завершения стены (наряду с карнизом и архитравом); кайма, бордюры стены, пола, потолка, обычно украшенные сплошным орнаментом.
- ²⁰⁰ *еврейский камень* — гранит.
- ²⁰¹ *как Делилевы сады* — Проводится аналогия с пейзажами из поэмы французского поэта Жака Делиля (1738-1813) «Сады». Многокрасочный мир природы поэт любит описывать в период увядания; образ осени был сквозным в поэзии Делиля.
- ²⁰² *от Ювеналовых припевов* — Ювенал Децим Юний (ок. 42-125 или 60-130) — римский поэт. Шестнадцать сатир Ювенала содержат насмешки над аморальными и несправедливыми порядками современного поэту Рима. В европейскую культуру XVIII века Ювенал вошел как обобщенный образ поэта-обличителя.
- ²⁰³ *антики* — Слепки, копии с античной скульптуры или ее фрагмента.
- ²⁰⁴ *подругою Каллиопы* — Каллиопа в греческой мифологии — муза эпической поэзии и науки.
- ²⁰⁵ *склаваж* — украшение, прикрепляемое к кружевной ленте или бархотке, плотно облегающей шею. Было особенно популярно в XVIII веке, в XIX веке постепенно выходит из употребления.
- ²⁰⁶ *напильоты* — треугольные лоскуты бумаги для завивки волос (В.И. Даль).
- ²⁰⁷ *волтижер* — тот, кто занимается волтижировкой как промыслом, на показ или как охотник до нее. Волтижировка — гимнастика: ломанье, прыжки, перекидка, прыганье с земли на лошадь и пр. (В.И. Даль).
- ²⁰⁸ *Юровая ярмарка и вместе ловля рыбы* — Юровой «в Сибири называется праздник рыбаков, он совершается при отправлении их по Иртышу за ловлею красной рыбы» (Ил. Сахаров). Приходится на 30 октября с.с. Юр обозначает также торг, базар, шумный рынок (В.И. Даль).
- ²⁰⁹ *Начинал с недоумения, как Сократ, дабы достигнуть ведения* — Сократ (470-399 до н.э.) — афинский философ. Полагал, что философия не должна быть оторвана от человеческой жизни и что хороший человек должен обязательно разобраться, что на самом деле хорошо и что дурно, иначе его нельзя будет считать хорошим. Сократ считал, что призван узнавать истину, спрашивая у людей их мнение по различным вопросам; сам себя Сократ называл при этом «повивальной бабкой», заставляющей людей думать и приходиться к выводам, часто неожиданным для них самих. Готовые пути к достижению жизненно-го успеха Сократ не принимал.

²¹⁰ *начинал ли с сомнения, как Декарт* — Декарт Рене (1596-1650) — французский философ, математик, физик, физиолог, автор трудов «Рассуждение о методе» (1637), «Начала философии» (1644). Был последовательным дуалистом. Вместе с Ф. Бэконом конечную задачу знания видел в открытии и изобретении технических средств, в познании причин и следствий, в усовершенствовании природы человека. Для достижения этой задачи Декарт считал необходимым предварительно усомниться во всем наличном существовании с тем, чтобы найти безусловно достоверное начало знания. Таким началом философ считал тезис «мысль, следовательно существую». В учении о познании Декарт был родоначальником рационализма.

²¹¹ *с врожденных понятий, которые растирает в пыль Локк и Бэкон* — Локк Джон (1632-1704) — английский философ-материалист эпохи Реставрации в Англии. В основном труде «Опыт о человеческом разуме» (1690) развил теорию познания материалистического эмпиризма, спорил с идеями Декарта. По Локку, задача человека — знать не все, а только то, что важно для поведения и практической жизни. Разрабатывая учение о государственной власти, утверждал, что цель государства — сохранение человеческой свободы и собственности, приобретенной трудом. Принципиальна для Локка мысль, что люди сами могут и должны изменить существующий порядок, если при нем личность не может получить надлежащего воспитания и развития.

Бэкон Френсис (1561-1626) — английский философ, основатель материализма и экспериментирующей науки нового времени. Был лорд-канцлером Англии. Автор знаменитого трактата «Новый Органон» (1620). Провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой. Предложил реформу научного метода — очищение разума от постоянно грозящих ему врожденных заблуждений («идолов»). Новая наука должна быть, по Бэкону, рациональной переработкой фактов опыта.

²¹² *от Кантовой проблемы о праве познавательности* — В 1780-е годы (так наз. «критический период») И. Кант создает «критическую» теорию познания. Философ доказывает невозможность построить систему умозрительной философии — впредь до предварительного исследования форм познания и границ познавательных способностей человека. Эти исследования приводят Канта к агностицизму — к утверждению, что природа вещей, как они существуют сами по себе («вещь в себе»), принципиально недоступна человеческому познанию. Но в разуме, по Канту, заложено неискоренимое стремление к безусловному знанию, вытекающее из этических запросов. Под давлением этого человеческого рассудок стремится к решению вопросов о границах мира, о его неделимых элементах, о процессах в нем, о Боге как безусловно необходимом существе. При этом природа разума такова, что с равной доказательностью могут быть обоснованы противоположные суждения.

²¹³ *прохожий самарянин... указал гостиницу* — Самарянин — евангельский персонаж (Иоанн IV, 7-42 и др.). Слово традиционно употребляется для обозначения дающего приют человека.

О Петре Андреевиче Словцове

В данном разделе публикуются две работы XIX в. об историке. Биографический очерк Н.А. Абрамова печатается по: Тобольские губернские ведомости. 1892. №12. С. 182-186. В конце публикации приведен «Указатель сочинений историка П.А. Словцова».

Абрамов Николай Алексеевич (17.04.1812-3.05.1870) — известный сибирский краевед, историк. Образование получил в уездном народном

училище (1823-1825) и Тобольской духовной семинарии (1826—1832). Преподавал в духовном училище (1832-1836). 6 1842 г. — смотритель Березовского, Ялуторовского и Тюменского училищ. С 1853 г. — столоначальник Главного Управления Западной Сибири (г. Омск). Действительный член Русского Географического общества (РГО) (с 5 ноября 1858 г.). Один из первых и ведущих знатоков церковной истории Сибири, особенно Тобольской губернии и епархии (более 100 публикаций). Другой известный церковный историк Сибири — А.И. Сулоцкий писал о нем: «После Абрамова едва ли скоро явится такой знаток Сибири и такой охотник писать о ней, каков он был».

Работа К.М. Голодникова печатается по: Сборник газеты «Сибирь». Т. I. СПб., 1876. С.423-531.

Голодников Капитон Михайлович (1822 или 1823, 1824—ок. 1901) окончил курс в Тобольской гимназии. Работал в Ялуторовске учителем русского языка с 1839 по 1846 гг. Служил заседателем Курганского окружного и Омского земского судов, директором Тобольского губернского тюремного комитета, с 1877 г. вплоть до отставки — секретарь Тобольского губернского статистического комитета.

Автор книг «Альбом тобольских видов» (1864), «Заслуживают ли и в какой мере заслуживают научного исследования Сибирские курганы вообще и Тобольские в особенности» (1879), «Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири» (1881), «Тобольск и его окрестности» (1887), статей «Государственные и политические преступники в Ялуторовске и Кургане» (1888), «Ссылные в Тобольской губернии и их влияние на нравственный и экономический быт старожилов» (1891) и др.

Оглавление

Письма из Сибири 1826 года.....	5
I. Воспоминание.....	8
II. О комнатных украшениях.....	10
III. Путевые замечания к Якутску.....	12
IV. Отъезд из Иркутска на Тельминскую фабрику.....	17
V. Продолжение описания фабрики.....	18
VI. Взгляд на страну между Бирюсы и Енисея.....	20
VII. Поездка в Енисейск.....	21
VIII. Дорога через Кемчуги.....	23
IX. Свидание на Барабе.....	24
X. О Ермаковой перекопи.....	26
XI. Посещение Искера, столицы Кучумовой.....	28
XII. Суждение о Сибирской летописи, 1821 года изданной.....	30
XIII. Поездка в Березов.....	35
XIV. Путевые замечания.....	38
XV. Воспоминание о Меньшикове.....	47

XVI. О промышленности г. Тюмени.....	49
XVII. Поездка в Туринск	51
XVIII. Сокращение о троякой промышленности в Сибири... ..	53
XIX. О способностях сибиряков.....	58
XX. Воспитание домашнее и публичное.....	62
Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году.....	65
Предуведомление.....	66
I. Разговор с Маскою об увеселениях общественных.....	68
II. Расположение к прогулкам.....	77
III. Кто заселяет Тобольский уезд?.....	79
IV. Поездки.....	82
V. Масленица.....	85
VI. Взгляд на окольные селения и юрты.....	88
VII. Общий взгляд на уезд и на всю губернию с предположением.....	91
VIII. Журнал весны тобольской.....	96
IX. Видение весны 27 мая.....	102
Исчисление тобольских растений.....	104
X. Взгляд на Тобольск с нагорного угла.....	107
XI. Солнечный восход и Ивановское.....	110
XII. Развалины Куткинской заимки.....	113
XIII. 23-е июля, с припискою.....	115
XIV. Журнал лета.....	120
XV. Равноденствие осеннее.....	124
XVI. Описание Тобольска.....	127
В отношении государственном.....	127
В отношении археологическом.....	132
В отношении промышленности.....	135
В отношении физическом.....	141
В отношении к изящным искусствам.....	150
XVII. Журнал осени и частью зимы.....	156
XVIII. Приложения.....	161
О Петре Андреевиче Словцове.....	179
<i>Н. Абрамов.</i> Петр Андреевич Словцов.....	180
<i>К. Голодников.</i> К биографии П.А. Словцова.....	196
Комментарии.....	205
<i>Н. Рогачева.</i> Письма из Сибири 1826 года.....	180
<i>Н. Горбачева.</i> Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году.....	180